

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. РУБАНОВ

ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию
в качестве учебно-методического пособия
для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальности 1-23 01 05 «Социология»*

**МИНСК
БГУ
2018**

УДК 316

Рецензенты:

кафедра государственного управления социальной сферой
и белорусоведения Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
(зав. кафедрой доктор социологических наук *С. В. Лапина*);
академик НАН Беларуси, доктор философских наук *Е. М. Бабосов*

Рубанов, А. В.

Основы теоретической социологии [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие / А. В. Рубанов. – Минск : БГУ, 2018.

ISBN 978-985-566-517-6.

Рассматриваются основные тематические поля теоретической социологии и их интерпретация ведущими представителями социологической науки. В центре внимания находятся проблемы социального порядка и природы человеческой деятельности, социальной структуры и социализации, роли субъектов социальных процессов и механизмов социального развития. Особый акцент сделан на оценках современности и перспектив развития общества.

Предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 1-23 01 05 «Социология».

УДК 31

ISBN 978-985-566-517-6

© Рубанов А. В., 2018
© БГУ, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ.....	5
Глава 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.....	10
1.1. Конфуций, Платон и Аристотель об основах социального порядка	10
1.2. Теория общественного договора.....	15
1.3. Классики социологической науки о социальном порядке	19
1.4. Современные трактовки проблемы социального порядка	26
Глава 2. СПОСОБ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ	33
2.1. Обыденная и индивидуальная жизнь человека	33
2.2. Социальная жизнь человека	44
Глава 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА.....	50
3.1. Первобытнообщинный строй.....	50
3.2. Древнее общество.....	54
3.3. Феодализм	60
3.4. Капитализм.....	66
Глава 4. СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРА	72
4.1. Личность и социализация	72
4.2. Социальные институты и социальная структура	83
4.3. Социальная справедливость и гармонизация социальных отношений	93
Глава 5. СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	99

5.1. Особенности массового поведения в условиях социальной неопределенности	99
5.2. Коллективное поведение	102
5.3. Социальные движения	106
5.4. Элиты, партии, интеллигенция	112
5.5. Бюрократия	116
Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ.....	122
6.1. Мотивы и механизмы творческой деятельности.....	122
6.2. Институционализация социальных новаций	129
Глава 7. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РЕВОЛЮЦИИ	139
7.1. Социальные конфликты	139
7.2. Социальные революции	143
Глава 8. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ.....	156
8.1. Эволюционная традиция объяснения общественного развития.....	156
8.2. Теория исторических циклов	166
Глава 9. ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	178
9.1. Классические оценки современности.....	178
9.2. Информационное общество и социальные сети.....	184
9.3. Постсовременность	189
Глава 10. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	196
10.1. Новые подходы к объяснению механизма социального развития.....	196
10.2. Ценностные ориентиры развития современного общества	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	213
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	215

ВВЕДЕНИЕ. ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Самым кратким, но одновременно и точным определением социологии является то, которое напрямую связано с происхождением этого термина. Социология (от лат. *societas* – социум, общество и *logos* – мудрость, знание) – это наука об обществе.

Первым слово «социология» использовал в 1780 г. французский политический деятель и публицист аббат Э.-Ж. Сийес в рукописи, которая не была опубликована при его жизни. В научный оборот термин «социология» ввел в 1839 г. О. Конт.

Общество – это сложноорганизованная, саморазвивающаяся система, структурные составляющие которой имеют многогранный характер. Теоретическое и практическое изучение общества социология ведет на макро- и микроуровнях.

На макроуровне можно выделить следующие основные типы общества:

глобальное общество, т. е. человечество с момента его возникновения до современного состояния;

исторические типы общества: первобытное, древнее, феодальное, капиталистическое, социалистическое, а также переходное общество. Согласно другому критерию это традиционные, индустриальные и постиндустриальные общества;

культурно-религиозные типы общества (христианское, мусульманское, буддистское и др.);

региональные типы общества (западноевропейское, восточноевропейское, ближневосточное, латиноамериканское и др.);

общества, выделенные на основе государственно-национального критерия (белорусское, российское, немецкое и др.).

Общества, выделенные на основе государственно-национального критерия, являются приоритетным объектом изучения социологии.

Существует два наиболее известных подхода к определению отличительных признаков понятия «общества», выделенного на основе государственно-национального критерия.

Э. Шилз считает, что понятие «общество» применимо к любой исторической эпохе, к любому по численности объединению (группе) людей, если это объединение соответствует следующим признакам:

объединение не является частью какой-либо более крупной системы (общества);

браки заключаются между представителями данного объединения;

оно пополняется преимущественно за счет тех людей, которые уже являются его признанными представителями;

объединение имеет территорию, которую считает своей;

у него есть собственное название и своя история;

оно обладает собственной системой управления;

объединение существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида;

его объединяет общая система ценностей (обычаев, традиций, норм, законов, правил, нравов), которую называют культурой.

Другой подход, близкий к предыдущему, связан с именем Р. Марша. Он называет следующие признаки общества:

постоянную территорию в своих государственных границах;

пополнение общества главным образом благодаря деторождению, хотя иммиграция также играет некоторую роль в этом процессе;

развитую культуру — модели культуры могут быть достаточно многообразными, чтобы удовлетворить все потребности общественной жизни;

политическую независимость — общество не является подсистемой (элементом) какой-то другой системы.

На микроуровне примерами общественных образований являются семья, дружеская компания, соседство, фирма (предприятие), общественная организация и др.

Ф. Теннис расширил и одновременно уточнил представления об обществе, когда ввел разграничения понятий «общество» (Gesellschaft) и «община» (Gemeinschaft) и провел их сравнительный анализ по пяти параметрам.

Индивидуальная мотивация: в общине — ориентация на принципы взаимопомощи; в обществе — рациональная (по принципу «минимум затрат — максимум результатов») реализация личных интересов.

Социальный контроль: в общине – традиционные обычаи и неписанные законы; в обществе – формальное право.

Разделение труда: в общине – ограниченная специализация; в обществе – узкая профессиональная специализация.

Доминирующие ценности: в общине – религиозные, в своей основе общечеловеческие ценности; в обществе – светские ценности.

Основные социальные институты: в общине – семья, друзья, соседи; в обществе – правительства, политические партии, общественные объединения, ассоциации деловых кругов и т. п.

Нужно также иметь в виду, что наряду с понятиями «общество», «общественная жизнь» выделяют родственные им понятия «социальность», «социальный», «социальная реальность». Понятие «социальность» охватывает все, что касается совместной жизни людей. Понятие «социальный» касается личностных качеств людей и внешних условий, способствующих организации их совместной жизни. «Социальная реальность» – это реально (действительно) существующие социальные факты, явления и процессы.

Особо следует проводить различие между обществом и культурой. Понятие «общество» охватывает основы социальной организации людей на разных уровнях совместной жизни. В свою очередь понятие «культура» касается способа жизнедеятельности и образа повседневной жизни людей. А социологическое определение культуры можно дать следующее: «Культура – это совокупность представлений о мире, ценностей и норм поведения, которые являются общими для людей, принадлежащих к одной социокультурной общности».

Социология как наука об обществе имеет трехуровневую структуру: теоретическая социология; ее предмет – разработка категориального аппарата, позволяющего объяснить механизм и закономерности функционирования и развития общества;

теории среднего уровня (специальные, частные, отраслевые); их предмет – разработка категориального аппарата, объясняющего механизм и закономерности функционирования и развития отдельных сфер общественной жизни (структурных частей общества);

прикладная (эмпирическая) социология; ее предмет – сбор с помощью специфических социологических и статистических методов информации об общественном мнении и массовом поведении людей в различных сферах жизни общества.

Еще О. Конт выделил в социологии два основных направления теоретических исследований: социальную статику и социальную ди-

намику. Социальная статика рассматривает общество с точки зрения сохранения его целостности и стабильности. Главная проблема социальной статистики – это проблема социального порядка или социальной организации. Она предполагает поиск ответа на вопрос о том, как возможно существование общества, совместной организованной жизни людей. Социальная динамика интересуется изменениями, происходящими в обществе: их причинами, характером, движущими силами и направленностью общественного развития.

Современный польский социолог П. Штомпка справедливо уточнил, что обращение к проблеме общества и его развития требует ответа на три вечных онтологических вопроса об устройении социальной реальности: а) что является основой социального порядка; б) что составляет природу человеческой деятельности; в) каковы механизм и направление социальных изменений?

Эти методологические идеи, на наш взгляд, наиболее точно отражающие структуру социологической теории, обусловили и структурное построение данного учебного пособия.

Глава 1 посвящена реконструкции объяснений существования социального порядка как основы организации общественной жизни, которые были даны в древние века Конфуцием, Платоном и Аристотелем, в Новое время – в рамках теории общественного договора, несколько позже – классиками социологической науки, затем – современными авторами.

В главе 2 рассмотрена сущность понятия «способ жизнедеятельности человека» (его быденной, индивидуальной и социальной жизни), соотносимого с понятием «социальный порядок» и во многом, как это будет показано в дальнейшем, определяющего основные принципы организации общественной жизни.

В главе 3 сделан хронологически последовательный анализ взаимодействия и взаимовлияния способа жизнедеятельности и социального порядка на протяжении всей человеческой истории.

Глава 4 посвящена рассмотрению роли процесса социализации личности, социальных институтов и социальной структуры, а также ориентации на социальную справедливость и представлений о ней в становлении и развитии основ социальной организации.

Начиная с главы 5 акцент при изложении материала сделан на выяснении причин, факторов, механизма и направленности социального развития. Непосредственно в этой главе внимание уделено соци-

ально-преобразующей роли коллективного поведения, действий социальных движений и разного рода элит.

Глава 6 касается сущности творческого процесса и механизма институционализации социальных новаций. В главе 7 раскрывается содержание и социальная роль межклассовых конфликтов и революций. В главе 8 анализируются эволюционистские и циклические концепции общественного развития.

В главе 9 представлены наиболее знаковые оценки современного состояния общества, а в главе 10 рассматриваются перспективы и ценностные ориентиры дальнейшего социального развития.

Издание предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 1-23 01 05 «Социология», для всех, кто интересуется проблемами общества, его функционирования и развития.

Глава 1. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В поисках ответа на вопрос: «Как возможно существование общества, государства?» сложились разные, несовпадающие, а порой и весьма противоречивые теоретико-методологические подходы, объясняющие возникновение и сохранение социального и государственного порядка, составляющего основу организованной общественной жизни людей.

1.1. КОНФУЦИЙ, ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ ОБ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

В истории социальной мысли идея определенной формы порядка, лежащей в основе существования государства и общества, впервые достаточно отчетливо выражена в конфуцианстве и философии античности.

У Конфуция представление о социальном порядке основывается на сочетании двух принципов: строгой социальной иерархии и неукоснительного соблюдения ритуалов.

Необходимость строгого иерархического устройства общественной жизни на всех ее уровнях он выразил словами: «Государь должен быть государем, слуга слугой, сын сыном, отец отцом» [69, с. 90]. Взаимоотношения между разными социальными группами должны быть основаны на строгом повиновении младших старшим, детей – родителям, подчиненных и подданных – чиновникам и государю.

Для обоснования этого принципа Конфуций разработал учение о сыновней почтительности, сформулировав его следующим образом:

«Молодые люди должны выказывать почтительность к родителям, а вне дома уважительность к старшим» [69, с. 20]. Этот принцип лежит в основе нравственных отношений: «Мораль, добродетель всегда будут укреплены, — говорил Конфуций, — если с достоинством мы будем относиться к памяти умерших предков и с достоинством будем припоминать их деяния» [69, с. 21]. Соблюдение принципа сыновней почтительности крайне важно для сохранения порядка в государстве и успешного управления им. Ведь «нечасто бывает такое, когда человек, уважающий, почитающий старших, родителей, мог выступать против правителя» [69, с. 19].

Другой базовый стержень социального порядка — ритуал — означает строгое следование нормам и правилам поведения, которые восходят к культуре предков и выражаются в соблюдении традиций, обычаев, обрядов и церемониала. Атрибутами ритуала являются строго установленная форма и демонстративный характер исполнения. «Ритуал полезен потому, что он приводит людей к миру, согласию. Гармония же ритуала воспроизводит как прекрасное дао многих царей, а им необходимо следовать и в малом и в большом, так как они совершали все свои дела в соответствии с ритуалами. Нельзя делать то, что не соответствует ритуалу, потому что разрушение гармонии ритуала будет ограничивать само деяние» [69, с. 22]. Организующая социальная роль ритуала чрезвычайно велика, поэтому «то, что неприемлемо для ритуала, то и пагубно для глаз; то, что чуждо ритуалу, нельзя тому и внимать; то, что плохо для ритуала, нельзя обсуждать; то, что не подходит для ритуала, нельзя исполнять» [69, с. 87–88].

Следование ритуалу — залог успешного управления государством. Отсюда происходит и совет Конфуция государям: «Руководи народом так, как будто ты осуществляешь важный жертвенный ритуал; не пытайся людям делать то, что не желаешь самому себе, тогда в государстве и семье не будет мятежей и вражды» [69, с. 88]. Более того, в строгом соблюдении ритуалов заложена основа духовно-нравственных отношений, по выражению китайского мыслителя — добродетели. Если «порядок удерживать с помощью наказаний, то народ будет склонен уклоняться от наказаний и вряд ли будет испытывать стыд. Если же руководить народом, беря за основу добродетель и сохранять мир, порядок при помощи ритуалов, то сам народ и будет выражать покорность, стыд и исправляться» [69, с. 22].

В учении Платона проблема социального порядка представлена в контексте его идей о государстве. Основу государства, а соответст-

венно и общества, согласно его мысли, составляет разделение труда. Объясняя возникновение государства, Платон исходил из того, что его создают потребности людей. Каждый человек не может удовлетворить их сам. Поэтому многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает название государства [90, с. 130].

Самая большая потребность, продолжает он, — это добыча пищи для существования и жизни. Вторая потребность — жилье, третья — одежда и т. п. Производители этих благ, первыми из которых являются земледелец, строитель и ткач, составляют первое сословие государства. Удовлетворение растущих потребностей людей, продолжает свои рассуждения Платон, начинает требовать, с одной стороны, расширения территории государства, прежде всего за счет соседей; с другой — защиты от подобных притязаний с их стороны. Межгосударственные конфликты ведут к формированию второго сословия, состоящего из воинов (стражей). Управлять государством призваны представители третьего сословия — мудрецы-философы, которые не потакают мнению толпы, отличаются стремлением к познанию истины, способностью охватить мыслью «целокупность времени и бытия». Их главное назначение — устанавливать и оберегать разумные и справедливые законы.

Социальный отбор в то или иное сословие осуществляется правителями на основе преобладания в душе человека одного из трех начал: «разумного» (способность рассуждать), «яростного» (мужественного, когда соблюдаются указания рассудка) и «вождедеющего» (влюбчивость, голод, жажда, другие наслаждения). Преобладание «разумной» основы свойственно философам, «яростной» — стражам, «вождедеющей» — земледельцам и ремесленникам [90, с. 212–219].

Очевидно, что социальный порядок в идеальном государстве Платона, стабильность общества основываются на строгой иерархичности социальной структуры, которая образуется в соответствии с характером разделения труда. Следует также учитывать, что выполнение людьми своих социальных обязанностей будет эффективным при учете их личных интересов. Поэтому при росте и благоустройстве государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным и не допускать проникновения в государство двух социальных зол: богатства и бедности, поскольку первое ведет к роскоши и лени, вторая — к низостям и злодеяниям [90, с. 191].

Особое внимание Платон обращает на духовно-нравственные основы идеального государственного устройства. По его мнению, социальный порядок держится на основных добродетелях. Эти добродетели следующие: мудрость (здоровые решения), мужество как гражданское свойство, рассудительность, подобная некоей гармонии, и справедливость, которая состоит в том, что каждый занимается своим делом. Справедливый человек, продолжает Платон свою мысль, несколько не отличается от справедливого государства, где три различных по своей природе сословия выполняют свои социальные обязанности [90, с. 219–221].

Аристотель общество, по сути дела, отождествляет с городом-государством (полисом). В качестве основополагающих элементов социальной системы он рассматривает человека, семью, селение и государство. Общество, состоящее из нескольких селений, пишет Аристотель, есть вполне завершённое государство, достигшее самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни [4, с. 461–462].

Основополагающим структурным признаком государства, согласно Аристотелю, является общение, которое организуется ради какого-либо блага. Все общения стремятся к тому или иному благу, но больше других к высшему из благ стремится то общение, которое является наиболее важным и обнимает собой все остальные общения. Это общение, по его словам, называется государством или общением политическим. Государство, уточняет он свою мысль, есть общение свободных людей [4, с. 376, 456].

Государство, по мысли Аристотеля, имеет естественное происхождение. Его возникновение вызвано тем, что, во-первых, человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству. Во-вторых, к нему людей побуждает сознание общей пользы. В-третьих, люди объединяются ради самой жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость [4, с. 455].

Подчеркивая основополагающее значение социального порядка в общественной жизни, Аристотель вводит понятие государственного устройства и определяет его как организацию обитателей государства. В другом месте он уточняет понятие государственного устройства, когда говорит, что это распорядок в области организации государственных должностей вообще и в первую очередь верховной власти [4, с. 444, 455].

Аристотель выделяет шесть видов государственных устройств. Три рассматриваются им как правильные. Каждому из них соответствуют свои отклоняющиеся формы. Правильные виды государственного устройства: монархическое правление (царская власть), которое имеет в виду общую пользу; аристократия, т. е. власть немногих, но более чем одного, когда правят лучшие, а в виду имеется высшее благо государства и тех, кто в него входит; полития, когда ради общей пользы правит большинство. Отклонениями в государственном устройстве он считает, во-первых, тиранию, т. е. монархическую власть, имеющую в виду выгоды одного правителя; во-вторых, олигархию, которая блюдет выгоды состоятельных граждан; в-третьих, демократию, представляющую собой правление неимущего большинства, осуществляемое в его же интересах. Общей пользы, подводит он итог, ни одна из трех последних форм правления не дает.

Сам Аристотель лучшим из названных государственных устройств считал политию, но исходил из положения, что в целом ни одно из них не удовлетворяет своему назначению. Высказав намерение определить идеальный государственный строй, он начал с установления принципа, который мог бы послужить исходной точкой его поисков. Этот принцип был сформулирован им следующим образом: должны ли все граждане принимать участие во всем, касающемся жизни государства, или ни в чем, или в одних делах принимать участие, а в других – нет?

Основу организации социальной жизни, по его убеждению, составляют законы. Под какой властью полезнее находиться, задает он риторический вопрос: под властью лучшего мужа или под властью лучших законов? И отвечает: поскольку закон беспристрастен, предпочтительнее, чтобы властвовал он, а не кто-либо один из среды граждан. А на контраргумент, что закон не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, возражает, что и человек не в силах их предугадать. Зато в закон можно вносить поправки, если опыт покажет их необходимость. Главное преимущество закона состоит в том, что он представляет собой, по выражению Аристотеля, свободный от безотчетных позывов разум [4, с. 477, 481–482].

Наряду с законодательными основаниями государства Аристотель выделяет его нравственные основы и делает это тогда, когда, во-первых, ведет рассуждения о добродетели гражданина; во-вторых, раскрывает содержание понятия «справедливость». Добродетель гражданина, на его взгляд, заключается в умении властвовать и быть под-

властным. Что касается справедливости, то она, как определяет ее Аристотель, представляет собой государственное благо, т. е. то, что служит общей пользе.

Особо Аристотель рассматривает вопрос о том, как собственность должна быть организована у тех, кто стремится иметь наилучшее государственное устройство — быть общей или не общей? Лучше, чтобы собственность была частной, пишет он, а пользование ею — общим. Ведь когда забота о ней будет поделена между разными людьми, среди них исчезнут взаимные нарекания; наоборот, получится большая выгода, поскольку каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит; благодаря же добродетели в использовании собственности получится согласно пословице «У друзей все общее» [4, с. 410].

Формирование стабильного и справедливого государства Аристотель связывает со средним классом. Обосновывая такую позицию, он выделяет в социальной структуре государства три части населения: очень состоятельных, крайне неимущих и третьих, стоящих посередине между теми и другими. Исходя из основополагающего тезиса, что для каждого человека наилучшее — это умеренность и средняя жизнь, он считает, что «средний достаток из всех благ всего лучше». При наличии среднего достатка, аргументирует он свою позицию, легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Таким образом, делает он вывод, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Формирование такого государства предполагает, на его взгляд, два важнейших условия. Во-первых, средний класс численно должен быть представлен в большем количестве, быть сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности. Во-вторых, государство должно содействовать тому, чтобы «его граждане обладали собственностью средней, но достаточной» [4, с. 507—508].

1.2. ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Первая развернутая концептуальная трактовка проблемы социального порядка возникла в эпоху Просвещения в теории общественного договора, разработка которой связана с именами Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо.

Т. Гоббс первым дал определение проблемы социального порядка, впоследствии ставшее классическим. Он представил ее в форме парадокса: как возможно общество, если «человек человеку — волк»? Гоббс исходил из того, что жизнь людей без общей власти порождает такое состояние общественной жизни, которое он назвал войной всех против всех. Безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством договора, согласно которому каждый гражданин уступает часть своих естественных прав в пользу верховного суверена (в его понимании — монархической власти), получая взамен гарантии защиты жизни и собственности. Из этой позиции исходит гоббсовское определение государства как единого лица, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты [41, с. 133].

Раскрывая основания и механизм заключения общественного договора, Гоббс писал: «Страсти, делающие людей склонными к миру, есть страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к согласию. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами» [41, с. 155]. В числе естественных законов, т. е. принципов поведения людей, соответствующих условиям общественного договора и лежащих в основании права и государства, Т. Гоббс назвал такие:

следует искать мира и следовать ему, защищая себя при этом всеми возможными средствами [41, с. 156];

в случае готовности других к миру человек обязан, если того требуют интересы мира и самозащиты, довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую он допускает у других по отношению к себе [41, с. 156];

люди должны выполнять заключенные ими соглашения [41, с. 169];

человек, получивший благодеяние от другого лишь из милости, должен стремиться к тому, чтобы тот, кто оказал это благодеяние, не имел разумного основания раскаиваться в своей доброте [41, с. 177];

каждый человек должен приноравливаться ко всем остальным [41, с. 177];

человек должен прощать прошлые обиды тем, кто, проявляя раскаяние, желает этого [41, с. 178];

при отмщении люди должны сообразовываться не с размерами совершенного зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением [41, с. 178];

ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать неприязнь к другому [41, с. 179];

каждый человек должен признавать других равными себе от природы [41, с. 180];

при вступлении в договор ни один человек не должен требовать себе предоставления какого-либо преимущественного права, на предоставление которого другому человеку он не согласился бы [41, с. 180];

если человек уполномочен быть судьей в споре между двумя другими, то естественный закон предписывает ему беспристрастно их рассудить [41, с. 180];

неделимые вещи должны использоваться, если это возможно, сообща, при этом если количество вещей позволяет, то без ограничений, а в противном случае — пропорционально числу тех, кто имеет на них право [41, с. 181];

при равном праве владения либо устанавливается поочередное пользование, либо же первоочередное владение и пользование предоставляется по жребию [41, с. 181];

жребий может быть двоякого рода: первый — установленный, т. е. тот, который устанавливается соглашением сторон, второй — неустановленный, или естественный, возникающий в результате, например, первородства [41, с. 181];

тем, кто является посредниками мира, должны быть даны гарантии неприкосновенности [41, с. 181];

никто не может быть судьей самого себя [41, с. 182];

в случае спора стороны должны подчиниться решению арбитра [41, с. 182];

никто не имеет права быть судьей в деле, в котором в силу естественных причин он имеет пристрастие [41, с. 182];

в судебном разбирательстве судья должен выслушать аргументы всех сторон [41, с. 182].

Дж. Локк в рамках своей интерпретации идей общественного договора акцент делает на проблемах политической власти (государства) и собственности. «Политической властью, — пишет он, — я считаю право создавать законы, предусматривающие смертную казнь и соответственно все менее строгие меры наказания для регулирования

и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне — и все это только для общественного блага» [79, с. 263].

Политическому (правовому) существованию людей предшествует их естественное состояние. Давая характеристику естественному состоянию людей, Локк пишет, что «это — *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого» [79, с. 264]. В рамках этого состояния естественный закон природы, который опирается на силу человеческого разума, учит всех людей, «что, поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [79, с. 265].

В естественном состоянии люди находятся до тех пор, «пока по своему собственному согласию они не становятся членами какого-либо политического общества» [79, с. 270]. Раскрывая структуру политической власти, Локк указывает на необходимость четкого разделения ее законодательной и исполнительной ветвей, поскольку «те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон... для своей личной выгоды» [79, с. 347].

Ж.-Ж. Руссо в теории общественного договора исходил из основополагающего тезиса, что основой власти является соглашение, а государство возникает на договорной основе. «Поскольку ни один человек, — писал он, — не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то в качестве основы всякой законной власти среди людей остается соглашение». И продолжал: «Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли... Вместо отдельной личности каждого договаривающегося этот акт ассоциации немедленно создает... общее Я, жизнь и волю. Эта общественная личность, составленная путем соединения всех остальных личностей, получала в прежние времена название гражданской общины, а теперь называ-

ется республикой или политическим телом, которое именуется своими членами государством» [97, с. 568].

В историческом плане Руссо выделял естественное состояние, гражданское общество и государственное состояние. В естественном состоянии люди «жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений» [97, с. 564]. «Истинным основателем гражданского общества», по его образному выражению, был «первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: “Это мое” и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить» [97, с. 562]. Прямое следствие частной собственности на землю — имущественное неравенство. С образованием государства оно дополнилось политическим неравенством.

Установление справедливого социального порядка Руссо связывал с реализацией народного суверенитета, или, по его словам, «общей воли», который предполагает заключение общественного договора свободными и равными людьми. Идею народного суверенитета Руссо конкретизирует, когда утверждает, что «всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон».

1.3. КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ О СОЦИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Свои объяснения проблемы порядка в том виде, в каком ее сформулировал Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни, пытались дать основоположники социологической науки.

Социальная статика и социальная динамика — две главные категории социологии О. Конта. Девиз позитивизма: порядок и прогресс [68, с. 121]. Определяя содержание контовского понятия социальной статике, Р. Арон отмечает: «Статика, в сущности, сводится к изучению того, что он называет общественным консенсусом. Общество сравнимо с живым организмом. Подобно тому, как нельзя изучать функционирование любого органа в отрыве от целостного живого организма, точно так же нельзя изучать политику и государство вне рамок всего общества, взятого в данный момент. Социальная статика предполагает, таким образом, с одной стороны, анатомический

анализ структуры общества на конкретный момент, а с другой — анализ элемента или элементов, определяющих консенсус, т. е. превращающих совокупность индивидов или семейств в коллектив, делающих из множества институтов единство» [7, с. 100].

Особую роль в установлении порядка играет рост социального чувства, как названа одна из глав «Духа позитивной философии» О. Конта. Говоря об этом процессе, он выделял эгоистические, семейные и социальные инстинкты (чувства) поведения человека. В «эпоху детства человеческой жизни» основную роль, по его словам, играли инстинкты, относящиеся к поддержанию материальной жизни. Уменьшение влияния эгоистических инстинктов и пробуждение социальных чувств происходило по мере возрастания значения разума, вырабатывающего определенные правила поведения, хотя личные инстинкты преобладали и будут преобладать всегда. Ничего порочного в этом нет. «В самом деле, — задает Конт риторический вопрос, — каким образом тот, кто не любил себя, мог бы любить другого? Нужно опасаться только слишком слабой интенсивности социальных чувств». Развитие ума равносильно возрастанию инстинктов доброжелательства, потому что оно усиливает власть человека над страстями и делает более отчетливым и живым сознание зависимости от общества. Оно же дает перевес чувствам симпатии, устраняя эгоистические мотивы и внушая любовь к порядку, способную содействовать сохранению социальной гармонии [104, с. 81–82].

Посредником между индивидом и родом выступает семья. Именно в ней человек начинает выходить за пределы своей личности и приучается жить для других. Особую роль отводил он женщинам, которые, отличаясь развитостью чувства симпатии и общительности, призваны изменять слишком холодное и грубое направление мужского ума, вызывать смягчающие социальные инстинкты. Для детей семья является школой социальной жизни, вырабатывающей способность к повиновению и управлению. Привычка к кооперативной деятельности также развивает социальные инстинкты, вызывая чувство зависимости от других и сознание своего личного значения. Это происходит тем более интенсивно, когда работа распределена таким образом, что каждый занимается тем, к чему имеет склонность и лучше подготовлен. Вместе с выгодами специализации возрастают ее неудобства. В результате разделения людей по профессиональному признаку социальные чувства распространяются лишь на лиц одинаковой профессии. Вызванные разделением труда умственные и нрав-

ственные различия между людьми требуют постоянной дисциплины, способной предупредить или сдержать разлад между людьми. Ее обеспечение – функция государства [104, с. 83, 89].

Г. Спенсер рассматривал проблему социального порядка в контексте своих эволюционных идей, означающих «переход от состояния относительной неопределенности, несвязности, однородности к состоянию относительной определенности, связности, многогранности» [141, с. 370–373; 142, с. 17] и объясняющих как «самые ранние изменения, которые, как предполагается, испытала вселенная в целом... так и те последние изменения, которые прослеживаются в обществе и в продуктах социальной жизни» [141, с. 337].

Эволюция общественной жизни идет в направлении роста масштаба социальных образований, усложнения их структуры и дифференциации функций. С увеличением дифференциации возрастает потребность во взаимозависимости и взаимосогласованности частей социального целого и выполняемых ими функций, а как следствие, необходимость создания «регулирующей системы», которая контролировала бы действия составляющих частей и обеспечивала их координацию. «В государстве, как и в живом теле, – пишет Спенсер, – неизбежно возникает регулирующая система... При формировании более прочного сообщества... появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры, высшие центры начинают расширяться и усложняться» [142, с. 46]. Так формируется социальный порядок.

Основываясь на особенностях механизма внутренней регуляции общественной жизни, Спенсер выделил военные и индустриальные общества. «Характерной чертой военных обществ является принуждение... Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является принудительным сотрудничеством... так же как и в организме человека внешние органы полностью зависят от центральной нервной системы» [142, с. 58–59]. Общество индустриального типа, напротив, характеризуется «индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным сотрудничеством. И поскольку развитая стабильная система, склоняющаяся к социальному организму индустриального типа, создает себе, как и развитая стабильная система животного, регулирующий аппарат рассеянного и нецентрализованного вида, она стремится также децентрализовать пер-

вичный регулирующий аппарат за счет привлечения от различных классов их оспариваемой власти» [143, с. 569].

Ф. Теннис рассматривает проблему социального порядка в тесной связи с выделением общинных (*gemeinschaftliche*) и общественных (*gesellschaftliche*) связей и отношений.

Основу социальной организации при общинных (общностных) отношениях составляют общие эмоциональные переживания, личная привязанность и душевная склонность. К этим отношениям он относит следующие: собственно родовые или кровно-родовые отношения; отношения соседства, характеризующиеся совместным проживанием, свойственные брачной и в узком смысле слова семейной жизни, однако в понятии имеющие более широкий смысл; отношения дружбы, основывающиеся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни [145, с. 464].

Сущностью общественных отношений является рациональная реализация личных интересов. В такого рода отношения могут вступать не только отдельные индивиды, но и формальные «лица», т. е. разного рода группы, сообщества, даже государства. «Сущность всех этих отношений и связей заключается в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознает. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру» [145, с. 464].

Э. Дюркгейм тесно связывал существование общества с социальной солидарностью, которую считал универсальной ценностью, лежащей в основе организованной общественной жизни. Он проводил различие между механической и органической солидарностью. Механическая солидарность господствует в неразвитых, архаических обществах. Она определяется сходством, подобием составляющих их индивидов, одинаковостью исполняемых ими общественных функций, неразвитостью индивидуальных черт. Возникновение органической солидарности Дюркгейм связывал с разделением труда, под которым понимал профессиональную специализацию. Разделение труда все более и более исполняет роль, «которую, по его словам, некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов» [50, с. 181].

Важный элемент социальной солидарности – коллективные представления, образующие в совокупности коллективное или общее со-

знание. Оно существует независимо от индивидов и способно оказывать на них внешнее принуждение. Давая ему определение, Дюркгейм писал: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием». «Оно, — разъясняет он далее свою мысль, — нечто совершенно иное, чем частные сознания, хотя и осуществляется только в индивидах. Оно — психический тип общества» [50, с. 87]. Выражая те или иные состояния общественной жизни, коллективные представления зависят от ее состава и способа организации, от ее морфологии, от ее институтов — религиозных, моральных, экономических и т. п.

Организирующая роль коллективного сознания особенно сильно проявляется в архаических обществах, где объем коллективного сознания совпадает с объемом индивидуальных сознаний, а по своему характеру оно религиозно. Неслучайно наиболее полное представление о коллективном сознании содержится в дюркгеймовской концепции религии. Отрицая идею сверхъестественного, божественного как атрибута религии, Дюркгейм называл бога обществом. Главное назначение церкви — отправление коллективных обрядов и культов, увеличивающих солидарную силу группы и укрепляющих общее сознание. С интенсивным социальным общением во время первобытных культовых действий, обрядов, церемоний и празднеств, когда трудное повседневное существование сменялось состоянием крайней экзальтации и подъема, пробуждающих веру в великую идею коллективности общества, связано, на его взгляд, само появление религиозной идеи. При органической солидарности коллективное сознание уменьшается в объеме, становится слабее и неопределеннее, принимает новые формы и изменяет свое содержание. По содержанию оно все более превращается в светское, рационалистическое, ориентированное на индивида. В то же время, по утверждению Дюркгейма, общему сознанию не угрожает опасность «совсем исчезнуть». Развивается новая религия, объектом которой становится индивид.

М. Вебер рассматривал конституирование социального порядка через социальное действие и взаимодействие. Определяя социальное действие, Вебер выделял два основных момента: субъективную мотивацию индивида или группы и ориентацию действующего лица на другого или других. «Действием мы называем, — писал Вебер, — действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внут-

ренный характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. “Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [30, с. 602–603].

Вебер указывает четыре вида действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное. «Социальное действие, подобно всякому действию, — писал он, — может быть определено: 1) целерационально, т. е. через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании этого ожидания как “условия” или как “средства” для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рационально, т. е. через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое и независимо от успеха; 3) аффективно, особенно эмоционально — через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционно, т. е. через привычку» [137, с. 551].

Ведущая тенденция социально-исторического процесса, по Веберу, — это рационализация социального действия. «Одной из существенных компонент “рационализации” действия является, — писал он, — замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия “рационализация” действия, ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно — в направлении сознательной ценностной рационализации — и негативно — не только за счет разрушения нравов, но также и за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения в пользу чисто целерационального, при котором уже не верят в ценности» [137, с. 558]. Предел рационализации, характерный для капитализма, — это формальная рациональность, которую воплощает калькулируемость, когда все без остатка поддается количественному учету, исчерпывается количественной характеристикой.

Существование организованной общественной жизни Вебер связывает с тем, что социальное поведение индивидов ориентировано на их представление о существовании легитимного порядка, т. е. власти, которая признается управляемыми или имеет шанс встретить пови-

новение определенному приказу. «Современное государство, по его высказыванию, в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать» [30, с. 614–615].

Легитимные типы господства, на которых основывается социальный порядок, Вебер анализирует, исходя из «мотивов повиновения власти». Трём таким мотивам соответствуют три типа господства. Традиционный тип господства обусловлен нравами, привычкой к определенному поведению. Основывается он на вере как в законность, так и священность издревле существующих порядков, личной преданности господину. Этому типу господства соответствует традиционное поведение. Аффективное действие лежит в основе харизматического господства. Харизма — качество личности, признаваемое необычайным, наделяющее ее сверхъестественной силой и способностью. Харизматический тип господства основывается на преданности и доверии к личности вождя. «Легальный» тип господства в качестве «мотива уступчивости» имеет соображения интереса. В его основе лежит целерациональное действие. Осуществляется «легальное господство» посредством реализации формально-правового начала, строгого соблюдения законов. Аппарат управления составляет бюрократия, т. е. специально обученные чиновники, к которым предъявляется требование действовать, «невзирая на лица» [30, с. 636–643].

Первоначальный акцент на причинах происхождения социального порядка постепенно, начиная с социальной статики О. Конта, сместился на факторы, способствующие сохранению его устойчивости и стабильности. Наиболее развернутое объяснение этих факторов содержится в синтетической теории социального порядка Т. Парсонса. Согласно этой теории равновесие и гармония в обществе достигаются двумя параллельными путями. С одной стороны, порядок в общественной жизни основывается на том, что в процессе социализации люди усваивают доминирующие в данном обществе ценности и нормы поведения и следуют им в повседневной жизни, выполняя свои социальные роли. Даже мотивацию поведения Парсонс рассматривал в контексте приспособления к существующему социальному порядку, отмечая, что мотивы — это то, что люди «испытывают побуждение» сделать или «хотят» сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах.

С другой стороны, система социального действия сохраняет стабильность благодаря совместным действиям подсистем общества, которые выполняют, по выражению Парсонса, основные функции сохранения структуры. К этим функциям он относит адаптацию (приспособление к изменяющейся окружающей среде – функция экономики), целенаправленность (выдвижение общесистемных целей – функция политики), интеграцию (обеспечение сплоченности, солидарности – функция социетальной общности) и сохранение латентной структуры (сдерживание внутренней напряженности – функция культуры).

Проблема социального порядка является предметом анализа и объяснения в других классических социологических теориях.

Так, в теории обмена социальный порядок представлен как состоящий из устойчивых структур обмена, которые формируются на основе поведения людей, во-первых, стремящихся к максимизации выгод и минимизации затрат в процессах материального и нематериального обмена друг с другом; во-вторых, следующих правилам социального обмена.

Как продукт ценностного консенсуса большинства членов общества рассматривается социальный порядок в символическом интеракционизме. Сосредоточив особое внимание на общении людей и познании мира посредством широкого набора разнообразных значений и символов, интеракционисты рассматривают согласованное символическое взаимодействие в качестве важнейшего условия возникновения и поддержания социального порядка.

1.4. СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Подводя некоторый промежуточный итог, можно отметить, что традиция анализа проблемы социального порядка в ее гоббсовской постановке (почему возможно существование общества?) привела к тому, что акцент в классических социологических теориях сделан на равновесии, стабильности социального порядка. Проблема изменчивости основ социальной организации представлена в них преимущественно в виде процесса их формирования, сохранения и разрушения. Р. Нисбет в связи с этим справедливо отмечал, что практически все значимые идеи европейской социологии могут быть поняты как ответ на проблему порядка, созданную в начале XIX в. коллапсом старого режима

под влиянием индустриализма и революционной демократии. Последствием этого явилось то, что в господствующей концептуальной парадигме из социально-исторического процесса стали исчезать действующие в нем люди. В определенной мере эта традиция была прервана концепцией социального действия М. Вебера.

Парадигматический сдвиг в социальной теории от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил, когда социальный порядок видится как воспроизводимый и конструируемый в результате человеческих действий, произошел в конце прошлого — начале нынешнего столетия и связан с представителями «теории социальных агентов» (Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Они отделились от дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и начали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие. В результате их совместных интеллектуальных усилий функционирование и развитие общества стало рассматриваться как общий итог действий всех социальных агентов (субъектов).

Суть их взглядов может быть кратко выражена следующими тезисами: во-первых, общество — это процесс, подвергаемый постоянным изменениям; во-вторых, эти преобразования преимущественно эндогенные, способные к саморазвитию; в-третьих, их главная движущая сила — активность отдельных личностей и групп; в-четвертых, действие совершается в контексте перемещающихся структур, которые оно создает и под влиянием которых находится само, результатом чего является двойственность структур (формирующих и формируемых) и двойственность действующих лиц (производящих и производных); в-пятых, взаимовлияние действий и структур происходит посредством сменяющихся друг друга периодов созидательной активности действующих агентов и строгой предопределенности структур.

Так, создатель фигуративной социологии Н. Элиас связывает основы социальной организации с наличием множества фигураций, под которыми он понимает различным образом структурированные взаимозависимости индивидов, связывающие их между собой. Взаимозависимости, в которые включены индивиды, не только действуют как внешние принуждения, но также участвуют в формировании внутренних структур личности, ее чувств и мышления. Фигурации отличаются одна от другой длительностью и сложностью цепочек взаи-

мосвязей. Они не ограничиваются теми зависимостями, которые люди познают на основе своего опыта или благодаря осознанию. Их разнообразие, приводит он пример, распространяется от четырех человек, играющих в карты, до нации или международных отношений. Фигурации устанавливают рамки действий, которые определяют как возможности индивидуального выбора, так и его пределы [135, с. 62–65].

Конфигурация многих взаимных зависимостей, считает Элиас, отмечена неравенством, доминированием и властью. Власть он понимает не как нечто, чем «кто-то» «обладает», а согласно формуле: «даже если мы в большей степени зависим от других, нежели эти другие зависят от нас, они имеют над нами власть». Это, в частности, означает, что каждая сторона по-своему испытывает принуждение. Элиас показывает в связи с этим, что «король-солнце» Людовик XIV, обладая, несомненно, большей свободой, чем другие представители французского общества той эпохи, не мог делать всего, что пожелает, поскольку был включен в сеть взаимозависимостей, присущих придворному обществу.

В изменениях социальной конфигурации Н. Элиас видит причину решающих исторических перемен. Так, возникновение абсолютной монархии он объясняет действием так называемого «королевского механизма», состоящего в том, что короли появляются при наличии особой конфигурации, когда соперничающие функциональные группы амбивалентны, т. е. одновременно зависимы друга от друга и враждебны по отношению друг к другу, а власть оказывается поровну распределенной между ними, что препятствует возникновению серьезного конфликта или итогового компромисса.

Основоположник структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, объясняя свой в определенном смысле «перекрестный» подход к формированию основ общественной жизни, писал: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями» [26, с. 181–182].

С целью реализации своей исследовательской позиции он использует два ключевых понятия: габитус и поле.

Габитус, согласно Бурдьё, – это система мотивационных и когнитивных структур, являющихся продуктом условий существования и управляющих поведением и восприятием индивида в обыденных ситуациях. Габитус формируется первоначально через первые жизненные опыты человека (первичный габитус), а затем через опыт его взрослой жизни (вторичный габитус). Составляющие его диспозиции устойчивы и пытаются сопротивляться изменению, но тем не менее они способны изменяться в процессе жизни. Содержание габитуса формируется в тесной связи с социальным положением человека. Люди с аналогичным положением обычно обладают схожими габитусами. Габитус порождает индивидуальные и коллективные практики, которые позволяют справляться с непредвиденными и постоянно меняющимися ситуациями, но полностью положиться на него в критических, опасных ситуациях невозможно. Воспроизводится габитус, скорее, тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, однако он способен к инновациям, когда оказывается лицом к лицу с незнакомыми ситуациями.

Поле – это определенная сфера (пространство) социальной жизни, обладающая своей структурой, логикой и набором ценностей, которые сформировались и существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Существует ряд полуавтономных полей (экономическое, религиозное, художественное, высшего образования и др.), каждое из которых обладает собственной логикой и значениями. Полю присуще неравномерное распределение свойственных ему легитимных средств и, как следствие, конкурентная борьба за их капитализацию, включая экономический, политический, социальный, культурный, символический и другой капитал. Особую социальную роль играют поле власти (политики) и символическое насилие как главный механизм утверждения господства. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках того или иного поля, используют разнообразные стратегии действия, хотя в своей основе они следуют правилам поля. Взаимоотношения габитуса и поля Бурдьё характеризует следующим образом: поле обуславливает габитус, габитус образует поле как нечто, обладающее смыслом и заслуживающее затрат жизненной энергии людей [26; 27].

Для описания взаимодействия структур и социальных действий Э. Гидденс ввел понятие «структуризация», понимая под ней двусторонний процесс, с помощью которого мы как формируем свой социальный мир через собственные действия, так и сами меняемся благо-

даря обществу [39, с. 619]. Разъясняя, что такое структуризация, он писал, что «условия социальной среды, в которой мы живем, не состоят всего лишь из случайно образовавшихся цепочек событий или действий — они структурированы, или смоделированы, неодинаковым образом. В наших формах поведения и в отношениях друг с другом есть упорядоченность. Но структура социальная не похожа на материальную, как у строения, существующего независимо от действий человека. Сообщества людей всегда находятся в процессе структуризации. В любой момент времени они подвержены реконструкции, осуществляемой теми самыми “строительными блоками”, из которых построены, т. е. реконструкции, производимой человеческими существами» [39, с. 19]. Свой социальный оптимизм он связывал с возрастающим объемом социальной рефлексивности, когда многие аспекты жизни, которые прежними поколениями принимались просто как само собой разумеющиеся, связаны с необходимостью открытого принятия решения [39, с. 585].

Основатели социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что социальный порядок — это человеческий продукт и в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности). В основе социального порядка лежит типизация повторяющихся успешных человеческих действий. Любой институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, раскрывают они свою мысль, предшествует хабиитуализация, т. е. опривычивание человеческой деятельности. Живучесть и сила привычки коренятся в том, что часто повторяемое действие воспроизводится с экономией усилий и освобождает человека от бремени принятия решений в ситуации неопределенности, принося ему тем самым психологическое облегчение и освобождая энергию для инноваций [16, с. 89–91].

Итак, в поисках ответа на вопрос: «Как возможно существование общества, государства?» в истории социальной мысли сложились различные, порой весьма отличающиеся один от другого теоретико-методологические подходы.

Впервые идея определенной формы порядка, лежащей в основе существования государства и общества, достаточно отчетливо была выражена в конфуцианстве и философии античности. У Конфуция представление о социальном порядке основывается на сочетании

двух положений: строгой социальной иерархии, уважении старшинства и неукоснительном соблюдении ритуалов. В учении Платона проблема социального порядка представлена в контексте его идей о государстве, основу которого составляют гармоничные отношения трех сословий, возникших на основе разделения труда: во-первых, земледельцев и ремесленников, во-вторых, воинов (стражей) и, в-третьих, мудрецов-философов, которые призваны управлять государством. Аристотель особо связывал стабильность государства со средним классом, т. е. людьми, обладающими средней, но достаточной собственностью, в итоге лучше других следующими доводами разума, а в силу этого законопослушными и противостоящими любым радикальным переменам.

В эпоху Просвещения трактовка проблемы социального порядка была представлена преимущественно теорией общественного договора, разработка которой связана с именами Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Но если Гоббс видел основу социального порядка в монархической форме правления, то Руссо связывал ее с установлением республиканского строя.

О. Конт, вводя в научный оборот понятие «статика», ассоциировал ее с общественным консенсусом. Особую роль в установлении порядка он видел в росте социальных инстинктов. Г. Спенсер связывал становление социального порядка с возникновением при усложнении структуры и дифференциации функций социальных образований высших центров регулирования социальных отношений. В военных обществах их действие основано на принудительном сотрудничестве, в индустриальных — на добровольном сотрудничестве. Ф. Теннис основу социальной организации общины видел в общих эмоциональных переживаниях ее членов, общества — в осознании полезности или ценности другого человека. Э. Дюркгейм тесно связывал существование общества с социальной солидарностью: механической (в первую очередь коллективными представлениями) в архаических обществах и органической в условиях развивающегося разделения труда. М. Вебер рассматривал конституирование социального порядка через социальное действие и взаимодействие и связывал его с легитимными типами господства, которые основываются на трех «мотивах повиновения власти». Традиционный тип господства обусловлен верой в законность и священность традиционных обычаев. В основе харизматического господства лежит харизма, т. е. вера в сверхъестественную силу и способности лидера. Легальный тип господства

держится на соображениях интереса. Согласно Т. Парсонсу, порядок в общественной жизни, с одной стороны, основывается на механизме социализации людей. С другой стороны, стабильность сохраняется благодаря совместным действиям всех подсистем общества: экономики, политики, культуры и социальной интеграции (солидарности). В теории обмена социальный порядок представляется как состоящий из устойчивых структур обмена. В символическом интеракционизме — как продукт ценностного консенсуса большинства членов общества.

Не менее многообразны объяснения конструирования социального порядка в современных социологических теориях. Так, в фигуративной социологии Н. Элиаса основы социальной организации выступают в качестве продукта множества фигураций, т. е. различным образом структурированных взаимосвязей индивидов. П. Бурдьё объясняет существование социального порядка, используя два ключевых понятия своей теории: габитус и поле. Э. Гидденс ввел и разработал понятие структуриации. Основатели социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что в основе социального порядка лежит хабитуализация, т. е. опривычивание повторяющихся успешных человеческих действий.

Глава 2. СПОСОБ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

Способ жизнедеятельности людей структурно включает, во-первых, привычные повседневные формы поведения (обыденная, каждодневная жизнь); во-вторых, процесс достижения, реализации разнообразных, прежде всего ведущих, мотивов человеческой деятельности (индивидуальная жизнь); в-третьих, выполнение людьми социальных функций, обязанностей, ролей (социальная жизнь).

2.1. ОБЫДЕННАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

С повседневными формами поведения мы имеем дело тогда, когда люди, по выражению Ф. А. Хайека, «просто живут», действуя привычным для них способом. Предметом исследования повседневные формы поведения первыми стали у историков, в частности у создателей исторической школы «Анналы» Л. Февра и М. Блока. Один из наиболее известных последователей этой научной школы Ф. Бродель, исследуя материальную цивилизацию, экономику и капитализм XV–XVIII вв., использовал для обозначения сферы каждодневных рутинных действий людей термин «нужды повседневной жизни», включая в их число пищу и напитки, жилища и строительные материалы, мебель, одежду, транспорт и источники энергии, предметы роскоши и деньги, орудия и технические изобретения, болезни и способы лечения, организацию поселенческой жизни, особенно в городах, и др. [21]. Г. С. Кнабе, исследуя повседневность Древнего Рима, включил в качестве предмета исследования ежедневного быта древних римлян одежду, еду, вещи, водоснабжение, атмосферу городских улиц, личные взаимоотношения и т. п. [63].

В социологической науке повышенный исследовательский интерес к обыденной жизни, повседневности инициировал А. Шюц. Он вылился в целый ряд исследований. Вехой в их цепи стали работы Э. Гидденса, благодаря которым, как пишет П. Штомпка, «теперь никто уже не подвергает сомнению тот факт, что человеческое общество формирует не какая-то тенденция системы или ориентированные на изменения коллективы, классы, движения, а повседневное поведение обычных людей, часто далеких от каких-либо реформистских намерений» [130, с. 250].

Основные идеи Гидденса воплощены в стратификационной модели социального агента. Создавая ее, Гидденс исходил из того, что по большей части мотивы порождают общие планы или программы — «проекты», в терминологии Шюца, в рамках которых задается линия поведения. Большинство же повседневных действий напрямую не мотивировано. Объяснение повседневных действий он дает с помощью понятий «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидание относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [37, с. 44].

Общие планы, программы, линию поведения, а в более обобщенном виде — индивидуальную жизнь человека порождают мотивы. Мотивы — это объективно-субъективные образования. В качестве объекта они выступают, будучи предметом желаний, потребностей людей. Субъективно они предстают в виде идеального (когнитивно-аффективного) образа, переживания побуждения или желания. Главными для человека могут быть как мотивы личностного характера (любовь, семья, вера, здоровье и т. п.), так и те, которые связаны с характеристиками социального положения: доходом, профессией, образованием, властными полномочиями, местом жительства, отношением окружающих и др. В подходе к их изучению следует согласиться с Т. Парсонсом, который отмечал, что социологов интересуют не индивидуальные случаи мотивации (ими занимаются психологи), а типы мотивов.

Каждой из социокультурных общностей присуща своя, обычно весьма специфическая мотивационная сфера, а часто и свой ведущий мотив. Их истоки находятся в социальном положении и культурной

принадлежности человека, его психических свойствах. На детерминирующей роли в поведении индивида его социального положения, или статуса, особенно места, занимаемого в системе материального производства, прежде всего отношения к собственности, акцентировал внимание К. Маркс, определяя человека как социальное существо. Роль такого рода детерминации достаточно очевидна на примере буржуа, чье стремление к максимальной прибыли часто вызвано не какой-либо внутренней предрасположенностью к ней, а тем, что без деятельности, направленной на самовозрастание капитала, он лишится своего социального статуса. Однообразие социальных позиций порождает схожесть мотивов, а следовательно, и поведения больших общностей людей, образующихся по классовому, национальному, профессиональному, демографическому и иным признакам.

Решающим звеном в процессе генезиса этой группы мотивов является осознание человеком своего социального положения. Осуществляется оно в процессе социального сравнения, т. е. сопоставления своего жизненного положения с положением других лиц, включая представителей других социальных групп. Результатом этого рефлексивного процесса являются представления о своих интересах, наиболее благоприятном устройстве общества.

Место в мотивации культурной принадлежности человека вполне отчетливо иллюстрируется особенностями поведения представителей западной и восточной культурных традиций, основанных на своеобразии характерного им видения мира, трактовки основ мироустройства.

В восточной традиции, где порядок в природе и обществе связывается с действием сверхъестественного космического закона, вечного и неизменного, судьба человека традиционно ставится в зависимость от признания этого закона и повиновения ему. В этой обстановке активность людей направляется преимущественно не на внешний мир, а на самих себя, и ее основными формами, привнесенными культурой, стали самовоспитание и психическая саморегуляция. Даже в конфуцианстве, которое можно определить как учение об управлении людьми, теорию для будущих губернаторов [3, с. 435], во главу ставится тезис, что нельзя научиться управлять другими людьми, а тем более целым государством, не научившись управлять собой, своею психикой.

В западной традиции отказ от присущих античной цивилизации представлений об универсальности космического закона — логоса,

развитии мира как круговом движении с его бесконечными повторами связан с христианством, хотя подготовлен предшествующим развитием этого культурного региона. Решающая христианская догма о конечном спасении вызвала к жизни взгляд на развитие мира как на линейный, целенаправленный процесс. Эсхатологическое ожидание второго пришествия Христа, которое нужно встретить, имея как можно больше свидетельств, подтверждающих избранность к спасению, породило более деятельное отношение к миру, стремление усовершенствовать его в соответствии с божественными заповедями. Нацеленность на то, чтобы утвердить Царство Божие на земле, находилась в резком диссонансе с ситуацией на Востоке, где общественные усилия свелись к воспроизводству традиционного уклада социальной жизни.

Уже на раннем этапе человеческой истории отчетливо обозначились и два основных способа культурного преобразования биологической природы людей, упорядочения их поведения, снижения в нем энтропийного (хаотического) начала. Один из них в лице даосизма и буддизма характеризуется отказом от любых попыток насильственного воздействия на естественную природу человека, акцентом на выявлении изначально присутствующего в ней космического начала. В даосизме цель свободного самопроявления индивида состоит в его полном подчинении «великому Дао» — вечному и неизменному мировому закону. Даосы считали, что для единения с Дао достаточно «не-деяния», т. е. ненарушения закона естественности. Буддисты пошли еще дальше, связав достижение безэнтропийного состояния психики с полным отказом от индивидуального «Я». Только освобождение от субъективного восприятия, эмоций и психического напряжения, обусловленных привязанностью к своему «Я», открывало, по их мнению, возможность для психики функционировать в соответствии с собственными законами. По сравнению с даосизмом в буддизме больше внимания уделялось воспитанию, развитию воли и других психических функций. Другое направление, представленное западной культурной традицией и конфуцианством, состоит в упорядочении поведения человека, производного от его биологической природы, с помощью норм и правил, а также — особенно в традиционном Китае — ритуала.

Несомненна значительная роль культурного фактора в обретении функций ведущего мотива обогащением. Этому способствовало превращение пуританизмом обогащения, приобретательства в призвание, религиозно-этическую миссию. Своеобразие культурной тради-

ции некоторых обществ Восточной Азии привело к возникновению там модели «коммунального капитализма», показав тем самым, что «капитализм и община вполне совместимы» [50, с. 217].

Динамика мотивационной сферы находится в тесной связи с глобальными социокультурными изменениями. В средневековой Европе, например, типичным мотивом, производным от социального положения индивида, был сословно-корпоративный статус. Другим столь же распространенным ведущим побуждением, но уже порожденным христианским мировоззрением, являлось спасение души. С переходом к капиталистическому строю на первое место в иерархии мотивов переместилось отношение к собственности, богатство, которое «сместило с пьедестала» не только второстепенный уже корпоративный статус, но и отошедший на задний план религиозный мотив поведения.

Общая принадлежность к культурной традиции и значительная схожесть социального положения многих людей — источник типичности мотивов. Однако не следует представлять мотивационную сферу конкретной социокультурной общности как исключительно однородную. Уже дифференциация социального положения ведет к тому, что мотивы различных групп разнятся весьма сильно. Еще один источник различий — совместное проживание представителей разных культур, а также взаимовлияние последних. Немалое число людей преследует рудиментарные мотивы, т. е. те, которые преобладали в прошлом. Кто-то показывает пример нового отношения к жизни. К этому следует добавить половозрастные различия жизненных ориентиров. Да и мотив у человека далеко не один, хотя выстроены они, как правило, в некоторую иерархию. Однако эти уточнения, как нам кажется, не опровергают тезис о типичности ведущих мотивов членов одних и тех же социокультурных общностей.

Особо следует выделить антропологические основания мотивации. Из всего многообразия постулируемых сейчас внутренних источников деятельности вполне определенно к ним можно отнести только мотивы, возникающие на основе первичных биологически обусловленных потребностей — в пище, воде, поддержании определенной температуры тела, безопасности, следовательно в одежде, жилище и т. п. Хотя их конкретное наполнение, место в мотивационной иерархии личности, способы реализации могут весьма существенно различаться как в разные времена, так и у представителей различных культур. Этнографы отмечают, что даже такие, казалось бы, чисто

биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются у человека разными приемами, в которых имеются определенные и очень существенные этнические различия. Эти различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения и т. п.

Универсальный характер других мотивов (потребностей) весьма спорен. Особенно это касается ведущих причин человеческой активности. Как о неотъемлемых свойствах природы человека с полной уверенностью сегодня можно говорить только о таких, на первый взгляд, банальных вещах, как индивидуальная принадлежность мотивов и — на определенной стадии развития личности — стремление к их свободному, осмысленному выбору.

Есть также основания предположить, что осознанно определять свои жизненные ориентиры, поступки человек начал тогда, когда было преодолено архаическое мышление, отличавшееся высокой степенью слияния индивида с окружающим его миром и тем социальным сообществом, к которому он принадлежал. Сформировавшаяся способность абстрактного мышления позволила индивиду предвидеть и планировать свою жизнь, мысленно перебирать возможные ее варианты, формулировать критерий выбора [62, с. 150–155].

Этот принципиально новый способ жизни был открыт уже в эпоху древних цивилизаций. Его суть — в свободном выборе человеком основных жизненных ценностей, мотивов деятельности и основанном на этом выборе образе жизни. Но в древних обществах, в так называемое «осевое время» (К. Ясперс), это было под силу одиночкам или небольшим группам людей. В эпоху Возрождения принцип суверенитета личности лег в основу нового способа жизни. Бесспорно, этому способствовал синтез на заре Возрождения двух великих культурных традиций: античной философской саморефлексии, открывшей самостоятельную силу человеческого разума, и средневековой христианской традиции с ее пониманием разума человека как созданного по образцу и подобию божественного, а потому способного к рациональному постижению смысла бытия. Развитие мысли об этом новом способе жизни мы находим у П. Бергера. Ставя под сомнение тезис «капитализм стал причиной индивидуализма», он писал, что западная история — это непрерывный процесс «выхода за пределы коллективных уз», а «корни индивидуальной автономии в западной культуре возникли задолго до современного капитализма» [15, с. 124].

Понять психологические основания прорыва человека к осмыслению своего бытия в определенной степени помогает теория развития интеллекта Ж. Пиаже. Процесс когнитивного развития Пиаже выражал в терминах «центрация» и «децентрация». Согласно его теории субъект первоначально центрирован на собственных действиях и на своей точке зрения. Такой своеобразный эгоцентризм можно наблюдать у ребенка, для которого центром вселенной является его личный мир. Смешивая субъективное и объективное, он приписывает свои мотивы физическим вещам, переносит собственные внутренние побуждения на причинную взаимосвязь явлений окружающего мира. Он не способен критически со стороны взглянуть на себя, стать на позицию другого, понять, что возможны иные, отличные от его собственных оценки окружающих предметов и явлений. Постепенно реальность жизненного мира ведет к удалению человека из эгоцентрической перспективы. Процесс познавательной децентрации дает субъекту возможность понять позицию других людей, посмотреть на мир с их точки зрения, иначе взглянуть на себя самого, переоценить свою жизнь в границах более широкого смыслового контекста [88, с. 245–247].

Все сказанное здесь о мотивах позволяет заключить, что они результат жизнедеятельности человека, его бытия в мире. Конкретными проявлениями бытия – источниками мотивов, детерминантами активности являются социальное положение индивидов, принадлежность к культурной традиции, развитие самого человека. Динамичность этих трех факторов обуславливает динамичный характер мотивационной сферы и объясняет несостоятельность многочисленных попыток найти некий единый, тем более неизменный источник человеческой деятельности независимо от того, где ведутся поиски: «внутри» индивида или «вне его».

Чтобы мотивы были реализованы, людям должна быть предоставлена возможность действовать соответствующим образом. Деятельность как способ реализации мотива типична для определенной социокультурной общности. К типичности ведет схожесть мотивов и условий их достижения, предпочитаемых вариантов действия. Различие в каждом из этих компонентов порождает многообразие форм деятельности. Деятельность, направленная на удержание или завоевание какого-то сословно-корпоративного статуса, не тождественна обогащению. Как существуют и различные способы последнего. Подобие деятельности определенной группы людей приводит к появлению

у них привычки к одинаковому способу действия, сходству деятельностных навыков, превращающихся порой в их личностные качества. Щедрость, которая являлась важнейшим свидетельством высокого социального положения индивида в сословном обществе, была совершенно чужда пуританам, известным своим скопидомством. Методы обогащения также могут быть различными. Обогащается предприниматель, ведущий рисковую, часто на грани авантюризма, экономическую деятельность. К такой же цели стремится ростовщик, дающий ссуды под проценты. Схожие замыслы и у лица, занятого мелочным накопительством.

Сформировавшиеся у людей навыки деятельности, личностные черты по своей природе инерционны. Очень часто традиционный склад характера, по терминологии Э. Фромма, еще существует, но условия деятельности существенно изменились. Последствия этого разрыва весьма болезненны как для самих носителей устаревших качеств, так и для всего общества. Эти последствия Фромм тщательно анализировал на примере Германии, быстрый экономический рост которой привел к тому, что добродетели прежнего среднего класса — экономность, бережливость, осторожность, недоверчивость — стали гораздо менее ценными, чем новые достоинства, такие как инициативность, способность к риску, агрессивность и т. п. Разрешение возникшего противоречия, отмечал Фромм, вылилось в развитие садистских, агрессивных стремлений, ставших благоприятной почвой для распространения нацистской идеологии.

Мотивационная сфера социокультурной общности включает два типа мотивов. Во-первых, актуализированные мотивы, которые реально побуждают людей к совершению действий по их достижению. Во-вторых, потенциальные мотивы, которые актуально деятельность не побуждают, но могут ее побуждать. Чаще всего актуализация потенциальных мотивов задерживается из-за того, что человек не имеет возможности для их достижения. Причины этого могут быть различными. Они являются субъективными, когда индивид выбирает среди нескольких мотивов один или отказывается от достижения некоторого из них из-за отсутствия уверенности в своих силах. Но эти причины могут быть объективными, когда общество, в котором он живет, не признает законного характера определенных мотивов поведения. С изменением социальных условий у человека может появиться возможность реализовать наиболее привлекательные для него, но закрытые прежде варианты жизненного пути.

Стратегии жизненного выбора, отношение конкретного человека к характерной для данного общества мотивационной сфере могут различаться, и весьма существенно. Чаще всего выбор делается в пределах предложения, соответствующего широко распространенным ценностям и нормам обыденной жизни и санкционированного властвующими структурами. Реже – вопреки ему. Но всегда в связи с ним. Расхождение между предложением и выбором может проявляться по-разному. Первый вариант – это условное принятие предлагаемых мотивов и способов их достижения, следование им вопреки подлинной ценностной ориентации. Второй вариант – отказ от старых и поиск новых путей достижения мотивов, заимствованных из числа предлагаемых. Третий – игнорирование навязываемых мотивов и способов деятельности. Четвертый – предложение новых мотивов поведения и соответствующих им способов действия как альтернативных господствующим. Именно при таком развитии событий происходил радикальный пересмотр основных ценностных ориентиров. История возникновения христианства, как и других мировых религий, наиболее убедительный тому пример.

Анализируя такого рода отклоняющееся поведение, Р. Мертон выделил четыре его типа. Инновацию, т. е. согласие с одобряемыми обществом целями и отрицание институционализированных способов их достижения. Ритуализм, означающий отрицание предлагаемых целей, но доводящий до абсурда следование прежним способам действия. Ретреатизм, т. е. бегство от действительности с одновременным отрицанием как целей, так и средств их достижения. Наконец, бунт, когда к отрицанию социально одобренных целей и средств добавляется предложение взамен их новых ориентиров [85, с. 254–276].

Жизненная стратегия полного согласия индивидов с социально одобренными мотивами (целями) и средствами их достижения, своеобразного отождествления себя с ними была названа Мертоном конформизмом. Эту разновидность искреннего, внутреннего конформизма часто называют одобрением. Признание в качестве другой его разновидности уступчивости, т. е. сочетания внешне конформистских действий с личным несогласием с ними, позволяет отнести к конформизму ту стратегию жизненного выбора, при которой внутреннее непринятие господствующих ценностей сочетается со следованием им на практике. Это несогласие с навязываемыми формами жизни и прежде всего наличие потенциальных до определенного времени условий и не актуализированных мотивов является основной пред-

посылкой будущих достаточно быстрых перемен в поведении людей. Чтобы такого рода изменения стали реальностью, должны быть выполнены два условия. Во-первых, создана обстановка, позволяющая реализовать эти мотивы допусаемым законом образом. Во-вторых, новые способы действия следует сделать доступными для большинства. Нет более простого способа дискредитировать последние, как сделать их в принципе возможными, но доступными лишь для немногих.

Своя исследовательская традиция сложилась у использования для изучения поведения людей понятия «социальная установка». Понятие «установка» означает предрасположенность индивида или группы к определенным действиям в той или иной социальной обстановке. Установка имеет в своей структуре три компонента. Когнитивный, т. е. знания об объекте действия, оценочные суждения и убеждения по его поводу. Эмоциональный — чувства и эмоции, связанные у человека с соответствующим объектом или событием. Поведенческий — предрасположенность к реальным действиям в отношении данного объекта.

В качестве примера изучения установок, точнее готовности людей к различным типам экономического поведения, можно привести исследования, проведенные в конце 1980-х гг. в Беларуси, целью которых было изучение дифференциации населения по предрасположенности к действиям, соответствующим требованиям нарождавшейся тогда рыночной экономики. При разработке его методологической основы использовались идеи М. Вебера о существовании двух типов экономического поведения: докапиталистического и капиталистического.

Согласно Веберу, докапиталистическое отношение к труду характеризовалось тем, что работник не стремился заработать больше обычного, увеличивая до максимума производительность труда. Ситуация коренным образом изменилась в процессе становления капитализма, когда работник уже стремился больше зарабатывать и ради этого больше работать. В качестве критериев дифференциации населения по предрасположенности к действиям, соответствующим рыночным отношениям, использовались два основания. Первое из них — это соответствие экономического поведения людей рыночному (установка: работать так, чтобы жить не хуже, чем обычно) или исходному рыночному типу (установка: больше работать и больше зарабатывать). В ходе анкетного опроса использовался следующий

вопрос: «Что Вы предпочитаете: работать так, чтобы жить не хуже, чем обычно, или больше работать и больше зарабатывать?»

Вторым основанием выявления предрасположенности людей к действиям в условиях рыночных отношений было изучение степени развитости у них установки на предпринимательскую деятельность. Речь шла о наличии одной, двух или всех трех ее составляющих: эмоциональной (готовность к инициативе и риску в хозяйственной деятельности); когнитивной (знание ситуации рынка и умение действовать в рыночных условиях); поведенческой (реальное занятие предпринимательской деятельностью). Для выявления эмоциональной составляющей установки использовался вопрос: «Ради того, чтобы иметь больший доход, Вы готовы рисковать, вкладывая имеющиеся деньги?» Варианты ответов: 1. «Да». 2. «Нет». Для выявления когнитивной составляющей установки использовался вопрос: «Вы знаете, как вести хозяйственную, предпринимательскую деятельность в складывающихся рыночных условиях?» Варианты ответов: 1. «Знаю». 2. «Не знаю». Наличие поведенческого компонента установки определялось самим фактом участия в предпринимательской деятельности.

В результате подобной классификации было выделено пять групп населения. Одна — предрасположенная к дорыночному типу поведения (ДТП), четыре — с различными вариантами рыночной ориентации. В их числе — группа с исходным рыночным типом поведения (ИРТП) и три другие, отличающиеся разной степенью сформированности установки на предпринимательство. Группа ПЛ (предприимчивые люди) характеризовалась наличием одного из компонентов установки на предпринимательство — эмоционального. Группе НВП (наиболее вероятные предприниматели) был присущ еще и ее когнитивный компонент. И только группу П (собственно предприниматели) отличало наличие всех трех компонентов: эмоционального — ориентация на риск и инициативу; когнитивного — осознание ситуации рынка и предполагаемого ею способа действия; поведенческого — реальное занятие предпринимательской деятельностью. Численное распределение населения по типам экономической ориентации тогда носило следующий характер: дорыночный тип поведения — 23,9 %; исходный рыночный тип поведения — 30 %; предприимчивые люди — 31,9 %; наиболее вероятные предприниматели — 9,2 %; лица, занимавшиеся на тот момент предпринимательской деятельностью, — 4,6 %; 0,4 % опрошенных остались тогда неидентифицированными.

2.2. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Наиболее адекватными теоретическими объяснениями причин и механизмов выполнения людьми своих социальных функций и обязанностей (социальная жизнь) стали «ролевая теория личности», концепции «зеркального Я» и «социального характера», а также понятие «ментальность».

Понятие «социальная роль» в социологию ввел Дж. Морено. Различия между ролью и статусом установил Р. Линтон. Социальный статус – это позиция человека в обществе, которой соответствует определенная совокупность прав и обязанностей. Люди могут иметь несколько статусов, но чаще лишь один из них, известный как главный статус, определяет положение человека в обществе. Реализуя права и выполняя обязанности, свойственные ее статусу, личность играет определенную роль.

Т. Парсонс классифицировал социальные роли по пяти критериям: степени эмоциональности (отношения родители – дети или продавцы – покупатели), способу получения (предписанные и достигнутые роли), масштабу охватываемых взаимоотношений (отношения родственников или отношения пассажиров общественного транспорта), степени формализации (дружеские или служебные отношения) и мотивации. Совокупность ролей образует ролевые сети. Каждый человек выполняет множество ролей, между которыми часто возникают ролевые конфликты.

Определяющее значение в принятии индивидом на себя той или иной социальной роли отводится экспектациям (ожиданиям) в отношении поведения ее обладателя. Выделяют три класса экспектаций: экспектации, заложенные в «сценарии», экспектации других «актеров», экспектации «аудитории». Первые представлены нормами поведения, вторые требованиями других лиц, третьи – оценками личностей, обладающих статусом референтных групп. Принятие индивидом на себя той или иной роли находится в прямой связи с представлениями человека о себе и своей готовности к выполнению этой роли.

Основатель концепции «зеркального Я» Ч. Кули исходил из того, что личность формируется на основе множества взаимодействий (интеракций) с другими людьми. В процессе интеракций у нее формируется ее «зеркальное Я». Оно состоит из трех компонентов:

представления о том, каким я кажусь другому человеку, как люди воспринимают меня;

представления о том, как они оценивают мой образ; вытекающего из данной самооценки специфического самочувствия типа гордости или унижения и моих ответных действий [71; 72].

Развивая эти идеи, Дж. Мид отвел решающее значение в формировании у индивида представлений о своем «Я» не мнению отдельных людей, а некоему «обобщенному другому», т. е. коллективной установке организованного сообщества или социальной группы [86, с. 228–230]. Процесс формирования личности он представил как состоящий из трех стадий. На стадии имитации дети копируют поведение взрослых, не понимая его. На игровой стадии они понимают поведение как исполнение определенных ролей и сами в процессе игры воспроизводят эти роли. На стадии коллективных игр дети учатся осознавать ожидания не только одного человека, но и всей группы, усваивая таким образом социальные нормы.

Логическим продолжением концепции «зеркального Я» стала «Я-концепция», согласно которой «Я» человека имеет ряд измерений, которые чаще всего не соответствуют один другому. Четыре из этих измерений являются главными:

«Я реальное» — как человек воспринимает себя в данный момент времени;

«Я идеальное» — каким человек хотел бы стать, ориентируясь на моральные ценности;

«Я представляемое» — каким человек представляет себя другим людям;

«Я фантастическое» — каким человек хотел бы стать при особо благоприятных условиях.

В становлении «Я» участвуют три основных механизма: во-первых, усвоение субъектом оценки его другими людьми, во-вторых, социальное сравнение себя с другими, в-третьих, самоанализ, в частности самоатрибуция (от лат. *attributio* — приписывание), т. е. объяснение причин своего поведения.

С именем Э. Фромма связана разработка понятия «социальный характер», под которым он понимал ту «совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [121, с. 230]. Фромм выделил четыре типа социального характера: рецептивный (т. е. пассивный, требующий поддержки и руководства со стороны других), эксплуататорский, стяжательский и рыночный. У каждого из них он констатировал наличие взаимосвя-

занных между собой положительных и отрицательных черт, которые являются своеобразным продолжением одна другой.

Структура рыночного (обменивающегося) характера, присущего индустриальному обществу, представлена ниже в таблице.

Структура рыночного социального характера

Положительная сторона	Отрицательная сторона
Целеустремленная	Пользующаяся случаем
Готовая к обмену	Непоследовательная
Моложавая	Ребячливая
Устремленная вперед	Не считающаяся с будущим или прошлым
Свободомыслящая	Без принципов и ценностей
Общительная	Неспособная к уединению
Экспериментирующая	Бесцельная
Недогматическая	Релятивистская
Действенная	Сверхактивная
Любознательная	Бестактная
Понятливая	Умничающая
Контактная	Неразборчивая
Терпимая	Безразличная
Остроумная	Глуповатая
Щедрая	Расточительная

Другими наиболее известными примерами изображения социального характера являются концепции «авторитарной личности» самого Э. Фромма и «одномерного человека» Г. Маркузе, а также типологизация характеров, разработанная Д. Рисменом.

Концепция «авторитарной личности» была разработана Э. Фроммом при выяснении социально-психологических оснований распространения нацистской идеологии [121]. Уход в авторитаризм рассматривался Фроммом как наиболее распространенный механизм «бегства от свободы». Человек, стремящийся преодолеть возникающее в обстановке самоответственности чувство бессилия, находил для себя выход в слиянии с кем-то или чем-то более сильным, способным возместить недостающую ему уверенность в себе, взять ответственность за результаты его поступков. Характеризуя черты авторитарной личности, Фромм отмечал, что она восхищается властью, но и сама хочет быть властью. Эта противоречивость ведет ее к сопротивлению власти, даже когда она действует в ее интересах, но не представляется достаточно сильной. Борьба авторитарной личности против власти является, по словам Э. Фромма, бравадой бунтовщика.

Другие отличительные черты авторитарной личности: ненависть ко всем оппонентам и аутсайдерам, патологическое неприятие интеллигенции, подозрительно-враждебное отношение к миру, склонность к разрушительности и цинизм.

Если «авторитарная личность» стала основой тоталитарных режимов, то активное формирование потребительского общества в послевоенный период породило феномен «одномерного человека», концепция которого была разработана Г. Маркузе. «Одномерный человек» — это конформист, поглощенный настоящим временем и лишенный взгляда в будущее, легко поддающийся манипулированию. Его отношение к миру поверхностно, некритично, не затрагивает глубинных закономерностей. Естественные влечения и потребности извращены у него принципом производительности, породившим однозначно потребительскую ориентацию. Одномерности человека Маркузе противопоставлял его двумерность, т. е. наличие внутреннего мира, критичность в отношении к условиям своего существования, способность к личностному самосовершенствованию [84].

Развивая эти идеи, Д. Рисмен выделил и охарактеризовал три типа социального характера, соответствующего трем историческим типам устройства общества.

Первый тип характера — консервативный, ориентированный на традицию. Он присущ доиндустриальному обществу.

Второй тип — «изнутри-ориентированная личность» — является динамичным, целеустремленным, предприимчивым, более открытым к новациям. Присущ раннеиндустриальному обществу.

Третий тип — «извне-ориентированная личность» — отличается обезличенностью и стандартизованностью, подвержен разного рода внешним влияниям со стороны бюрократии, моды, средств массовой информации. И хотя «извне-ориентированная личность» хочет вновь обрести человеческое тепло, любить и быть любимой, внешняя зависимость препятствует этому. Этот тип личности появляется с возникновением потребительского общества.

Все типы социальных характеров, считает Рисмен, сосуществуют в современном обществе, при том что «извне-ориентированная личность» рождает стремление к «автономной личности», целеустремленной и неконформной по своему характеру, свободной от манипулирующего воздействия потребительского общества.

Еще один теоретико-методологический подход к выявлению и изучению социальных типов личности связан с использованием

понятия «ментальность», «менталитет» (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, склад ума).

Его разработка связана с деятельностью основателей французской исторической школы «Анналы» Л. Февра и М. Блока [119; 18]. Этим непереводаемым однозначно на русский язык словом они первоначально обозначили умонастроение, умственные способности, психологию и склад ума средневекового человека. По смыслу в большей степени понятие «ментальность» приближается к русскому слову «мировидение».

Ментальность – источник жизненных установок человека, его готовности и способности мыслить, чувствовать, воспринимать, эмоционально переживать мир и действовать определенным образом. Выделяются ментальные формы, которые присущи людям, принадлежащим к одному обществу, историческому времени, той или иной социальной или национальной группе. Считается, что тот или иной менталитет формируется на протяжении длительного периода и наследуется от поколения к поколению. Преобразование ментальности связывается с изменением общественных структур и развитием культурной традиции, хотя полной ясности в вопросе об их взаимоотношениях нет. Особо подчеркивается инерционность ментальных форм, их сопротивляемость переменам.

По своему содержанию понятие «ментальность» является предельно широким, а потому и весьма неопределенным, слабо структурированным. В него включают такие разноплановые элементы духовной жизни, как представления о мире и личности, свободе, равенстве, добре и зле, чести, семье, сексуальных отношениях, душе, смерти и загробной жизни, пространстве и времени и т. п. Особое распространение понятие «ментальность» имеет среди историков и филологов.

Таким образом, структуру человеческой деятельности, или способа жизнедеятельности людей, составляют, во-первых, привычные повседневные формы поведения (обыденная жизнь); во-вторых, достижение, реализация разнообразных, прежде всего ведущих, мотивов (индивидуальная жизнь); в-третьих, выполнение людьми своих социальных функций, обязанностей, ролей (социальная жизнь).

Большинство повседневных действий напрямую не мотивировано. Для объяснения повседневных действий Э. Гидденс ввел понятия «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие поступают аналогично.

Под рационализацией действия понимаются способность человека осознавать основания своей деятельности и его ожидание, что другие поступают также.

Индивидуальную жизнь порождает присущая каждому человеку иерархия мотивов. Истоки мотивов находятся в его социальном положении и культурной принадлежности, собственном жизненном выборе. Чтобы мотивы были реализованы, людям должна быть предоставлена возможность действовать соответствующим образом. Деятельность как способ реализации мотива типична для определенной социокультурной общности и разного исторического времени. К типичности ведет схожесть мотивов и условий их достижения, предпочитаемых вариантов действия. Различие в каждом из этих компонентов порождает многообразие форм деятельности.

Наиболее адекватными теоретическими объяснениями причин и механизма выполнения людьми своих социальных функций и обязанностей (социальная жизнь) стали «ролевая теория личности», концепции «зеркального Я» («Я-концепция») и «социального характера».

Согласно теории социальных ролей каждый человек имеет социальный статус, т. е. позицию в обществе, которой соответствует определенная совокупность прав и обязанностей. Реализуя права и выполняя обязанности, личность проигрывает определенную социальную роль. Определяющее значение в принятии индивидом той или иной роли играют социальные ожидания, представленные нормами поведения, требованиями других лиц и оценками личностей, обладающих статусом референтных групп.

В соответствии с «Я-концепцией» «Я» человека имеет ряд часто весьма различающихся по содержанию измерений. В их формировании участвуют три основных механизма: усвоение субъектом оценки его другими людьми, социальное сравнение себя с другими, самоанализ.

Под социальным характером понимается совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни. Наиболее известными изображениями социального характера являются концепции «авторитарной личности» Э. Фромма и «одномерного человека» Г. Маркузе. Тип авторитарной личности, создавший социально-психологические основания широкого распространения нацистской идеологии, сформировался в результате действия механизма «бегства от свободы». Феномен «одномерного человека» был порожден активным развитием потребительского общества в послевоенный период.

Глава 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Ведущая тенденция развития общества определяется на взаимопересечении способа жизнедеятельности людей и социального порядка. Об этом свидетельствует исторически взаимосвязанная эволюция способа жизни и основ социальной организации.

3.1. ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ

Содержание мотивов поведения первобытных людей подвергалось жесткой уравнивающей регламентации со стороны родовой общины, стоявшего за нею обычая. Господствовал коллективный путь их достижения. Но постепенно начали проявляться индивидуальные интересы первобытных людей. Сначала первобытному коллективу в наследство от животного стада досталось доминирование физически наиболее сильных особей, их приоритет при распределении продуктов питания. Это лишало стимулов к эффективной производственной деятельности тех, кто имел к ней больше способностей, которые не обязательно включали особую физическую силу и агрессивность. Необходимость учитывать личные интересы всех членов группы, стимулируя их социально полезную деятельность, постепенно привела к тому, что охотничья добыча стала общей и каждый получил к ней одинаковый доступ.

В дальнейшем та же потребность в реализации индивидуальных интересов вызвала отказ от равнообеспечивающего распределения. На смену ему стал приходить порядок, по которому обязательному разделу подлежала лишь часть продукции от коллективной охоты.

Позднее плоды даже коллективной охоты делились в первую очередь между ее участниками и только в особых случаях — между всеми членами общины [54, с. 302–306; 55, с. 203].

Различие человеческих мотивов на первых порах было связано с личными качествами, запросами, притязаниями. При наличии высокоспециализированного присваивающего хозяйства подавляющее большинство общинников было вполне удовлетворено обеспечением пищей, а большее материальное благополучие их не привлекало. У них отсутствовал стимул наращивать производство. Неслучайно М. Салинс назвал общины охотников и собирателей «природными обществами изобилия». В результате переход к производящему хозяйству (неолитическая революция, по Г. Чайлду) произошел намного позже, чем стали известны технологические навыки, необходимые для земледелия. Связан он оказался не с открывающимися перспективами нового типа хозяйствования, а с началом продовольственного кризиса, участившимися голодовками. Именно острый дефицит продовольствия заставил людей заимствовать земледелие и скотоводство у соседних народов или развивать его самим, если оно уже имелось в зачаточном состоянии [55, с. 270–272].

Первые социальные нормы (правила поведения) служили средством обуздания биологических инстинктов первобытных индивидов (прежде всего пищевого и полового), организации их совместного проживания и деятельности. К этим нормам прежде всего относилась заповедь «не убий», а также экзогамия и агамия, т. е. обязанности вступать в половые отношения вне своего рода и запрет половых связей между его членами.

Основу организации жизни общины составляло родство. Из родственных связей происходили права и обязанности человека, модели его поведения и отношений с другими. Неслучайно первобытные люди особо страшились инцеста, нарушавшего установившиеся взаимосвязи и тем самым угрожавшего крахом всего социального порядка. Нормы, регулировавшие поведение, существовали в виде запретов-табу и основывались на устной традиции, идущей от предков и поддерживавшейся общественным мнением. Другим способом их обоснования были ссылки на религиозные предписания, исходящие от сверхъестественных существ и подкрепляемые магическими санкциями. За нарушение норм ожидалась кара от духов или богов. Социальные новации обычно выступали как исходящие от них откровения. Все предписания и запреты регулировали отношения не между

отдельными индивидами, а между группами: кровными родственниками, родней по браку, старшими и младшими, соплеменниками и чужеплеменниками. Свое единство члены родовой общины осознавали в форме тотемизма. Тогда же возникли первые формы социального самоуправления. Обычно верховной властью обладал формальный или неформальный совет всех взрослых мужчин общины. Текущее руководство осуществляли старейшины.

С неолитической революцией, когда появился регулярный избыточный продукт, расширились возможности индивидуализации производственной деятельности, обособления собственников. Тогда же отчетливо проявилась борьба двух противоположных тенденций, представленных различными группами взрослых мужчин. Одни стремились к обособлению собственности, другие – к сохранению своего положения групповых собственников. Хотя, так сказать, в идеале и они проявляли стремление к выделению и превращению в глав самостоятельных семейных ячеек. Потенциально обособиться и стать единоличным главой самостоятельной хозяйственной ячейки было по силам любому трудоспособному мужчине [56, с. 145, 157]. Его выбор не мог не быть самым тесным образом связан с деловыми качествами, трудолюбием, готовностью идти на риск самостоятельного хозяйствования и т. п. Необычным трудолюбием, как правило, отличались лидеры первобытных коллективов, вынужденные оправдывать свое высокое положение в обществе «щедростью» в раздаче богатств. При подготовке пиршеств им приходилось занимать множество продуктов у своих сородичей и партнеров, стимулируя тем самым интенсификацию производственной деятельности и у них [56, с. 117].

С расширением прав индивида на реализацию своих мотивов, утверждением в форме самостоятельного ведения хозяйства индивидуальных путей их достижения существенно возросла производственная, социальная активность людей. Это потребовало преобразования организационных основ их жизни. Прежде всего претерпел эволюцию институт собственности. Формирование порядка ее наследования по отцовской линии привело к появлению более четких групп населения с прочной преемственностью. Основой, на которой держался социальный порядок, оставалось родство. Но одновременно возросла роль возрастных групп, мужских домов и зарождавшихся на их основе тайных союзов, партнерства, системы лидерства, разнообразных дуальных структур, общинных церемоний и т. п. Более внушительным становился социальный аспект родства (соседские связи,

союзы и др.), когда не столько формальное родство автоматически обуславливало определенные отношения между людьми, сколько взятые ими на себя права и обязанности позволяли включать людей в круг тех или иных родственников.

Превращение семьи в главную хозяйственную ячейку вызвало к жизни соседскую общину, которая по сравнению с родовой была существенно ограничена в хозяйственных функциях, а главное — в правах собственности. Ее основная характеристика — дуализм между частной собственностью входящих в нее семей и сохраняющейся коллективной собственностью на землю. И хотя частично значение родовых отношений сохранилось, именно соседская община стала основной первичной ячейкой организации общественной жизни. Индивидуальное ведение хозяйства вело к имущественной дифференциации. Но степень индивидуализации жизненного пути длительное время была достаточно жестко ограничена доминированием общих интересов совместного проживания людей. Их первенство со всей очевидностью выразилось в том, что появление регулярного избыточного продукта поначалу вызвало к жизни престижную экономику. Ее костяк составили престижные пиры с публичной демонстрацией богатств и массовой раздачей имущества.

Функции престижной экономики были многообразными, но всегда социально-организующими. Их диапазон распространился от гарантирования людям поддержки в случае нужды до совершенствования брачных связей. Социальный смысл имела первоначально и категория «богатство». Богатство отождествлялось с жизнью в многолюдном доме под защитой сильного лидера. Позже под ним стали понимать тот излишек материальной продукции, который мог использоваться для налаживания социальных связей. В отдельных случаях престижный сектор даже превзошел в глазах местного населения роль жизнеобеспечивающей экономики.

Самодовлеющее значение производство материальных благ приобрело по мере того, как владение ими стало определять престиж человека, его участие в управлении. Так как престижная экономика открывала доступ к социальным привилегиям и имела немалый доход, то постепенно происходила ее персонификация в лице отдельных лидеров. Становление обмена было также связано в первую очередь не с утилитарными соображениями, а с потребностью в создании и укреплении социальных связей, на которые можно было бы опереться в тяжелых жизненных ситуациях. Отсюда и широкое распро-

странение в эпоху позднепервобытной общины дарообмена. Постепенно обмен получил престижное, символическое значение. Успешное ведение обмена доказывало могущество вождя.

Происходившие преобразования не только затрагивали внутриобщинные отношения, но и вели к укрупнению, усложнению единиц надобщинного уровня: племен и их объединений. В период распада первобытного строя племя стало важнейшим социальным образованием, а не просто объединением взаимобрачующихся родов. Образовались иерархические союзы племен. Участились межплеменные конфликты. Утвердился территориальный принцип расселения. Укрупнение социальных единиц, усложнение общественных связей потребовали создания государств с присущим им особым аппаратом управления, включая средства принуждения, и системой налогов. Территориально-соседская община превратилась в низовую социальную ячейку с ограниченным самоуправлением.

3.2. ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО

Первобытнообщинный строй распался тогда, когда общественные связи стали доминировать над общинными. Путь к их преобладанию был открыт изменением способа жизнедеятельности людей, выразившимся в утверждении права индивида на свободную, преимущественно индивидуальную по форме реализацию своих интересов. Это право человека было четко зафиксировано в крупнейших памятниках правовой мысли древности — Законах Хаммурапи, Законах Ману, Законах XII таблиц. В них по сравнению с первобытными нормами особенно существенное развитие претерпела та часть, которую можно определить как «гражданское предправо» (нормы владения, пользования, наследования, договорных обязательств, отношений в семье и т. п.).

Резкое возрастание активности людей потребовало интенсивного процесса упорядочения новой социальной реальности. В центре духовной жизни той эпохи находилась идея противостояния хаоса и космоса, представление о гармонизации хаотического состояния вселенной. Всеобъемлющее описание правил включения человека в коллектив, коллектива — в окружающий природный и сверхъестественный мир (мезокосмос), этого мира — в космос представляет мифология. Развитие мифологии шло от хаотического, дисгармонического к упорядоченному, соразмерному и гармоническому. Если для матриархата

свойственны представления о господстве чудовищ, нерасчлененном хаотическом состоянии мира, то при патриархате возникают антропоморфные образы демиургов и героев, подчинявших или уничтожавших первобытных хтонических существ, творивших космос и ограждавших социум от враждебных сил [80].

В Древнем Египте, например, существование государства не мыслилось без Маат — божественного Порядка и Истины. Согласно представлениям древних египтян, боги-творцы уничтожают изначальный хаос и в созданном ими человеческом обществе выступают в роли восстановителей всеобщей гармонии — Маат. Подобно богам, царь, как гласит один из текстов пирамид, также должен стремиться «утвердить Маат на месте беспорядка». Порядок часто понимался как правопорядок, справедливость. Боги и цари — владыки и учредители законов. Понятие «Маат» становится в египетской этике тем принципом, на котором строятся правильные человеческие взаимоотношения. Дифференциация элементов космоса и хаоса пронизывает всю жизнь архаичного коллектива, приобретая особую значимость в периоды смены календарных циклов или при социальных и даже семейных переменах. Эти периоды опасны возможностью проникновения сил хаоса, смерти, злых духов в мир людей. Ритуальным противопоставлением этому проникновению была рецитация (озвучивание, чтение вслух) космогонических мифов, воспроизведение структуры космоса в погребальном, свадебном и календарном обрядах. Ту же функцию выполняло моделирование вторжения сил хаоса — карнавальные обряды ряженья злых духов, ритуальные оргии, ритуализированные восстания против правителей и т. п. [1; 56, с. 441].

Эволюция способа жизнедеятельности человека древних цивилизаций шла в направлении выделения «индивидуальных жизненных рядов» (терминология М. М. Бахтина). Еще довольно тесно вплетенные в общую жизнь ближайшей социальной группы на ранней стадии древнего общества, они выделились окончательно в условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений.

Становление и развитие мотивационной сферы, включавшей чаще других материальные, экономические интересы, повышение их значимости для человека определили эволюцию экономических и социальных отношений. Ее путь — от преобладания государственного (дворцового или царско-храмового) сектора экономики на заре древних обществ к большему удельному весу общинно-частного или частного сектора, создавшего более благоприятные условия для прояв-

ления экономической инициативы, накопления богатств. Основание социальной организации на данном этапе истории составляло сочетание государства и объединений свободных граждан, представленных полисными, городскими, храмово-городскими и другими общинными образованиями.

Имеющиеся исторические исследования позволяют получить достаточно определенные представления о духовном мире, ценностных ориентациях, мотивах людей той эпохи.

Так, высшие ценности Древнего царства Египта, которые продолжали котироваться на всем протяжении египетской истории, — наследуемая собственность и успех, достигнутый в жизни человека и заметный для всех. Идеал периода Древнего царства — преуспевающий чиновник, приспособившийся к существующей административной и общественной системе и собственными усилиями делающий карьеру. Распад Древнего царства, произошедший на основе прогрессирующей децентрализации, стал естественным завершением индивидуалистической тенденции самоутверждения. Путь от самодержавия к сепаратизму, основывавшийся на личной способности к действию, привел к безвластию, крушению социальной организации. Были сметены и прежние ценности. На смену им пришли скептицизм и отчаяние. Одновременно начался поиск других, более стойких идеалов. Смутно и не сразу человек начал осознавать великую истину: видимые вещи преходящи, невидимые же, возможно, связаны с вечностью. А вечная жизнь — великая цель для него, что привело к перенесению в жизненной позиции египтянина Среднего царства акцента с того, что высшие блага — это положение в обществе и материальное благосостояние, на представления, что благом является правильное социальное поведение, честное выполнение общественных обязанностей, соблюдение законности. А высшей ценностью стало египетское сообщество как таковое [120].

Схожи с главными египетскими ценностями были высшие ценности жизни человека в других регионах древнего Ближнего Востока. Это здоровье, долголетие, обилие сыновей, почетное положение в общине, богатство. Последнее ценилось как за то, что открывало доступ к наслаждениям, так и потому, что имущество в древней Месопотамии считалось одной из важнейших величин, конституирующих человеческую личность, своеобразным «продолжением» человека за пределами его тела. С обладанием тем или иным имуществом связыва-

лась судьба индивида, а с его сменой человек как бы перерождался, становился кем-то другим. Путь к высшим ценностям определялся с послушанием семье, правителям, богам, а государство (в месопотамской цивилизации вся вселенная рассматривалась как государство), как представлялось, было построено на послушании, безоговорочном принятии власти. С течением времени древневосточный человек все отчетливее осознавал, что сама человеческая сущность предполагает возможность непокорности, что именно этим послушание свободных людей отличается от абсолютного и безусловного повиновения рабов. Но и тогда все случаи непослушания носили временный и частичный характер, поскольку оно воспринималось как средство проверки и углубления послушания [32, с. 173–188; 61, с. 49, 56–57, 148].

Сложность, противоречивость процесса и последствий выделения «индивидуальных жизненных рядов», достижения приоритета частного интереса над интересом общины хорошо видны на примере древнегреческой и древнеримской истории.

Как известно, основу социального устройства древнегреческой цивилизации составляла гражданская община – полис. Его экономическим базисом являлась античная форма собственности, воплощавшая единство коллективного и частного принципов владения. Правом верховной собственности на землю обладал полис. Основные черты полиса: взаимообусловленность права собственности на землю и гражданского статуса, совпадение политической и военной организации, когда гражданин-собственник являлся и воином. В представлениях древних греков полис – высшее благо. Существование человека вне его рамок невозможно, благополучие отдельного человека находится в прямой зависимости от благополучия полиса. Другие основополагающие ценности греческого общества: идея превосходства земледельческого труда над всеми остальными видами деятельности, осуждение стремления к прибыли, приоритет традиций. Экономическая жизнь отличалась автаркией, т. е. самообеспеченностью.

Характерные черты полисной морали определяла аристократия. Это была ограниченная группа лиц с особым, обязательным для входящих в нее образом жизни. Ее ценностной ориентации был присущ агональный (соревновательный) тип: каждый аристократ стремился повсюду быть первым: на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике. Забота о чести, стремление к славе, отличию – главная черта персонажей гомеровских поэм. Славу они чаще всего добывали в сражении с оружием в руках. Подвиги и доблесть героев песнь за песней

воспевает «Илиада». Получила распространение готовность ради большей славы идти на дополнительные трудности. Добровольное унижение было такой огромной жертвой, что общепринятым являлось правило: пощади попросившего пощаду. Соединение чувства коллективизма и агонистического начала — основание всей древнегреческой системы ценностей. По мере того как рядовые граждане приближались к уровню аристократии, традиционные ценности последней распространялась среди народных масс, хотя уже в несколько преобразованной форме. На первое место вышел принцип: кто лучше послужит полису.

Начиная с VII в. до н. э. с развитием товарно-денежных отношений у аристократии наряду с воинскими званиями и влиянием в религиозной сфере важнейшим средством демонстрации престижа своего рода, его превосходства над соперниками стало богатство. Новый вид богатства — деньги — начал противопоставляться старому — земельной собственности. Возник неизвестный ранее тип земледельца, озадаченного доходностью своих земель, рентабельностью сельскохозяйственных культур, расширением их ассортимента. Развитие хозяйственной деятельности, повышение товарности производства пришли в противоречие с традиционной социально-экономической структурой полиса. Полисные принципы препятствовали предпринимательской деятельности. В итоге традиционная коллективистская система ценностей уступила место индивидуализму.

Деньги стали определять положение человека в обществе. Реакция на эти перемены со стороны слоев, непосредственно не связанных с новым жизненным укладом, выразилась в решительном осуждении стремления к обогащению, объявлении происходящего беззаконием, желании вернуться к уравнилельным принципам полиса. Именно к этому времени относятся изречения Солона: «Нет предела богатству», «От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения — спесь» и высказывания поэта Феогида из Мегар: «Деньги в почете всеобщем», «Имеющий самое большое богатство желает его удвоения», «Богатство — безумие человека». Особой ценности богатства древнегреческие мудрецы противопоставляли идеал благоразумия, призывавший к воздержанности, чувству меры, золотой середине. «Ничего слишком!» — таков был идеал новой мудрости.

Однако основной линии развития общества это противостояние не изменило. Рост индивидуализма, имущественное и социальное расслоение, резкое обострение противоречий между различными

слоями, борьба между ними привели к кризису полисной системы ценностей. Социальная нестабильность и политический хаос дополнялись непрекращающимися столкновениями независимых полисов между собой. Выходом из кризиса стало включение ранее самостоятельных полисов в крупное единое государство под гегемонией Македонии. Вновь образовавшееся государство взяло на себя обеспечение внутреннего порядка и внешней безопасности, создание более благоприятных условий для экономической деятельности. В то же время жизнь в условиях военно-бюрократической монархии вызвала резкое отчуждение индивида от государства, его самоуглубление, уход в себя, обращение к своему внутреннему миру, где он искал и находил единственную точку опоры.

Социальное, политическое, государственное развитие античного общества, как и его отражение в идеологической сфере, можно определить лаконичной формулой: от полиса — к империи; от гражданина — к подданному. Для гражданина были характерны непосредственные и «неотчужденные» связи в системе община — гражданин, т. е. связи соучастия. Для подданного определяющими стали связи в системе империя — подданный, т. е. связи подчинения [118, с. 229].

Наиболее наглядно данная тенденция социального развития видна на примере истории Древнего Рима. Напомним основные черты римской общины. Это обусловленность владения землей принадлежностью к римскому государству; право каждого воина на долю добычи; большая роль народного собрания и вождей народа; крайне ограниченные возможности эксплуатации собственных граждан, что уничтожило или как минимум сильно сократило число лиц, занимавших промежуточное положение между рабами и свободными, и сделало противоположность между свободой и рабством особенно острой; цензитарная система, при которой права и обязанности граждан «рассчитывались» не «арифметически» (простое равенство), а пропорционально или «геометрически» (больше прав — больше обязанностей, и наоборот).

Среди ценностных ориентаций граждан Рима основополагающим являлось представление о приоритете общей пользы коллектива и ее совпадении с пользой каждого его члена. Пожертвовать собой для общины значило принести жертву во имя своего правильно понятого интереса. Это простое и ясное соотношение между благом и величием коллектива и каждого индивида исключало возможность отчуждения. Римский патриотизм усиливался идеей провиденциальной миссии

римского народа, самой судьбой предназначенного к победам. Долг гражданина — служить Риму всеми силами, не щадя самой жизни на том месте, в той роли, которая выпала на его долю. Наградой был почет, даруемый гражданам за заслуги перед общиной, всенародное одобрение. Те, кого считали образцом римской добродетели, никогда не стремились ни к власти, ни к богатству [129, с. 22—105].

Изменения стали намечаться со времени Пунических войн, особенно Второй. В связи с заморскими завоеваниями умножились возможности как приобретать деньги, так и тратить их. Открылись разнообразные пути накопления крупных и средних состояний. Ценность денег росла. Ослаблению чувства причастности к делам общины способствовало разложение ее основ: сосредоточение власти и даваемых ею выгод в руках сената в ущерб большинству граждан; конституирование профессиональной армии, означавшей разрыв понятий «воин» и «гражданин», в результате чего последний перестал получать непосредственную выгоду от внешних войн и чувствовал свое бессилие в гражданских войнах. Решающий шаг от «связей соучастия» к «связям подчинения» был сделан с установлением принципата Августа. Проводимая им политика гражданского мира, создание более благоприятных условий для хозяйственной деятельности имели положительное значение. Но, насаждая абстрактную всеобщность и единообразие официальной государственности, Римская империя вызвала враждебное отношение большей части населения. Инстинкт самосохранения, потребность в повседневной солидарности толкали людей к сохранению общинных связей. Поскольку принцип концентрации жизни в ограниченных самостоятельных ячейках оставался незыблемым, прогрессирующий распад единой гражданской общины привел к развитию компенсаторной системы микрообщностей, основывавшихся на духовной близости людей, их солидарности [53, с. 134—135].

3.3. ФЕОДАЛИЗМ

Путь к феодализму был проложен возникновением колоссальных автаркических (самодостаточных) имений земельных магнатов из числа преуспевающих рабовладельцев и чиновников. Эти люди не нуждались в поддержке и опеке централизованного государства, тяготились ею. Имевшийся у них аппарат управления, средства насилия позволяли им узурпировать в своих имениях экономическую, политическую

и судебную власть. Им стало доступно внеэкономическое принуждение ранее свободных общинников. Конкретные формы принуждения существенно различались и выражались в личной и поземельной зависимости, судебном подчинении власти феодала.

Выдвижение на первый план интенсивного землевладения было самым тесным образом связано с кризисом городов и последовавшим за ним ослаблением товарно-денежных отношений. Отсутствие у латифундиста в силу автаркичности его имения стремления к максимальной степени эксплуатации труда вело к дроблению земельных угодий на парцеллы, на которые сажали семейных рабов (квазиколонов). Прежде свободное население, которое арендовало парцеллы, попадало в зависимость от землевладельца, но одновременно и под его защиту.

Становление феодализма означало конец рабского труда. Но переход к новому общественному строю заключался не столько в отмене рабства, сколько в отмене свободы. Древность продолжалась до тех пор, пока существовал класс свободных общинников, обладавших гражданским полноправием. Основным фактором, обусловившим становление феодализма, явилось, таким образом, не преобразование рабского состояния, а организация подчинения ранее свободного населения. По мере того как земельные владения новых магнатов становились все более самодостаточными, резко снизилась товарность производства, стала приходить в упадок монетно-денежная система. Вялость товарооборота и денежного обращения до крайности снизила общественную роль жалования.

В этой ситуации на всех ступенях социальной иерархии, как отмечал М. Блок, приходилось прибегать к форме вознаграждения, не основанной на периодической выплате некоей денежной суммы. Из данной ситуации существовало два возможных выхода: взять человека к себе, кормить его, одевать, давать ему, как говорилось, «харчи» или же предоставить ему в качестве компенсации за труд участок земли, который позволял бы ему самостоятельно обеспечивать свое существование. В итоге преобладающим стал особый вид земельной собственности — феодал, связанный с личной службой, обычно военной, феодала (вассала) вышестоящему феодалу (сеньору). Чувство привязанности вассала к своему сеньору, писал Блок, было куда более интимным, чем впоследствии у рабочего к своему хозяину. С другой стороны, как только вассал обосновывался на земельном наделе, он начинал считать его собственным и старался облегчить бремя сво-

ей службы, а в конце концов и основать независимую династию [18, с. 128, 131–132].

При отсутствии сильных централизованных государств и растущей политической раздробленности произошел переход к своеобразной пирамиде отношений поземельной и личной зависимости, строго зафиксированных в иерархической системе сословно-классовых и профессионально-корпоративных статусов. Этот порядок устройства общества отличала четкая заданность социальных функций, жесткая регламентация деятельности каждой группы и индивида, сословно-иерархическая гармония прав и обязанностей, стабильность социальных статусов. Конкретное место в иерархии, включая верховную власть, определялось главным образом отношением к земельной собственности. Взаимоотношения между различными по месту в иерархии группами и конкретными лицами уподоблялось отношениям «отцов» и «детей».

Идея сословного разделения общества, отмечал Й. Хейзинга, насквозь пронизывает в Средневековье все теологические и политические рассуждения. Сословие есть состояние, порядок, и за этими терминами стоит мысль о богоустановленной действительности. В средневековом мышлении понятие «сословие» (состояние), или порядок, удерживается благодаря сознанию, что каждая из этих групп являет собой божественное установление, некий орган мироздания, столь же существенный и столь же иерархически почитаемый, как небесные Престолы и Власти. В той же прекрасной картине, в виде которой представляли себе государство и общество, за каждым из сословий признавали не ту функцию, где оно проявляло свою полезность, а ту, где оно выступало своей священной обязанностью или своим сиятельным блеском [124, с. 62–63].

Социальные связи, сложившиеся внутри сословий, каст, цехов, гильдий, рыцарских орденов, религиозных общин, университетов, были общинного типа. Они регламентировались комплексом замкнутых нравственных кодексов, детально фиксировавших права и обязанности индивидов, утверждавших отношения сотрудничества и взаимной помощи. В основе кодексов поведения всех сословий лежало понятие сословной чести, которое означало верность своему сословию, присущему ему образу жизни, действия по его сплочению. Принцип чести распространялся на вертикальные связи, предполагая верность вассала своему сеньору. В обществе, где весь социальный порядок держался на связи вассала и сеньора, эта верность вы-

двинулась на первый план. Зато понятие патриотизма было тогда неизвестно. Как отмечал А. Токвиль, слово «*patrie*» (отечество) встречается у французских писателей лишь начиная с XVI в. [112, с. 448].

Классических форм новый социальный порядок достиг в странах Западной Европы, где в период раннего Средневековья государство существовало в форме крупных, но непрочных государственных объединений (типа империи Карла Великого), а в X–XII вв. — в виде мелких политических образований — княжеств, герцогств, графств и т. п. — и где процесс восстановления централизованных государств пришелся только на XIII–XV в. Но этот порядок так и не сложился в соседней Византии, где на протяжении всего Средневековья сохранялось достаточно сильное централизованное государство.

Человек в феодальном обществе — сословная личность. Отказываясь от индивидуальности, он искал интеграции с группой, так как именно принадлежность к ней являлась гарантом его безопасности, условием реализации жизненных устремлений, пусть и ограниченных статусом группы. Занимая с самого рождения определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире, личность отождествлялась с ее ролью в обществе. Это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему усмотрению занимался тем или иным делом. Он почти не имел шансов переместиться социально и едва мог перемещаться географически. С рождения человек занимал социальное положение, которое гарантировало ему определенный освященный традицией жизненный уровень, хотя это и влекло за собой целый ряд обязательств по отношению к лицам, вышестоящим в феодальной иерархии. В пределах своего социального пространства индивид имел достаточную свободу выражения собственной личности в труде и эмоциональной жизни. И если в то время не существовало индивидуализма в смысле неограниченного выбора жизненных путей, зато было достаточно много проявлений конкретного индивидуализма в реальной жизни.

В этой обстановке ведущим мотивом человеческой деятельности не мог не быть сословно-корпоративный статус: его подтверждение, а по возможности и повышение. Но статус был, так сказать, «земным» мотивом. Не в меньшей мере человек Средневековья — приверженец христианской веры был захвачен идеей спасения души. Этот человек сознавал, что грешному «посюстороннему» миру, из объятий которого он не в состоянии вырваться, противопоставит высшее царство святости. Расплачиваться за это ему приходилось муками

душевной раздвоенности, неполноценности. Здесь источник многочисленных случаев самобичеваний, массовых паломничеств к святым местам, раздачи имущества и т. д.

Господствовавшими идеалами Средневековья, особенно раннего, были святой и рыцарь. Были случаи, когда в рыцари посвящали за исключительные военные подвиги, а по мере усиления городов это звание можно было купить. От рыцаря ждали, что он будет постоянно заботиться о своей славе. Слава требовала неустанных подтверждений, все новых и новых испытаний. Гордость, если она только не была преувеличена, считалась совершенно оправданной. Стремясь использовать рыцарство в своих интересах, церковь спокойно относилась к тому, что рыцари жили в двух, казалось бы, несогласуемых одна с другой системах ценностных координат, когда место смирения занимала гордость, место прощения – месть, а к чужой жизни проявляли полное неуважение. Эти и другие греховные поступки можно было легко замолить, уйдя на склоне лет в монастырь. Существовал и еще менее обременительный путь спасения – одеть умершего рыцаря в монашескую рясу.

Догматы христианства в значительной мере обусловили утвердившееся в средневековой Европе отношение к труду. В оценке труда позиция христианской церкви была двойственной. Вследствие грехопадения человека труд оценивался как наказание, но он же воспринимался и как средство поддержания земного существования. Провозгласив принцип «не трудящийся да не ест», раннее христианство причислило праздность к тягчайшему из грехов. В труде, поскольку он предотвращает падение в грех, ценили прежде всего воспитательное значение. Труд не должен отвлекать от молитвы. Поэтому не следует превращать его в самоцель, а тем более в средство обогащения. Для средневекового человека трудовая деятельность служила также средством утверждения социального статуса, права на членство в корпорации, личного достоинства. В продукте труда в первую очередь обращали внимание на его качественную сторону. Из проклятия труд становился призванием. Но это была лишь тенденция. Получить полную реабилитацию в феодальном обществе труд не мог.

Характеризуя докапиталистическое отношение к труду, М. Вебер отмечал, что работник тогда не думал о том, сколько он сможет заработать за день, увеличив до максимума производительность труда. Вопрос ставился так: сколько мне надо работать, чтобы получать те же деньги, которые я получал до сих пор и которые позволят удовле-

творить мои традиционные потребности. Человек предпочитал хуже жить, но зато меньше работать. По этой причине на повышение зарплаты он реагировал не увеличением, а уменьшением дневной выработки. Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы.

Под влиянием церкви труд считался единственным нравственно оправданным источником собственности. Преобладание данной точки зрения породило длительную практику недопущения ростовщичества и установления справедливых цен. Позиция церкви отчетливо выразилась в формуле: «Купец может действовать безупречно, но не может быть угодным богу». Так как собственность происходит не от бога, а является результатом людского корыстолюбия, то она препятствует любви к богу и людям. Осуждение богатства, отличавшее отцов церкви в III–V вв., было несколько приглушено позже, когда сама церковь стала крупнейшей собственницей. Постепенно раннехристианский идеал верующих, отрешившихся от всякого владения, был заменен идеалом мелкой собственности, требовавшейся для удовлетворения необходимых потребностей. Накопление сверх минимума по-прежнему считалось греховным. Активно прославлялась бедность. В бедняках видели божьих избранников. «Избранничество» должно было служить им моральной компенсацией за земные невзгоды. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» — эта евангельская истина была популярна в Средние века. Однако духовенство никогда не настаивало на том, что эти слова нужно понимать буквально и, следуя им, отказываться от богатства. Хотя никому не возбранялось раздать свое имущество и принять обет добровольной бедности.

В качестве главных грехов раннего и позднего Средневековья можно противопоставить друг другу гордыню и корыстолюбие. Гордыня, высокомерие считались источником всякого зла тогда, когда владения и богатство еще не обладали заметной подвижностью, а ощущение власти не основывалось исключительно на богатстве. Но в Библии помимо слов «в гордыне погибель» имеются и другие — «корень бо всех зол есть сребролюбие». И, похоже, делает вывод Й. Хейзинга, что преимущественно начиная с XIII в. укрепляется убеждение в том, что именно необузданная алчность ведет к гибели мира. Это убеждение вытесняет представление о гордыне как первейшем и пагубнейшем из пороков. Алчность, продолжает он, порок того времени, когда денежное обращение перемещает, высвобождает предпо-

сылки обретения власти. Человеческое достоинство оценивается теперь путем прямого расчета. Открываются невиданные ранее возможности накопления сокровищ и удовлетворения неукротимых желаний. Удовлетворение ищут в неистовых крайностях скупости и — расточительства. В литературе того времени: в хрониках, поговорках и благочестивых трактатах — повсюду обнаруживается жгучая ненависть к богачам, жалобы на алчность великих мира сего [124, с. 29—30].

3.4. КАПИТАЛИЗМ

Освобождение человека от сословной ограниченности, утверждение его права на свободный выбор жизненных целей и ценностей связаны с периодом становления буржуазного общества. Стихийное самоутверждение человеческого субъекта составило суть эпохи Возрождения. Самоутверждался, по выражению А. Ф. Лосева, крупный, сильный и независимый человек, который, «не будучи связан ни с чем другим, утверждал себя стихийно, а будучи единственным и окончательным создателем своего собственного продукта, утверждал себя еще и артистически» [81, с. 608]. Но у такого свободного, ничем не ограниченного самоутверждения была и обратная сторона. Пороки и преступления существовали во все эпохи, но теперь в них не калялись. Основа этой обратной стороны та же — стихийно-индивидуалистическая ориентация человека, мечтавшего быть освобожденным от всего объективно значащего и признававшего только свои внутренние нужды и потребности [81, с. 136—137].

Утверждение новых жизненных установок находилось в тесной связи с ростом индивидуальной экономической инициативы. Отныне собственные усилия человека могли привести его к материальному успеху и богатству. Деньги доказали, что они сильнее происхождения, и тем самым превратились в великого уравнивателя людей. В наивысшую ценность превращался труд. Роль одной из главных ценностей приобретала производительность. Развитие индивидуализма было заметно во всех социальных группах.

Коренное изменение мотивов человеческой деятельности во многом было обусловлено распространением учения Кальвина о предопределении, согласно которому, Бог заранее предрешает, кому будет дарована благодать, а кто обречен на вечное проклятие. Человек не в силах повлиять на предначертанное ему свыше, но он в состоянии

выяснить свое будущее. У самого Кальвина свидетельством принадлежности к спасенным являлись моральные усилия, добродетельная жизнь. Постепенно под давлением развивающегося капитализма акцент сместился в сторону мирской деятельности и ее результатов. Знаком божьей милости стал успех, а неуспех превратился в знак проклятия. Пуританизм (английский вариант кальвинизма) возвел обогащение, приобретательство в ранг призвания, религиозно-этической миссии. Оценивая произошедшие перемены, М. Вебер писал, что «глубоко религиозные натуры, прежде бежавшие спасаться в монастыри, теперь должны были выполнять все заповеди в миру» [31, с. 228].

Трудно дать однозначное объяснение того исторического факта, что обогащение стало ведущим мотивом человеческой деятельности. Скорее всего, наиболее близок к истине М. Фридман, связывающий, ссылаясь на А. Токвиля, этот феномен, т. е. превращение богатства в символ и свидетельство успеха, с тем, что широкие слои общества не желали принимать в расчет такие традиционные критерии феодального и аристократического общества, как родословная и происхождение. Очевидной альтернативой этим критериям являлись результаты практической деятельности человека, а накопление богатств было наиболее простым и доступным мерилем этих результатов.

То что мотив обогащения, а с ним и капиталистические порядки утвердились особенно быстро в Европе, отчасти связано с особенностями ее социального устройства. Еще в условиях феодализма здесь существовали достаточно благоприятные условия для накопления капиталов, предпринимательской деятельности. К этим условиям, по мнению Ф. Броделя, помимо рыночной экономики и международного разделения труда, обеспечивавшего более высокие прибыли, следует отнести возможность создания долговечных генеалогических линий и постоянного накопления богатств, передачи наследства и увеличения наследуемого имущества. Не менее важно и то, что можно было свободно заключать выгодные союзы, общество разделялось на группы, из которых какие-то были господствующими, само оно было ступенчатым, и социальное возвышение было если и не легким, то по крайней мере возможным.

Ситуация, совершенно отличная от европейской, сложилась в мандариновом Китае, где существовал тотально организованный порядок, присутствовала вездесущая опека государственного аппарата. Будучи само крупнейшим предпринимателем, государство с открытой враждебностью относилось к любому обогатившемуся индивиду. В атмо-

сфере, где чрезмерное богатство осуждалось как безнравственное, оно имело право на его конфискацию при первом признаке обогащения. Накопление было возможно только для государства и государственного аппарата. В свою очередь, путь к должности мандарина открывался с высшим образованием, а вступление в нее происходило на конкурсной основе. Так что ни богатство отдельных семей, ни их могущество не закреплялись без помех. Сын мандарина нечасто становился мандарином. Семейное восхождение рисковало прерваться в один момент. Понятно, что в такой обстановке особого смысла накапливать богатства для мандарина не было.

Весьма схожая ситуация с подобным же итогом, продолжает свои рассуждения Бродель, была характерна для мусульманских стран, включая Индию Великих Моголов. Только вместо тирании тотальной в них существовала тирания склонного к произволу государя. По этой причине высший класс не то чтобы непрерывно изменялся сам, но его постоянно изменяли. Итог же был один. Возможность для образования генеалогических цепочек, способных накапливать богатства, отсутствовала в обоих случаях.

Зато достаточно близкой к европейской являлась обстановка в Японии. Жребий в пользу капиталистического будущего был брошен в ней в эпоху Асикага (1368–1573 гг.) с утверждением экономических и социальных сил, независимых от государства. Могущественные и практически самостоятельные княжества, образовавшиеся в этот период, защищали свои города, купцов, ремесла, частные интересы. А утвердившиеся в этот период в японском обществе вольности были аналогичны тем, которые существовали в средневековой Европе. В такой же мере, как и там, они являлись привилегиями, которыми можно было оградить себя, защититься, благодаря которым можно было выжить [22, с. 591–609].

Итак, произошедшее при переходе к капитализму радикальное преобразование способа жизнедеятельности выразилось в утверждении права каждого человека на самоопределение, свободный выбор жизненных целей. Последовавший за утверждением нового способа жизни качественный скачок в масштабах активности людей затронул основы социальной организации. Прежде всего резко ослабили общинные связи. Именно в этот период на смену коллективному владению землей, которое составляло основу сельской общины, окончательно пришло доминирование частной собственности на нее. Рухнула словесно-иерархическая система социального устройства. Чрезвычайно

усложнились, стали приобретать откровенно эксплуататорский, антагонистический характер общественные связи, отношения между различными классами и социальными группами.

Принципиально новая ситуация потребовала коренного обновления порядка организации общественной жизни. Это обновление стало составной частью процесса становления буржуазного общества. Антифеодальная борьба третьего сословия за адекватное представительство своих интересов в структурах власти шла под лозунгом свободы и равенства всех людей, утверждения неотчуждаемых прав человека. Победа буржуазных революций и последовавшая за ними демократизация общественной жизни привели к формированию гражданского общества, основанного на приоритете личности, ее прав и свобод. Назначение гражданского общества — обеспечить в деятельности властных органов представительство интересов всех групп населения, каждого индивида. Подобное представительство было достигнуто посредством создания условий для самопроявления свободных индивидов и добровольно сформировавшихся объединений граждан. В экономике такая возможность стала очевидной с появлением свободного рынка — составной части гражданского общества. Борьба против феодальной верхушки, узурпировавшей публичную политическую власть, была также борьбой против узаконенного произвола ее интересов. Эта борьба привела к формированию правовых государств, где в противовес произволу как имеющих власть, так и стремящихся к ней реализовывалась идея верховенства закона. В правовом государстве свобода реализации интересов регламентируется мерой (правовой нормой), равной для всех.

В дальнейшем крупный капитал, заинтересованный в расширении спроса на потребительские товары, стимулировал развитие у широких масс ориентации на высокий уровень потребления. Новая ориентация пришла на смену предпринимательской установке человека, обязанного всем себе самому. Заметно снизился престиж индивидуального труда, личной инициативы и персональной ответственности.

В настоящее время, согласно, например, Ф. Джеймсону, «постмодернизм дублирует или воспроизводит — усиливает — логику потребительского капитализма». Дальше американский автор задает, хотя и оставляет открытым, более важный, на его взгляд, вопрос о том, сопротивляется ли постмодернизм этой логике [49, с. 446].

Основные итоги последовательного изложения исторического материала кратко можно сформулировать в следующих тезисах.

Налицо множественность и изменчивость, вплоть до обращения в свою противоположность, мотивов человеческой деятельности. И, что более существенно, преобразование самого способа жизнедеятельности людей в направлении от первобытной коллективности к индивидуальному достижению социально заданного мотива и далее — к его свободному выбору, основанному на этом выборе образу жизни. Основным источником исторической динамики форм жизни при всей их зависимости от широкого социокультурного контекста — это саморазвитие человека, выработка у него способности противостоять господствующим социальным реалиям, выдвигать в противовес им иные жизненные альтернативы.

Отчетливо просматривается эволюция социального порядка, совокупности образующих его институтов, основная линия которой заключается в постепенном вытеснении общинных связей общественными отношениями. Отказ от первобытной коллективности и переход от общины к обществу привели к государственной форме социального устройства. Слабость или отсутствие государственной власти компенсировались сословно-иерархическим порядком. Выход на арену общественной жизни суверенной личности, сопровождавший крах сословно-иерархического строя и разрыв общинных связей, потребовал нового порядка устройства социума, который был найден в виде сочетания гражданского общества и правового государства.

Развитие социального порядка происходило в тесной взаимосвязи с изменением способа жизнедеятельности людей. Несомненно также иницирующее значение развития форм жизни по отношению к преобразованию основ социальной организации. Как и то, что конституирование нового порядка организации общественной жизни не только находилось в прямой связи с преобразованием способа жизни людей, но и само ускоряло его.

Носителями социальных и культурных новаций первоначально становились отдельные группы лиц. Случалось, число их сторонников быстро росло. Как правило, за счет лиц, не имевших возможности удовлетворять свои жизненные стремления. В одном случае эти стремления выходили за пределы официально признанных, в другом — и гораздо чаще — они соответствовали им, но сами люди занимали нижние этажи социальной пирамиды, не имея возможности подняться выше. Действия социальных новаторов сталкивались с интересами тех, кто был удовлетворен старым укладом жизни или привык к нему. Борьба устремлений выливалась в борьбу социальных

групп, старых и новых, только еще формировавшихся. Не обязательно это была борьба «верхов» и «низов» общества. Успех нарождавшихся слоев ускорял институционализацию того способа бытия, который они олицетворяли. Но и в случае их неудачи те, кто оставался у власти, порой шли им навстречу, сознавая, что старые формы жизни неэффективны, малопродуктивны для социума.

Наконец, институционализация новых форм жизни и реформирование социального порядка не самопроизвольный процесс, а результат сознательного человеческого творчества, ответ на те проблемы, которые в конкретный исторический момент встали перед сообществом людей. В разных культурах этот ответ мог быть различным. Приведенные выше примеры в большинстве своем — образцы адекватных ответов. Их документальным воплощением явились, например, те законодательные акты древности, которые закрепили юридически право индивида на приоритет в его жизни собственных устремлений. Это же можно сказать по поводу Билля о правах 1689 г. (Англия), Конституции 1787 г. и Билля о правах 1791 г. (США), Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (Франция), других юридических документов, сделавших реальностью права суверенной личности. Вся история общественной, политической, правовой мысли — это нескончаемый ряд попыток найти решение наиболее насущных, злободневных для своего времени проблем.

Глава 4. СОЦИАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРА

Становление и сохранение социального порядка тесно связаны с процессами социализации индивидов, формированием социальных институтов и гармонизацией межклассовых и межгрупповых отношений, реализацией принципа социальной справедливости.

4.1. ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Личность – это формирующаяся под влиянием общения с другими людьми и жизни в обществе совокупность жизненно значимых черт, которая определяет мышление и поведение человека. Личность – понятие многогранное, поэтому она является объектом изучения разных наук, но прежде всего психологии и социологии.

В ходе исследований сложились знаковые психологические, социально-психологические и социологические теории личности. Психологические (психоаналитические) теории личности изучают особенности человеческой психики и ее развития, индивидуальное поведение (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, А. Маслоу, К. Роджерс и др.). Социально-психологические теории личности изучают предрасположенность людей к тому или иному типу поведения в определенных социальных условиях и само это поведение (Э. Фромм, Д. Рисмен, А. Бандура и др.). Социологические теории личности изучают социальные роли и типы людей, образующиеся в связи с принадлежностью человека к той или иной социальной группе.

Личность формируется в процессе социализации. Социализация – это процесс интериоризации (внутреннего усвоения) людьми ценностей и норм общества, в котором они живут. В отличие от воспитания

социализация во многом стихийный и неосознаваемый процесс. Наряду с социализацией говорят об асоциализации как о приобщении к негативному социальному опыту и, как следствие, об отклонениях (девиациях) в поведении людей.

Наиболее интенсивно социализация осуществляется в детские и юношеские годы, хотя продолжается в среднем и пожилом возрасте. Социализация взрослых отличается от социализации детей и молодежи. Во-первых, в ходе социализации детей происходит формирование основных ценностей; у взрослых главным образом изменяются их текущие жизненные ориентиры и поведение. Во-вторых, дети усваивают нормы, а взрослые оценивают их. В-третьих, у детей прежде всего формируется мотивация поведения, а у взрослых — его навыки.

Основную роль в придании социализации позитивного характера играют семья, ближайшее социальное окружение, учреждения образования и воспитания, средства массовой информации, включая интернет.

Принято особо выделять механизмы социализации. К основным механизмам социализации можно отнести следующие: подражание (имитацию), идентификацию, стыд, вину.

Подражание (имитация) — это преимущественно осознанное стремление копировать определенную модель поведения. Оценка подражания, т. е. воспроизведения одним субъектом черт и образцов действий и поведения другого субъекта в качестве наиболее простого и доступного для большинства способа научения, стала весьма распространенной после классических работ Г. Тарда. Тард считал, что источником социального развития являются открытия и изобретения, созданные в результате индивидуального творчества. Отбор и внедрение нововведений осуществляется посредством подражания. Эту идею Г. Тард выразил формулой: общество — это подражание. Процесс распространения новшеств он представил в виде концентрических кругов повторения. Круг подражания расширяется до тех пор, пока не сталкивается со встречной волной, идущей из другого центра.

Подражают в первую очередь верованиям и хотениям. Подражают также новым приемам деятельности. Подражания нет без большей или меньшей известности, даже славы образца. Подражают на основе обычая, моды, симпатии, из повиновения. Подражать учатся в процессе обучения и воспитания. Существуют логические и нелогические причины подражания.

С первыми мы имеем дело там, где люди считают нововведение более полезным и истинным, чем прежние способы действия. Распространение нововведений происходит посредством логического союза, когда они поддерживают друг друга, или в результате логического поединка. Последний разрешается тремя способами: соперник низвергается на фоне успехов противоборствующей стороны; он уничтожается насильственным способом; происходит примирение, а возможно, и добровольное удаление одного из соперников.

Внелогические причины подражания состоят в следующем. Внутренние образцы вызывают подражание раньше внешних образцов (сначала подражают духу религии, а потом ее обрядам). Часто люди заимствуют новые средства достижения старых целей, а потом начинают принимать нововведения, возбуждающие новые цели. Цели усваиваются легче, чем средства. Низшие классы подражают высшим, но наибольшее подражание вызывает высший из наиболее близких по социальной дистанции. Подражают только тому превосходству, которое могут понять, а понимают, когда видят, что оно способно доставлять ценные блага. С расширением социального равенства, отмечает Г. Тард, люди все меньше готовы идти за отдельными лицами и все больше склонны верить массе, общественному мнению. Ничто не свидетельствует так наглядно о силе подражательного увлечения, как единодушие. Наконец, попеременно подражают то настоящему, то прошлому [107].

Дальнейшее развитие эти идеи получили главным образом в рамках социально-когнитивного направления изучения личности и ее поведения. Прежде всего в теории социального научения А. Бандуры, где делается акцент на научении через наблюдение. Суть этого подхода состоит в предположении, что люди наблюдают за поведением других, оценивают его последствия, а потом пытаются повторить успешные действия. Основное преимущество научения через наблюдение состоит в том, что, обучаясь на примере чужих успехов и ошибок, люди экономят время и энергию. Существует три возможных направления влияния модели обучения на наблюдателя: посредством наблюдения поведения могут приобретаться новые реакции; через наблюдение последствий поведения усиливается или ослабляется сдерживание поведения, которому ранее научился наблюдатель; наблюдение за действиями других облегчает реализацию уже приобретенных реакций.

Научение посредством наблюдения т. е., по сути, подражание, особенно эффективно, по мнению А. Бандуры, в следующих случаях:

при регулярном общении с моделью подражания и наличии возможности наиболее досконально изучить ее поведение. Лучше, если межличностное взаимодействие будет происходить в диаде (парнозависимое поведение). Тем более когда модель осуществляет руководство обучением наблюдателей (копирующее поведение);

когда наблюдение ведется за теми образцами поведения, которые значимы для достижения личных целей;

если подражать пытаются тем способам и приемам действия, которые посылны для наблюдателя. Конечно, максимальный эффект достигается при совпадении как можно большего числа факторов, благоприятных для усвоения данного образца поведения;

когда пример, которому подражают, ассоциируется с успехом, результативностью, социальным признанием, в несколько иной терминологии с функциональной ценностью, поскольку способность добиваться успеха воспринимается как самостоятельное качество человека вне зависимости от конкретного вида деятельности, которой он занимается.

Второй механизм социализации – идентификация (отождествление) человека с определенным образцом поведения и его носителем. Идентификация бывает двух видов:

личная, т. е. отождествление себя с другим человеком и его поведением;

групповая, т. е. отнесение себя к определенной социальной группе, усвоение присущих ей ценностей и норм поведения.

Э. Эриксон рассматривал идентичность как состоящую из Я-идентичности и социальной идентичности. Я-идентичность включает два компонента: органический (физический облик) и индивидуальный (подлинность и целостность личного бытия). Социальная идентичность состоит из групповой идентичности (ощущение единства с теми общностями, к которым человек принадлежит) и психосоциальной идентичности (ощущение значимости своего бытия с точки зрения общества).

Каждый из этих аспектов идентичности имеет два полюса: позитивный – то, каким человек должен быть, и негативный – то, каким человек не должен быть. Для успешной социализации, безусловно, требуется перевес позитивной идентификации.

Подражание и идентификация — это позитивные механизмы социализации. Два других механизма: стыд и вина — представляют собой ее негативные механизмы, т. е. запрещают некоторые виды поведения или подавляют их.

Возникновение стыда обусловлено разочарованием в себе и ощущением своей неуместности, смущением и робостью, чувством, что сделал что-то неверное, ранящее других или неправильное с точки зрения закона или нравственных норм. Именно благодаря стыду увеличивается чувствительность человека к мнениям и чувствам других, особенно если они имеют статус референтных групп, общепринятым правилам поведения и общения. Переживание стыда начинается с внезапного и интенсивного усиления осознания своего «Я». Стыд обычно возникает в присутствии других людей, на фоне которых твоё «Я» выглядит маленьким, беспомощным и не соответствующим требованиям момента.

Вина в отличие от стыда, который включает реальные или воображаемые наказания человека другими людьми, является главным образом результатом внутренних санкций, вызванных нарушением моральных или религиозных норм. Переживание вины состоит из мучающего чувства, что Я ошибся, не прав по отношению к другим или к самому себе. Чувство вины сопровождается раскаянием, осуждением самого себя и понижением самооценки [51, с. 339–397].

Конкретные представления о поступках, влекущих за собой чувства вины и стыда, были весьма разнообразными в разные исторические времена и у представителей разных культур. Часто стыд и вина рассматриваются как своеобразные формы тревожности, связанные с самооценкой. Стыд вызван озабоченностью индивида по поводу своей компетентности, силы или могущества и выражает желание избежать видимости неудачи, слабости или зависимости. Вина порождается озабоченностью индивида своей правотой, выражает его желание чувствовать себя правым. Вина ощущается тогда, когда индивид, оценивая себя по шкале «хороший — плохой», кажется самому себе плохим; стыд — когда, определяя свое место на шкале «сильный — слабый», он признает себя слабым.

Противопоставление этих двух эмоциональных явлений используется для типологизации культуры. Те культуры, в которых главным механизмом социального контроля является стыд, иными словами, люди ориентируются главным образом на оценку со стороны конкретных «других», этнографы иногда называют «культурами стыда».

А культуры, придающие решающее значение индивидуальной совести, которая предполагает интернализацию (внутреннее усвоение) каких-то универсальных норм, — «культурами вины». При этом они отмечают, что содержание, вкладываемое в понятия «стыд» и «вина», в разные исторические времена и у разных народов является неодинаковым. Часто эти понятия взаимно перекрываются, переходят одно в другое. Так, историки древнегреческой цивилизации считают ее «культурой стыда» при той оговорке, что уже Демокрит включал в понятие стыда некое внутреннее измерение, когда писал, что «нужно, чтобы человек, сделавший нечто постыдное, чувствовал сначала стыд перед собой».

Христианскую этику часто называют классическим примером «культуры вины». Но слова «вина» и «виновность» встречаются в Ветхом Завете лишь по два раза, а в Новом Завете вообще отсутствуют. Зато стыд упоминается очень часто, особенно в противопоставлении славе. Отмечается также качественное различие западного и японского понимания вины. Японец ощущает сильное чувство вины, которое нередко символизируется как стыд, когда он не выполняет свои обязанности на ожидаемом от него уровне [66, с. 87–91].

В процессе социализации большую роль играет локус (место) контроля поведения человека — понятие, которое разработано и введено в научный оборот Дж. Роттером. Существует два крайних типа контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). При доминировании интернального локуса контроля человек считает, что его достижения и неудачи преимущественно зависят от него самого. В случае доминирования экстернального локуса контроля успехи и неудачи воспринимаются прежде всего как результат поддержки или, наоборот, противодействия внешних сил.

Интернальный локус контроля повышает активность человека, формирует у него оптимистический взгляд на перспективы его жизни. Экстернальный локус контроля, напротив, формирует пессимистические взгляды и ведет к формированию чувства беспомощности. Способы преодоления чувства так называемой выученной беспомощности предлагает теория самоэффективности А. Бандуры. Она касается умения людей осознавать свою способность к эффективным действиям и учит способам преодоления «выученной беспомощности».

Первый из этих способов состоит в обращении к собственному положительному опыту решения схожих проблем. Второй способ касается использования опыта других людей, которые успешно справ-

ляются с данной проблемой. Третий способ — это посланная со стороны вербальная поддержка, которая состоит в убеждении, что человек в состоянии решить данную проблему. Четвертый способ — снижение эмоционального возбуждения, преодоление стрессового состояния, поскольку люди, по словам Бандуры, с большей вероятностью добиваются успеха, если они не напряжены и эмоционально спокойны.

Существует ряд концепций, объясняющих характер, механизмы, возрастные и половые особенности, наконец, выделяющих основные этапы социализации. Наиболее известными из них являются теория психосоциального развития Э. Эриксона, теории нравственного развития Л. Кольберга и К. Гиллиган.

Согласно теории психосоциального развития Э. Эриксона человек на протяжении жизни переживает восемь психосоциальных кризисов, характерных для каждого возраста. Их благоприятный или неблагоприятный исход определяет последующее развитие личности [136].

Первый кризис (грудной возраст). Он связан с тем, удовлетворяются или нет основные физиологические потребности ребенка ухаживающим за ним человеком. Удовлетворяются — развивается чувство доверия к окружающему миру. Нет — растет недоверие.

Второй кризис (второй год жизни) связан с первым опытом обучения, особенно приучения к чистоплотности. Если родители понимают ребенка и помогают ему контролировать естественные отправления, ребенок получает опыт автономии. Слишком строгий или непоследовательный внешний контроль приводит к развитию чувства стыда или сомнений, связанных главным образом со страхом потерять контроль над собственным организмом.

Третий кризис (3–5 лет). Происходит самоутверждение ребенка. Планы, которые он строит и которые ему позволяют осуществлять, способствуют развитию инициативы. Запреты, переживание неудач развивают покорность и чувство вины.

Четвертый кризис (школьный возраст) связан с атмосферой школы, методами обучения и воспитания. В зависимости от них у ребенка развивается вкус к учебе и работе, растет уверенность в своих силах или, наоборот, формируется чувство неполноценности и беззаботности.

Пятый кризис подростки обоего пола переживают в поисках самоидентификации, прежде всего половой и профессиональной. Успешная самоидентификация ведет к становлению индивидуальности. Неспособность к ней — к ролевой диффузии (путанице ролей).

Шестой кризис свойственен взрослым молодым людям и связан с поиском любимого человека (ухаживание, брак и другие виды интимных отношений). Отсутствие положительного решения ведет к одиночеству. В дальнейшем отсутствие постоянной интимной связи может компенсироваться временными отношениями, которые, как правило, ведут к разочарованию и ощущению одиночества.

Седьмой кризис переживается в 40-летнем возрасте. Развивается чувство генеративности (сохранения рода), выражающееся главным образом в интересе к следующему поколению и его воспитанию. Профессиональная активность характеризуется наибольшей продуктивностью. Если супружеская жизнь складывается неблагоприятно, она может застыть в состоянии псевдоблизости, что обрекает супругов на существование лишь для самих себя.

В. Пекк выделил в кризисе 40-летних четыре подкризиса, успешное разрешение которых служит необходимым условием дальнейшего развития чувства генеративности.

Во-первых, уважение к мудрости должно сменить примат физической храбрости.

Во-вторых, сексуализация социальных связей должна уступить место их социализации, что означает ослабление сексуальной озабоченности.

В-третьих, необходимо противиться аффективному обеднению, связанному со смертью представителей старшего поколения и обособлением детей, искать источник эмоционального обогащения в иных формах деятельности.

В-четвертых, важно продолжать поиск новых форм поведения, вместо того чтобы придерживаться старых привычек и пребывать в состоянии психической ригидности (оцепенелости).

Восьмой кризис – время старения. Выхода два: умиротворение или отчаяние. Подводятся итоги жизни. Удовлетворенность прожитым, осознание своей жизни как единого целого ведет к умиротворению. Невозможность свести прошлые поступки в единое целое оборачивается отчаянием.

В. Пекк выделил в кризисе старения три подкризиса. Их успешное преодоление способствует возникновению чувства полноценности прожитой жизни и удовлетворенности. Эти подкризисы включают:

во-первых, переоценку своего Я помимо профессиональной роли, которая часто вплоть до ухода на покой остается главной;

во-вторых, осознание факта старения тела и ухудшения здоровья и, как следствие, выработку в этом плане необходимого равнодушия;

в-третьих, исчезновение самоозабоченности, что позволяет без ужаса принимать мысль о смерти.

Другим известным объяснением механизмов и основных этапов социализации личности является теория нравственного развития Л. Кольберга.

Нравственное развитие человека, согласно Л. Кольбергу, включает три уровня, каждый из которых состоит из двух стадий.

Первый уровень – преднравственный (4–10 лет). Поступки определяются внешними обстоятельствами, и точка зрения других людей в расчет не принимается.

Первая стадия. Поступок ориентирован на вознаграждение и наказание, которые он может повлечь за собой.

Вторая стадия. Поступок соотносится с той пользой, которую из него можно извлечь.

Второй уровень – конвенциональный (10–13 лет). Человек придерживается условной роли, ориентируясь при этом на принципы других людей.

Третья стадия. Поступок ориентирован на одобрение других.

Четвертая стадия. Поступок соотносится с установленным порядком, совершается исходя из уважения к власти и предписанным ею законам.

Третий уровень – постконвенциональный (начиная с 13 лет). Истинная нравственность достигается только на этом уровне. Человек исходит в своих действиях из собственных критериев, что предполагает высокий уровень рассудочной деятельности.

Пятая стадия. Действия людей основываются на уважении демократически принятого решения или вообще на уважении прав человека.

Шестая стадия. Поступок совершается на основе решений совести независимо от мнения других людей или требований закона.

По мнению Кольберга, многие люди не переходят четвертую стадию нравственного развития. Шестой стадии достигает 10 % населения в возрасте 16 лет и старше.

Сотрудница Л. Кольберга К. Гиллиган начала с упрека его в том, что он разработал свою систему нравственного развития на основе мужских нравственных ценностей, базирующихся на самоутверждении и справедливости, и оставил без внимания женскую нравствен-

ность, ориентированную в большей мере на заботу о других людях и самоотречение. Оказалось, что, согласно его подходу, как считала Гиллиган, большинство женщин остается на третьей стадии нравственного развития.

Согласно К. Гиллиган, развитие нравственности у женщин проходит через три уровня, между которыми имеются по две переходные стадии.

Первый уровень – самоозабоченность. Женщину интересуют только те люди, кто в состоянии удовлетворить ее собственные потребности и обеспечить ее существование.

На первой переходной стадии эгоизм начинает сменяться тенденцией к самоотречению. Женщина по-прежнему сосредоточена прежде всего на собственном благополучии. Но при принятии решений все чаще учитывает также интересы других людей.

Второй уровень – самопожертвование. Социальные нормы, которым большей частью приходится следовать женщине, заставляют ее переходить к удовлетворению собственных желаний лишь после удовлетворения потребностей других. Например, это роль хорошей матери.

На второй переходной стадии женщина поднимается с уровня самопожертвования на уровень самоуважения, начиная все больше принимать в расчет собственные потребности. Она пытается совместить удовлетворение собственных потребностей с потребностями других.

Третий уровень – самоуважение. Женщина понимает, что только она сама способна сделать выбор, касающийся ее собственной жизни, если она не причинит вреда людям, связанным с нею семейными или социальными узами и вообще принадлежностью к человеческому роду.

Социализация может оборачиваться своей обратной стороной – асоциализацией, т. е. отклонениями (девиациями) в поведении. Для объяснения причин и содержания отклоняющегося поведения Э. Дюркгейм ввел понятие «аномия» (франц. *anomie* – беззаконие, безнормность). Аномия означает такое состояние общества, когда часть его членов, зная о существовании обязательных социальных норм поведения, относится к ним равнодушно или негативно. Причина аномии – расхождение между потребностями людей и возможностями их удовлетворения законным способом. Аномия особенно сильно распространена во времена социальных кризисов. Р. Мертон уточнил причины возникновения аномии, когда связывал их с разрывом между культурными целями общества и одобряемыми (институционализованными) средствами их достижения.

Основные механизмы распространения девиации:

стигматизация (наклеивание ярлыков). Суть механизма стигматизации можно изложить следующим образом. Первичная девиация наблюдается тогда, когда человек лишь иногда нарушает ту или иную норму поведения; окружающие не обращают на данное нарушение внимания; сам он не считает себя девиантом. При вторичной девиации окружающие начинают обращать на нарушение внимание; с нарушителем норм обращаются не так, как с обычными людьми; сам он начинает считать себя девиантом;

обучение девиации, особенно при прямом общении с нарушителями социальных норм;

влияние преуспевающих девиантов, даже если на них только смотрят со стороны.

По этой причине особое место в социализации занимает система мер по предупреждению и преодолению поведения, отклоняющегося от узаконенных социальных норм. Стержневой составляющей этих мер является социальный контроль, т. е. контроль со стороны группы или другой социальной общности, в первую очередь уполномоченных ими институтов и лиц, за соблюдением их членами принятых социальных норм.

Система социального контроля включает два основных компонента: надзор за поведением и санкции за нарушение социальных норм.

Надзор состоит из формальных и неформальных способов обнаружения нежелательных поступков и поведения. Формальные институты надзора – полиция, служба безопасности, идеологические органы, включая церковь, полиция нравов и т. п. Неформальные институты надзора – контроль со стороны окружающих людей, семьи, малых групп, общественного мнения.

Санкции – это реакция группы на поведение ее членов. Разделяются они по одному критерию на позитивные (поощрение) и негативные (наказание). По другому критерию – на неформальные и формальные. На пересечении этих критериев образуются четыре группы санкций.

Первая группа – позитивные неформальные санкции, например молчаливое признание, выражение уважения, подчеркивание авторитета, похвалы в устной форме, доброжелательные сплетни и карикатуры.

Вторая группа – позитивные формальные санкции, например грамоты, денежное вознаграждение, ценные подарки, ордена и медали, почетные звания, продвижение по службе, памятники.

Третья группа – негативные неформальные санкции, например устное выражение удивления, огорчения или неудовольствия, насмешки, отказ подать руку или поддерживать товарищеские отношения, недоброжелательные сплетни и карикатуры, ostracism.

Четвертая группа – негативные формальные санкции, например административные и судебные наказания – штраф, арест, тюремное заключение, лишение гражданских прав или гражданства, конфискация имущества, отлучение от церкви, смертная казнь.

Воздействие санкций имеет как прямой, так и косвенный характер (через предостережение).

В системе Т. Парсонса выделены следующие методы социального контроля:

изоляция с целью отлучения девианта от других людей без попытки реабилитации (тюрьма);

обособление, ограничивающее контакты с другими людьми, но не изолирующее полностью от общества (помещение в психическую больницу на ограниченный срок);

реабилитация, означающая подготовку девиантов к возвращению в нормальную жизнь и выполнению своих социальных ролей («анонимные алкоголики», «анонимные наркоманы» и т. п.).

4.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Социальные институты (от лат. *institutum* – установление, учреждение) – это совокупность ролей и статусов, которые обеспечивают организованные усилия людей по удовлетворению различных потребностей общества, необходимых для его существования. В этом контексте можно сказать, что общество – это совокупность социальных институтов, а их эффективное функционирование является основой его целостности, стабильности и гармоничного, бесконфликтного развития.

Г. Ленски и Дж. Ленски составили перечень основных социальных потребностей, необходимых для поддержания целостности общества, которые требуют формирования соответствующих социальных институтов. В этот перечень входят следующие потребности:

коммуникация между членами общества, рассматриваемая в самом широком диапазоне;

производство товаров и услуг;

распределение товаров и услуг;
защита членов общества от физической опасности, биологических организмов и внешних врагов;
замена убывающих членов общества путем биологического размножения и социализации;
контроль за поведением членов общества.

Классификация институтов происходит в зависимости от их направленности на реализацию той или иной социальной потребности.

Ч. Миллс насчитывал пять главных институтов (в его терминологии — институциональных порядков), формирующих основы социальной организации:

экономические — институты, организующие хозяйственную деятельность;

политические — институты власти;

семейные — институты, регулирующие половые отношения, рождение и социализацию детей;

военные — институты, осуществляющие защиту членов общества от физической опасности;

религиозные — институты, организующие коллективное почитание богов.

В вопросе об иерархии и взаимоотношении институтов принципиальным, на наш взгляд, является положение, высказанное Ф. Броделем. Глобальное общество, писал он, — сумма живых реальностей, связанных или несвязанных одни с другими, множество множеств, полная сумма всех фактов, каких мы касаемся в разных областях общественной жизни. Важно, продолжает он, не воображать априори, будто один сектор может раз и навсегда приобрести превосходство над каким-то другим или всеми другими. В Европе экономика довольно часто начиная с XI или XII в. и все более определенно с XVI в. опережала другие секторы. Она заставляла их определяться в зависимости от нее. Перед лицом нарастающей мощи экономики, чреватой многочисленными революционными переменами, прочие секторы, все общество в целом играли свою роль, ускоряя развитие и чаще всего чиня препоны, оказывая противодействие. На протяжении лет, предшествовавших 1789 году, завершает свою мысль Бродель, именно экономика, трансформируясь сама, преобразовала структуры и образ мышления французского общества так, как раньше она это сделала в Англии и Голландии. Еще раньше — в торговых итальянских городах [22, с. 461–463, 481].

Если капиталистический строй отличает первенство экономических институтов, то в феодальной Европе, как и в ряде современных исламских государств, доминирующий институт — церковь. Если быть более точным, то христианский мир европейского Средневековья — двуглавый. Его главами были папа и император. На протяжении всего средневекового периода короли и императоры пытались добиться признания религиозного, сакрального характера своей власти. Если король выступал в качестве защитника церкви, та освящала его власть, требовала от подданных слепого подчинения ей. Как только король переставал подчиняться, церковь тотчас напоминала о его ничтожестве, лишая королевскую власть желанного священного характера [42, с. 248–252].

Доминирующее положение того или иного института зависит от того, какая форма социальной активности преобладает в данном обществе или, как при тоталитарном строе, какая из них является объектом первоочередного регулирования со стороны властей. В одном случае преобладание какой-то из форм активности и соответствующего института является ответом на особую значимость для общности удовлетворения в данный исторический момент некоторой ее потребности, например обеспечения основ социальной организации или защиты от нападения извне. В другом случае доминирование активности и института обусловлено своеобразием социокультурных оснований мотивации. Пример тому — господство мотивов обогащения и потребления, ориентированных на них форм деятельности, а в итоге — экономических институтов при капитализме.

Социальная структура представляет собой совокупность больших социальных групп и общностей людей, расположенных в системе социального неравенства (стратификации), а также взаимоотношений между ними, которые характеризуются определенным уровнем сотрудничества или конфликтности.

Большая социальная группа — это количественно неограниченная статистическая (условная) общность людей, выделяемая на основе демографических, социально-экономических, политических, профессиональных, образовательных, этнических, культурных, религиозных и других системообразующих признаков.

Большой социальной группой, играющей доминирующую роль в функционировании и развитии общества, являются классы. Основателями учения о классах и классовой борьбе как доминанте, лежащей в основе развития общества, являются историки А. Тюрго, Ф. Гизо,

Ф. Минье, А. Тьер, О. Тьерри и экономисты А. Смит и Д. Рикардо. Они, во-первых, выделяли в современном им обществе XIX в. в качестве основных классов собственников земли, владельцев капиталов и рабочих, во-вторых, видели источник классовой дифференциации в политическом насилии.

К. Маркс связывал основы классовой дифференциации с различным отношением к собственности на средства производства. Существование классов он соотносил с определенными фазами общественно-экономического развития, считая, что основу классовой структуры рабовладельческой общественно-экономической формации составляют рабы и рабовладельцы, феодальной формации — феодалы и крестьяне, капиталистической формации — рабочие и капиталисты. Уточняя свой вклад в теорию классов, он писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [83, с. 427].

Конкретизируя марксистское понимание класса как социального феномена, В. И. Ленин писал, что классы — это «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [76, с. 15].

Классовая борьба — фундаментальная величина в истории. В этом с Марксом соглашался В. Парето, но представления марксизма, с его точки зрения, неверны в двух отношениях. Во-первых, основания классовой борьбы находятся не только в отношении к собственности на средства производства. «Многие думают, — писал Парето, — что, если бы можно было найти рецепт устранения “конфликта между трудом и капиталом”, исчезла бы и классовая борьба... Классовая борьба — лишь форма борьбы за жизнь, а то, что именуется “конфликтом между трудом и капиталом”, лишь форма классовой борьбы. В Средние века можно было думать, будто с исчезновением религиозных конфликтов в обществе наступит мир... они исчезли, по крайней мере отчасти, и их заменили социальные конфликты. Представьте себе, что утвердился коллективизм, что “капитала” больше нет, ясно,

что в таком случае больше не будет конфликта с трудом, но это будет означать, что исчезла только одна форма классовой борьбы; ее заменят другие. Возникнут конфликты между слоями трудящихся социалистического государства, между “интеллектуалами” и “неинтеллектуалами”, между разными типами политиков, между ними и их подчиненными, между новаторами и консерваторами». Во-вторых, пролетарское движение не есть движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Победа пролетариата закончится не его диктатурой, а господством тех, кто говорит от имени пролетариата, т. е. привилегированного меньшинства, элиты, подобной элитам прошлого и тем, что придут за ними [7, с. 456–457].

Эти высказывания В. Парето далеко не единственные страницы мировой социологической мысли, посвященные классовой дифференциации общества. Ее анализировал М. Вебер, выделивший три основных компонента неравенства, которые он считал взаимосвязанными и все же в существенных отношениях независимыми. Первый компонент — имущественное неравенство. Второй — статусная принадлежность к группам, которые в разной мере пользуются почетом, уважением, имеют неодинаковый престиж, ведут особый образ жизни. Статусные группы не обязательно состоят из богатых людей, в них входят лица разного достатка. На статус влияет не только богатство, но и престиж. Третий компонент неравенства — власть, имеющая политический характер и понимаемая как способность человека или группы проводить в жизнь планы, принимать меры или вести определенную политику даже вопреки возражениям других людей или групп. Хотя благодаря огромному богатству и высокому престижу человек может достичь вершин власти, обладание ими само по себе не идентично обладанию властью.

Иная трактовка классовой структуры общества присуща социологической концепции Р. Дарендорфа. В центре его доктрины — «императивно координированные ассоциации» (ИКА), т. е. социальные образования в диапазоне от малой группы до общества в целом, представляющие собой хорошо различимую организацию социальных ролей. Характерный структурный признак ИКА — властные отношения (отношения господства-подчинения), отличающиеся явно выраженной неравномерностью распределения властных ресурсов, когда некоторые комплексы ролей обладают властью подчинять другие комплексы ролей. В любой ИКА можно выделить два основных типа ролей: правящие и управляемые. Носители правящих функций

заинтересованы в сохранении существующего порядка. Управляемые стремятся к перераспределению власти или, в другой терминологии, авторитета. Конфликты между носителями разных групп ролей ведут к перераспределению власти и авторитета. За ними следуют институционализация нового комплекса правящих и управляемых ролей и новый виток борьбы между ними. Отношение к власти составляет основу социальной дифференциации общества. Классы, по определению Дарендорфа, «суть конфликтующие социальные группы, основание определения которых (а вместе с тем *differentia specifica*) состоит в участии в господстве или исключении из него внутри любых сфер господства» [139, с. 139].

В теории социальной стратификации У. Л. Уорнера классовая принадлежность людей определяется на основе оценки их статуса, в другой терминологии – репутации, членами общества. Выделяется шесть классов: 1) класс наиболее высокопоставленных, включая богатых людей, но главным здесь является знатное происхождение; 2) класс менее высокопоставленных – люди высокого достатка, но не выходящие из аристократических семей; 3) высший слой среднего класса, который состоит из высокообразованных людей интеллигентного труда и деловых людей, имеющих высокие доходы, – врачей, юристов, владельцев капиталов; 4) низший слой среднего класса – канцелярские работники и другие «белые воротнички» (секретари, банковские кассиры, делопроизводители); 5) высший слой низшего класса – «синие воротнички» т. е. заводские рабочие и прочие работники физического труда; 6) низший слой низшего класса – самые бедные и отверженные члены общества, весьма сходные с люмпен-пролетариатом, о котором писал К. Маркс.

Обобщая существующие в современной социологии подходы к определению понятия «класс», следует отметить, что в качестве индикаторов классовой принадлежности выделяются профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж, но акцент по-прежнему делается на имущественных отношениях, владении собственностью, капиталом.

Для социального порядка особую роль играет проблема взаимоотношений (равенства-неравенства, а соответственно, степени конфликтности) классов и групп. Структуру социальной стратификации (неравенства) можно изобразить геометрически в виде пирамиды или ромба. Обе фигуры свидетельствуют о том, что в каждом обществе имеется социальное меньшинство, находящееся в его верхней части.

Однако при пирамидальном строении стратификации оно весьма незначительно, зато подавляющее большинство населения находится в нижней части социальной пирамиды. Ромбовидная фигура указывает на то, что большинство людей сосредоточено в средней части социальной структуры.

Со строением стратификации напрямую связана устойчивость основ социальной организации. При ромбовидной форме стратификации доминирующим становится средний класс, об особой роли которого в стабилизации общественной жизни писал еще Аристотель. Давая характеристику современного среднего класса, следует отметить следующие основные его признаки:

- социально-психологические черты, такие как законопослушность, рассудительность, обязательность;

- самодостаточность, т. е. способность самостоятельно решать свои жизненные проблемы;

- высокий профессионализм, который является источником материального достатка;

- наличие собственности, в том числе интеллектуальной.

Строение стратификации тесно связано с характером социальной мобильности, присущей обществу.

Социальная мобильность — это изменение индивидом или группой их позиции в системе социальной стратификации. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная.

Горизонтальная мобильность (социальное перемещение) состоит в переходе человека из одной социальной группы в другую, расположенную примерно на одном и том же социальном уровне. Примером этого типа мобильности являются межотраслевые перемещения трудовых ресурсов и межрегиональное движение населения.

Вертикальной мобильностью называется перемещение в занимаемых социальных позициях вверх или вниз. Поэтому в зависимости от направления движения это может быть социальный подъем или спуск.

Выделяют индивидуальную и групповую (коллективную) мобильность. Индивидуальная мобильность — это изменение социального статуса отдельного индивида. Групповая мобильность — изменение социального положения класса или группы.

По другому критерию мобильность подразделяют на внутр поколенческую и межпоколенческую. Под внутр поколенческой мобиль-

ностью понимают изменение социального статуса конкретного индивида в процессе его жизни. Под межпоколенческой мобильностью — перемену социального статуса от поколения к поколению.

К важнейшим каналам («лифтам») вертикальной мобильности относятся следующие: экономическая, политическая и профессиональная деятельность, рост образовательного уровня, воинская служба, движение в церковной иерархии, брак с лицами, которые занимают более высокое социальное положение.

Существенное влияние на стабильность общества оказывает открытость каналов вертикальной мобильности, т. е. удовлетворение стремления больших групп людей поднять свой социальный статус: прежде всего экономический, профессиональный, образовательный.

Своеобразие эволюции современного общества состоит в переходе к преимущественно ромбовидному типу стратификации. Происходит этот переход за счет существенного повышения образовательного и, следовательно, профессионального статуса людей. Опыт высокоразвитых стран показывает, что «для всех ролей константой является возрастающее значение образования в процессах мобильности».

Ряд исследований позволили выявить новейшие тенденции и перспективы социальной стратификации. Прежде всего они связаны с работами Т. Пикетти «Капитал XXI века» и др. В них Пикетти делает вывод, что неравенство в распределении материальных благ и богатств растет и до 2070-х гг. будет расти. Этот прогноз он обосновывает тем, что прибыль на капитал стремится превышать уровень экономического роста. Богатства 1 %, а еще в большей степени — 0,1 % преуспевающей части населения растут в 2–3 раза быстрее экономики в целом. Другими словами, капитал и власть, которые получены по наследству (по рождению), становятся важнее трудовых усилий и таланта человека. Совет Т. Пикетти тем, кто управляет государством: регулируйте накопление капитала политическими средствами [89].

Одновременно речь идет о появлении нового социального класса — прекариата (от двух слов: лат. *precarium* — неустойчивый, нестабильный, негарантированный и нем. *Proletariat*, лат. *proletarius* — немощные), формирующегося из разных слоев современного общества. Его главная характеристика — постоянная занятость на временной работе, которая сопровождается низкими и нестабильными доходами, ограниченностью социальных гарантий и жизненных перспектив. По оценкам, во многих странах, включая Россию, прекариат включает 30–40 % трудоспособного населения [106; 115, с. 3–13].

Другим важнейшим коллективным участником социальных процессов после классов являются большие этнические образования (этноты), прежде всего наиболее развитые из них — нации.

Социальная роль национальных образований основана на том, что этноты — это, во-первых, очень устойчивая форма общности, нередко существующая тысячелетия; во-вторых, они создают устойчивое культурное наследие; в-третьих, формируют сильное чувство идентификации индивидов со своими общностями; в-четвертых, порождают очень сильное чувство солидарности членов общности по отношению друг к другу. По определению автора дуалистической теории этноса Ю. Б. Бромлея, этническая общность (этнос) в узком значении этого термина — исторически сложившаяся совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличая себя от других подобных общностей [23, с. 17]. Этнические общности нередко целиком входят, как выражается Бромлей, в социальные организмы, в частности в государственно-политические образования. Такого рода симбиозы он именуется «этносоциальными организмами». В отличие от собственно этнических подразделений они имеют единую территорию и обладают не только этнической, но и социально-экономической общностью [24, с. 16–36].

Оппонент Ю. Б. Бромлея Л. Н. Гумилев, считая этнос формой адаптации человеческого вида в биоценозе своего ландшафта, причем не столько в структуре, сколько в поведении [46, с. 3–17], определяет его как естественно сложившийся на основе определенного стереотипа поведения коллектив людей, существующий как структура, противопоставляющая себя другим таким коллективам [45, с. 157].

Э. Геллнер дает предварительную дефиницию нации по двум принципам: культурной общности и добровольности. По первому нация определяется как единая культура, под которой понимается система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения. Согласно принципу добровольности люди принадлежат к одной нации, если признают принадлежность друг друга к этой нации, определяют общие права и обязанности [36, с. 124].

К. Калхун исходит из того, что, «чтобы говорить о признании в качестве нации, явно необходимы социальная солидарность — определенная степень сплоченности между членами предполагаемой нации и коллективной идентичности, признание целого его членами и осо-

знание индивидом себя в качестве части этого целого». Кроме того, «в идеале, чтобы называть население, обладающее социальной солидарностью и коллективной идентичностью нацией», должны присутствовать следующие черты:

границы территории, население или то и другое;

неделимость — представление о целостности нации;

суверенитет или по крайней мере стремление к суверенитету и, таким образом, к формальному равенству с другими нациями, как правило, в виде независимого и предположительно самодостаточного государства;

«восходящее» представление о суверенитете, т. е. идея о том, что правление является справедливым только тогда, когда оно опирается на волю народа или по крайней мере служит интересам «народа» или «нации»;

участие народа в коллективных делах — народная мобилизация на основе принадлежности к нации (в военной или гражданской деятельности);

прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственно частью нации и в этом смысле категориально эквивалентным другим членам;

культура, включая некое сочетание языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаями практик;

глубина во времени — представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей;

общее происхождение или расовые черты;

особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией.

Калхун заключает: «Полного перечня не существует: мы даем лишь общую схему, а не точное определение нации... Тем не менее можно заметить общую закономерность. Национальная идеология... может не обладать одной или несколькими из своих характерных черт или придавать большее или меньшее значение другим. Признание в качестве нации основывается не на строгом определении, а на преобладании этой общей закономерности» [58, с. 9—10].

Обособленная групповая жизнь, совместная адаптация к особым природным условиям ведут к своеобразию материальной и духовной культуры этноса, характерным именно ему стереотипам поведения, традициям трудовой деятельности, специфике классово-социального

и профессионального состава, форм государственности, бытовым и характерологическим отличиям. Важнейшим индикатором единой национальной принадлежности является этническое сознание — представление об общности происхождения и исторических судеб входящих в этнос людей. Для более устойчивого существования этнос имеет тенденцию к созданию своей социально-территориальной организации — прежде всего национально-государственного образования.

Таким образом, поскольку развитие общества происходит в форме национальных или межнациональных сообществ, то их особенности, а главное исторические действия, оказывают существенное влияние на ход, содержание и направленность социальных процессов. Национальные (этнические) образования являются к тому же одним из важнейших источников пространственного многообразия исторического процесса и неравномерности социального развития разных народов. Сама социологическая теория, по мнению Э. Гидденса, пришла на порог постмодернизма в форме «ортодоксального консенсуса», сущность которой состоит в том, что в ее основе лежит стратегия рационального анализа общества, понимаемого как нация-государство.

4.3. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГАРМОНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Стабильность любого общественного образования тесно связана с тем, как решается в нем вопрос распределения различных ресурсов, прежде всего материальных благ и услуг. Иными словами, насколько решена в нем проблема социальной справедливости.

Ориентация на справедливость, представления широких масс о том, какой она должна быть, на протяжении всей истории являлись важнейшим основанием активных социальных действий людей. Автор исследования, посвященного народным движениям XVIII–XIX вв., Дж. Рюде отмечает, что, разумеется, в разных ситуациях массы вели себя по-разному, но общими чертами их поведения всегда оставались «прямое действие» и стремление так или иначе восстановить «элементарную естественную справедливость». Крестьяне, продолжает он, верили, что по справедливости они имеют право владеть землей, городская беднота верила в свое право покупать хлеб по «справедливой цене», определяющейся опытом и обычаями, а рабочие — в свое право на «справедливую заработную плату», не зависящую от произ-

вола предпринимателей. Основные формы «прямого действия» выражали коллективные попытки восстановить «естественную справедливость» там, где, по мнению людей, она нарушалась. Забастовщики чаще всего разрушали машины и дома предпринимателей. Участники голодных бунтов совершали налеты на рынки, хлебные лавки и устанавливали «снизу» контроль над ценами. Бунтовщики в сельской местности сносили изгороди, ломали молотилки, разрушали работные дома и т. п. [99, с. 224].

Со временем стали другими формы выражения протеста, но стремление к справедливости в оценке своего положения и ее восстановлению там, где она, по мнению людей, нарушена, сохранилось. Главным объектом оценивания является, как отмечалось, собственная жизненная ситуация. Оценивание происходит посредством сопоставления своих усилий и усилий других со взаимно полученными результатами. Но адекватность оценки – это скорее исключение, чем правило.

Любое общество, которое стремится избежать сбоев в своем функционировании и развитии, не допустить излишних катаклизмов, должно выработать и реализовать в повседневной жизненной практике принимаемую как минимум большей частью населения концепцию социальной справедливости. Основная трудность на пути достижения согласия по поводу ее содержания состоит в том, что каждый, зная о своем положении в обществе, собственных способностях, достоинствах и недостатках, отдает предпочтение тем принципам справедливости, которые смогут создать для него наиболее благоприятные условия доступа к социальным благам. Так, низы общества в противовес принципу «равенства возможностей» выдвинули идею «равенства результатов», а новая интеллектуальная элита – принцип меритократии, т. е. власти и привилегий группы, вносящей наибольший вклад в благосостояние общества.

В обстановке столь противоречивых интересов и взглядов каждое общество нуждается в «своей концепции справедливости». Ее наличие будет означать, что люди «понимают необходимость достаточного набора принципов социального сотрудничества, определяющего основные правила и обязанности, а также надлежащего распределения благ и тягот общественной жизни» [95, с. 232].

«При отсутствии определенной меры соглашения в том, что есть справедливое и несправедливое, гораздо сложнее людям результативно координировать свои планы для достижения устойчивого

и взаимовыгодного сотрудничества. И поскольку концепция справедливости определяет права и обязанности, а также распределительные отношения в обществе, то ее действенными способами можно решить проблемы продуктивности, координации и устойчивости общества. Из всего этого следует широкий контекст справедливости: предпочтительнее та теория, результаты которой более желательны людям», — писал по этому поводу Дж. Роулс [95, с. 233]. При этом следует учитывать, продолжал он, что «теория социальной справедливости должна восприниматься как концепция, обеспечивающая в первую очередь определенный стандарт для оценки распределительных отношений» [95, с. 235].

С решением вопроса социальной справедливости тесно связана проблема снижения уровня конфликтности и достижения сотрудничества в отношениях больших социальных групп, гармонизации социальной структуры. Вызвана эта проблема тем, что на протяжении большей части человеческой истории решение социальных, национальных, межкультурных и межрелигиозных противоречий определялось в борьбе различных групп-антагонистов. Их постоянные столкновения породили, с одной стороны, абсолютизацию традиции, с другой — точно такое же отношение к новации. Неслучайно история с момента распада первобытного общества пронизана аритмией, резкими колебаниями между крайностями обоего рода, крутыми переходами от консервации прошлого к радикальной ломке старых порядков.

В качестве альтернативного решения разнообразных социальных проблем постепенно начал выработываться путь разговора, понимания, компромисса. Признаком такого пути можно считать социальный диалог и партнерство. В Европе Нового времени компромисс интересов — порождение XX в. Хотя хорошо знаком он был еще древним грекам. Крах Микенского царства с характерным для него единовластием поставил проблему поиска равновесия, согласия между противостоящими социальными силами: прежде всего сельскими общинами и военной аристократией. Поиски ее решения вызвали к жизни первую форму древнегреческой «мудрости». Эта софия, возникшая на заре VII в. до н. э., неразрывно связана с появлением целой плеяды выдающихся личностей, овеянных почти легендарной славой. София имеет в качестве своего предмета не всеобщий мир природы, а мир людей. Круг интересующих ее вопросов следующий: какие элементы составляют этот мир, каковы противоборствующие в нем силы, как

установить между ними гармонию, как объединить их с тем, чтобы состояние конфликта сменилось состоянием порядка.

Порождением новой мудрости стала идеализация «среднего между крайностями», апелляция к среднему классу, который один в состоянии установить в полюсе равновесие между противостоящими друг другу силами: богатым меньшинством, желающим все сохранить, и бедным большинством, стремящимся все приобрести. Такую «срединную» позицию арбитра, посредника, примирителя воплотили в своей политической деятельности Солон и Клисфен. Средством выражения посреднической воли, «средней пропорциональности», которая придавала полису необходимое равновесие, стали законы [33].

Компромиссный путь решения проблемы – отличительная черта Дальневосточного региона, иным является там и отношение к законам. В Японии право по традиции воспринимается не в качестве фактора порядка и символа справедливости, а как орудие, которое использует государство для навязывания своей воли. Человеку в поведении следует руководствоваться не юридическими нормами, а стремлением к гармонии и миру. Согласительные процедуры ценнее правосудия, и конфликты нужно гасить путем посредничества, а не решать правовым путем. В области отношений между частными лицами суды в Японии чаще заняты примирением сторон, а не решением дел по существу. Мировые соглашения предусмотрены уже на досудебной стадии. Наилучший вариант – это не судебное решение, а отказ от иска и полюбовное соглашение [47, с. 458–459].

В ходе эволюции буржуазного общества переход к практике социального компромисса был вызван как объективными обстоятельствами, так и субъективными причинами. В первом случае это выравнивание соотношения основных социальных сил, рост удельного веса среднего класса, сближение уровня жизни различных слоев населения и т. п. В другом – достижение среди абсолютного большинства населения консенсуса относительно наиболее существенных ценностей, определяющих черт общественного устройства, конституирование институтов социального партнерства и др. С утверждением компромисса в качестве основы социальных отношений достигли современных форм гражданское общество и правовое государство. В наши дни компромиссные договоренности все чаще становятся реальностью в межгосударственных и межнациональных контактах.

Практика социального партнерства, его место в функционировании и развитии общества нашли осмысление в социологической тео-

рии. Первым, кто сделал объектом исследовательского внимания те конфликты, которые укрепляют прочность и интеграцию системы, стимулируют ее упорядоченные изменения, стал Г. Зиммель. Его идеи послужили источником современного конфликтного функционализма, представленного, в частности, Л. Козером.

Козер исходил из положения, что многие социальные процессы (например, насилие, разногласия, отклонения, конфликты), которые принято считать разрушающими систему, при определенных условиях могут укреплять ее интеграцию, повышать приспособляемость к окружающим условиям. Его исследовательские усилия и направлены на выделение тех причинных связей, которые отвечают за интеграцию, адаптивные способности системы. С этой точки зрения он анализирует причины конфликтов, их остроту, длительность, последствия. К числу факторов, повышающих конструктивный потенциал конфликта, Козер относит: возможность открыто выражать недовольство в пределах существующей системы; высокий уровень социальной мобильности; равномерное распределение власти между противоборствующими группами; признание каждой из них наиболее существенных ценностей системы и выведение их из зоны конфликта; наличие институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность; реализм и готовность к компромиссу со стороны всех конфликтующих сторон (особенно их лидеров); четкость представлений о цене «полной победы».

Итак, становление и сохранение социального порядка тесно связаны с процессами социализации индивидов, формированием социальных институтов и гармонизацией межклассовых и межгрупповых отношений, реализацией принципа социальной справедливости.

Социализация – это процесс интериоризации (внутреннего усвоения) людьми социальных ценностей и норм. Основными механизмами социализации являются подражание, идентификация, стыд и вина.

На предупреждение и преодоление девиантного поведения направлена система социального контроля, которая включает надзор за поведением и санкции за нарушение социальных норм.

Наиболее известными концепциями, объясняющими характер, механизмы, возрастные и половые особенности, наконец, выделяющими основные этапы социализации, являются теория психосоциального развития Э. Эриксона, теории нравственного развития Л. Кольберга и К. Гиллиган.

Социальные институты – это совокупность ролей и статусов, которые обеспечивают организованные усилия людей по удовлетворению потребностей общества, необходимых для его целостности, стабильности и гармоничного развития. Социальная структура – совокупность больших социальных групп и общностей людей, расположенных в системе социального неравенства (стратификации), а также характер взаимоотношений между ними, который определяется уровнем сотрудничества или конфликтности.

Большая социальная группа – это количественно не ограниченная общность людей, выделяемая на основе демографических, социально-экономических, политических, профессиональных, образовательных, этнических, культурных, религиозных и других признаков. Большой социальной группой, играющей доминирующую роль в функционировании и развитии общества, являются классы. Индикаторы классовой принадлежности – профессия, образование, доход, властные полномочия, социальный престиж и другие признаки, но системообразующий характер присущ имущественным отношениям, владению собственностью и капиталом.

Особую роль в обеспечении стабильности любого общественного образования играет то, насколько решена в нем проблема социальной справедливости. В обстановке противоречивости, часто конфликтности групповых интересов чрезвычайно важно, во-первых, выработать и реализовать в повседневной жизни концепцию социальной справедливости, принимаемую как минимум большей частью населения; во-вторых, совершить переход от реализации интересов на основе непримиримой классовой борьбы к практике социального диалога и партнерства.

Глава 5. СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Главными субъектами (в другой терминологии – акторами или агентами) социальных процессов являются, во-первых, конкретные индивиды с характерными для них мотивами, интересами и способами действия, особенно значимыми для процессов социального развития в обстановке кризиса и перемен; во-вторых, разного рода массовидные общности и группы людей, в первую очередь социальные движения; в-третьих, социально активные, творческие (креативные) организации и группы, включая бюрократию, которые способны найти пути решения актуальных социальных проблем, организовать и направить в соответствии с ними действия больших социальных групп.

5.1. ОСОБЕННОСТИ МАССОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Характер поведения людей в условиях социальной неопределенности, когда прежние способы жизни утратили свою эффективность, а новые еще не институционализировались или многим пока недоступны, впервые достаточно адекватно был отражен в понятии «аномия», введенном Э. Дюркгеймом. Важнейший отличительный признак аномии – расхождение между предложенными людям мотивами поведения и возможностью их реализации институционально установленными (законными) способами. Последствия этого двояки. С одной стороны, негативное или амбивалентное отношение к социальным нормам и закону, массовые действия вопреки или в обход их, с другой – осознание невозможности удовлетворения не только возросших, но и привычных запросов, негативное отношение к переменам, разочарование и отвращение к жизни, приводящее, в частности,

к росту числа аномических, как их называл Дюркгейм, самоубийств. Этот тип самоубийств он отметил отдельно, отличая его от эгоистического самоубийства, к которому люди склонны в состоянии апатии, при отсутствии привязанности к жизни, и альтруистического самоубийства, вызванного чрезмерной энергией человека и его страстным служением социальным императивам.

Влияние на сознание, настроение и поведение широких слоев населения социальных перемен, ускорения темпа повседневной жизни, роста новизны и разнообразия окружающего мира, усиления неопределенности и непредсказуемости происходящих событий спустя примерно столетие после Э. Дюркгейма исследовал А. Тоффлер. Тоффлер — автор теории футурошока, т. е. психического шока, возникающего у людей под воздействием надвигающегося постиндустриального будущего. По его наблюдениям, в этой обстановке резко ослабевает способность человека разумно оценивать складывающуюся ситуацию и принимать рациональные решения. Зато получают широкое распространение различные формы социальной иррациональности: увлечение мистицизмом, оккультными науками, астрологией, духовный нигилизм и вандализм, интерес к галлюциногенным наркотикам, тоска по прошлому, кризис доверия к научному знанию и т. п.

Реакцией на замешательство и дезорганизацию, утрату способности к адекватному восприятию реальности является массовая усталость, апатия, напряжение, возбуждение, чрезмерная раздражительность, т. е. весь спектр негативных эмоциональных состояний. В качестве типичных образцов поведения в обстановке избытка перемен Тоффлер выделил открытое отрицание, блокирование нежелательной реальности, специализм, т. е. избирательное, частичное принятие новых идей, возврат к привычным, прежде успешным способам действия и ценностям (атавизм). Сюда же он отнес суперупрощение объяснительных схем нововведений и приемов адаптации к ним, когда, например, во всех общественных неурядицах обвиняют определенную группу лиц, а отношение к ней выражают жестокостью, переходящей в массовый террор [113, с. 291–294].

Исследования поведения в обстановке перемен показывают, что в значительной мере оно аналогично действиям людей в ответ на социальную фрустрацию, когда стремление к реализации мотивов встречает серьезные препятствия. Принято выделять положительные и отрицательные реакции на фрустрацию, а среди отрицательных — агрессивные и неагрессивные действия [93, с. 93–100].

К позитивным формам поведения в условиях фрустрации относят преодоление препятствия, когда человек, несмотря ни на что, настойчиво решает свои проблемы; его, условно говоря, обход, предполагающий использование новых средств достижения цели; компенсирующее действие взамен неудавшегося; отказ от первоначально намеченной цели, когда очевидно, что ее реализация невозможна или крайне затруднительна. Так, нуждаясь в деньгах для открытия своего дела, мы можем взять кредит в банке, убедив его правление в перспективности нашего проекта; при неудаче дать взятку и все-таки добиться своего; собрать деньги, взяв их взаймы; наконец, просто отказаться от замысла, убедившись в том, что реализовать его невозможно или чрезвычайно затруднительно.

Отрицательные реакции на фрустрацию подразделяются на агрессивные и неагрессивные. Первые включают собственно агрессивное поведение (инструментальную агрессию), которое в отдельных случаях вполне уместно для достижения поставленных целей, и два вида смещенной агрессии: экстрапунитивные и интрапунитивные реакции. Экстрапунитивные реакции выражаются в действиях, направленных на предметы или посторонних лиц, по отношению к которым ведут себя так, будто они и есть причина фрустрации. Эти реакции сопровождаются эмоциями гнева, негодования, раздражения и др. Интрапунитивные реакции обусловлены признанием субъектом самого себя в качестве причины фрустрации. В этом случае агрессия сочетается с эмоциями стыда, вины, угрызениями совести.

Неагрессивное поведение в ситуации фрустрации выражается в виде бегства, фиксации (стереотипизации), регрессии, иллюзорного фантазирования, отхода от активной деятельности. Бегство относится к конкретным жизненным ситуациям и является реальным или фигуральным, т. е. происходящим в форме психического действия. Чаще всего оно сопровождается словесным оправданием или самооправданием. Фиксация (стереотипизация) представляет собой ряд попыток достижения однажды поставленной цели каждый раз, когда открывается хоть какая-то возможность для этого. Приобретая форму слепого повторения привычного поведения, эти попытки не считаются с прошлым опытом и личными способностями. Регрессия — это возврат к прежним способам действия в аналогичных ситуациях. Выразиться он может по-разному. В обращении к поведенческим моделям, доминировавшим в более ранние периоды жизни индиви-

да; примитивизации поведения, сопровождающейся снижением его конструктивности; падении качества исполнения [100, с. 38].

Иллюзорное фантазирование проявляется в отвлекающих грезах, галлюцинировании о желаемом будущем и его фантастическом осуществлении при фактическом бездействии. Наконец, отход от активной деятельности, пассивность возникают на основе апатии, безразличия к происходящему. Человек начинает жить на грани выживания и вполне довольствуется этим. Даже иллюзии ему не нужны. В конечном счете все большее число людей рациональному, осмысленному поведению предпочитает простое отреагирование на происходящие события, так или иначе их затрагивающие. Этот тип невротического поведения давно стал объектом внимания психоаналитиков [100].

В социальной атмосфере, сопровождающей перемены и отличающейся особой фрустрированностью жизненных возможностей, вполне закономерен поворот многих людей к социальной стабильности, а точнее, к достаточно однозначным, дающим гарантированный, хотя и не самый эффективный результат, формам деятельности. Этот поворот означает не отказ от новых деятельностных возможностей, а реакцию на их недоступность для большинства. В этой реакции также выражен ответ на радикальность жизненных перемен, не позволяющую своевременно адаптироваться к ним. Негативное отношение людей сначала к устаревшим формам жизни, а спустя весьма ограниченный промежуток времени подобная же реакция многих на социальные новации — характерная черта всех революционных преобразований.

Поэтому от лидеров, начавших преобразования, требуется не только институционализация таких жизненных форм, которые позволят широким слоям реализовать свои интересы, но и сокращение до минимума периода переструктурирования социальной организации. Если они в этом не преуспеют, то соответствующие меры осуществят те, кто придет на их место и как раз под лозунгом восстановления порядка и стабильности.

5.2. КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Состояние социальной неопределенности характеризуется не только аномией, фрустрацией, требованиями порядка и т. п. Кроме того положительного момента, который состоит в становлении более про-

грессивных жизненных форм, другим позитивным явлением становится активизация спонтанного группирования людей, принимающего при наличии ряда сопутствующих условий форму организованной групповой деятельности.

Г. Блумер выделил в качестве элементарных форм (они же стадии развития) спонтанного коллективного поведения толчею, коллективное возбуждение и социальную инфекцию.

Толчея характеризуется тем, что люди бесцельно и беспорядочно кружатся друг возле друга, подобно, приводит сравнение Блумер, овцам в состоянии возбуждения. Их внимание все более фокусируется друг на друге и все меньше — на объектах и событиях, которые привлекли бы его в обычных условиях. Оказавшись занятыми исключительно друг другом, они склонны откликаться один на другого быстро, непосредственно и бессознательно. В подобном состоянии взаимной поглощенности люди гораздо более расположены действовать сообща, под влиянием общего настроения или побуждения, чем порознь.

Коллективное возбуждение — наиболее интенсивная форма толчеи. Его специфическими признаками являются, во-первых, особая сила, с которой возбужденное поведение захватывает, приковывает и подчиняет себе внимание людей, теряющих нормальный самоконтроль; во-вторых, их чрезмерная эмоциональная восприимчивость, подверженность влиянию извне и безответственность.

Социальная инфекция возникает на основе интенсивного коллективного возбуждения и означает сравнительно быстрое и бессознательное распространение определенных настроений, побуждений или форм поведения. Ее примеры — распространение военной истерии, увлечений, маний и т. п. В социальной инфекции особенно ярко выражено углубление контакта и бездумной отзывчивости индивидов по отношению друг к другу. Она привлекает и заражает тех, кто вначале был безучастным зрителем [19, с. 171–174].

Рассмотренные элементарные формы коллективного поведения отчетливо проявляются в обстановке социального беспокойства. Г. Блумер описывает его возникновение следующим образом. Когда у людей есть желания, которые не могут быть удовлетворены наличными формами существования, они оказываются в состоянии беспокойства. Они ощущают побуждение к действию, но одновременно и препятствие, мешающее его исполнению. В результате они испытывают дискомфорт, фрустрацию, неуверенность, как правило, отчуждение или одиночество. Это внутреннее напряжение обычно выражается

в беспорядочной и некоординированной деятельности. Внешне эта деятельность имеет лихорадочный характер, лишена последовательности. Внутренне она принимает форму расстроенного воображения и беспорядочных эмоций. В наиболее острых формах она характерна для невротического поведения. Однако присутствие чувства беспокойства среди множества индивидов не обязательно означает наличие состояния социального беспокойства. Лишь когда чувство беспокойства вовлекается в круговую реакцию по типу толчеи или становится инфекционным, налицо социальное беспокойство.

Иначе говоря, по мере того как люди взаимодействуют друг с другом, возникает взаимное подкрепление беспокойства. В итоге социальное беспокойство обычно возникает там, где образуется повышенная взаимная чувствительность, существуют интенсивные межличностные контакты, а также там, где люди вместе переносят разрушение заведенного уклада жизни. Основными чертами социального беспокойства являются, во-первых, беспорядочный характер поведения из-за отсутствия четко понимаемых целей. Во-вторых, возбужденные чувства тревоги, страха, неуверенности, повышенная агрессия, что способствует распространению слухов и преувеличений. В-третьих, раздражительность и повышенная внушаемость тех, кто недостаточно устойчив в настроениях и образе действий и легко откликается на новые стимулы и идеи [19, с. 171–173].

Основа образования групповых социальных субъектов – типичность мотивов и сходство интересов большого числа людей. Общностно-групповая форма существования социального субъекта представлена разного рода общностями и группами людей, т. е. реально существующими, эмпирически фиксируемыми совокупностями индивидов, с характерными для них пространственно-временными масштабами, достаточным сходством интересов и способов действия. Принято выделять два основных типа социальных общностей: массовые и групповые.

Массовые общности образуются на основе близости интересов и в рамках вполне конкретной, близкой по форме деятельности. К ним, например, можно отнести различные виды стихийного массового поведения, аудитории средств массовой информации, в условиях развития современного информационного общества – социальные сети и сообщества. Массовое сознание, являясь совокупностью индивидуальных сознаний, весьма аморфно. Этим общностям не присуща строгая количественная и качественная определенность, заметная структурная определенность.

Отличительными особенностями групповых общностей являются достаточно устойчивое положение в социальной структуре, четкий механизм воспроизводства, надындивидуальный характер, нетождественность групповых интересов простой их сумме, способность осуществлять разнообразные виды совместной групповой деятельности.

Начало формированию на основе групповых общностей активных субъектов социальных действий кладет неудовлетворенность их представителей своим текущим положением. Связана она с невозможностью реализовать их мотивы и интересы в рамках узаконенных социальных норм, действующего законодательства. Эта неудовлетворенность, которая выражена в форме абсолютной или относительной депривации (в терминологии К. Маркса применительно к исследуемому им историческому периоду абсолютного и относительного обнищания), ведет к широкому распространению социального беспокойства. Последнее проявляется в повседневных разговорах, сходстве эмоциональных переживаний, дискуссиях в неформальной и формальной обстановке, совместном поиске причин создавшегося положения и путей выхода из него. В результате такой спонтанной коммуникации возникают первые представления об общности положения и сходстве жизненных проблем, необходимости совместных действий по их решению.

Первичная форма групповой общности – общественность. Она, по определению Г. Блумера, представляет собой группу людей, которые сталкиваются с какой-либо проблемой, разделяются во мнениях относительно способа ее решения и вступают в дискуссию, посвященную этой проблеме. Общественность, таким образом, возникает не в результате сознательного замысла, а как естественный отклик на определенную ситуацию, и ее существование связано с наличием определенной проблемы, лежащей в основе этой ситуации. Другие характерные черты общественности: отсутствие стандартных, нормативно установленных способов решения имеющейся проблемной ситуации; отсутствие достаточно выраженных организационных форм, статусных ролей, осознания своей идентичности (т. е. самосознания); аморфность состава, который меняется вместе с проблемой; взаимодействие на основе истолкования, дискуссии, спора, обостряющих способность к критическим суждениям; предпочтение, отдаваемое в ходе обсуждения рациональному анализу фактов. Обычно общественность состоит из групп, склоняющихся к различным вариантам решения. В ходе их противоборства вырабатывается общественное мнение, которое складывается из нескольких мнений, имеющих ме-

сто в общественности, как их своего рода центральная тенденция. Наличие в структуре общественности заинтересованных групп и корпуса схожих со зрителями индивидов, борьба за их голоса приводят к тому, что дискуссия, основанная на фактах и разумной аргументации, часто уступает место манипулированию мнением людей.

5.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Переход к организованным формам группового поведения связан с возникновением и развитием социальных движений. Говоря об их истоках, Г. Блумер пишет: «Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования». По смыслу их существования «социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни» [19, с. 195].

Организованные формы группового поведения представлены общими и специфическими социальными движениями. Основу общих социальных движений составляет нацеленность на последовательное и всеобъемлющее изменение человеческих ценностей (движения за мир и сохранение природы, женские и молодежные движения и т. п.). Они символизируют общие сдвиги в мышлении людей и особенно в их представлениях о самих себе, своих правах и привилегиях. В основе этих сдвигов лежат новые мотивы и надежды. Противоречие между новыми мотивами и реальными возможностями порождает беспокойство. Но связанные с этим беспокойством взгляды, а тем более поведение поначалу являются неопределенными. В итоге общие социальные движения приобретают форму нащупывания и некоординированных попыток. У них есть только какое-то общее направление, в котором они продвигаются медленно, спотыкаясь, но настойчиво. Их цель имеет общий, расплывчатый характер (всеобщее счастье, эмансипация женщин и т. п.).

Движение осуществляется множеством людей, которые борются в различных сферах. Появляется соответствующая литература, которая также разнообразна и неопределенна, как и само движение. Эта литература – выражение протеста с неким общим описанием какого-либо утопического существования. В таком виде она неясно набра-

сывает очертания философии, несущей новые ценности. Но при всем этом она возбуждает недовольство, пробуждает надежды и внушает какие-то новые идеи. Лидеры данных движений — это «вопиющие в пустыне» без прочной группы последователей и ясного отчета в собственных действиях и целях. Важен их пример, который повышает восприимчивость и пробуждает надежды людей. Развиваются общие социальные движения главным образом неформально, неприметно, в значительной степени неофициально. Посредством чтения, бесед, разговоров, дискуссий и следования примерам. Являясь, особенно на ранней стадии, неким конгломератом индивидуальных линий поведения, они в значительной степени подчинены механизмам массового поведения.

Общие социальные движения — фундамент, на котором развиваются специфические социальные движения. Их главным отличием является наличие четко определенной цели. Постепенно выделяются лидеры, выполняющие идеологическую и организационную функции. Большое значение в процессе групповой самоидентификации имеет выработка общего сознания, или идеологии, содержащей обоснование групповых притязаний, программные цели, набор средств их достижения, представлений о новом социальном устройстве, отвечающем интересам данного класса или группы. Движения имеют достаточно четкий членский состав, определенное разделение труда со статусными позициями отдельных индивидов, наработанные механизмы мобилизации в свои ряды новых членов.

Г. Блумер выделяет пять механизмов развития специфических социальных движений: агитацию, развитие корпоративного духа, развитие морали, формирование идеологии и развитие рабочей тактики.

Агитация особенно важна на ранних стадиях. Она возбуждает людей и тем самым делает из них возможных сторонников движения. Будучи направлена прежде всего на то, чтобы отвернуть людей от прежних желаний и привычных способов действия, она старается всячески дискредитировать их. Чтобы добиться успеха, агитация должна завоевать внимание людей, пробудить некие желания и эмоции, дать им какое-то направление посредством идей, внушений, критики, обещаний. Различают две тактики ведения агитационной деятельности.

В ситуации злоупотреблений, дискриминации, несправедливости, которую люди воспринимают как некую заданность и не ставят под вопрос, задача агитатора — заставить их задуматься над своим положением. Он должен быть холоден, спокоен, величественен. Волно-

вать людей не тем, что делает, а тем, что говорит. Может быть скупым на слова, но говорить едкие, острые, язвительные вещи, заставляя задуматься, взглянуть на свою жизнь по-новому. Другая ситуация характеризуется тем, что люди охвачены беспокойством или недовольством, но не знают, что делать, или слишком робки, чтобы действовать. Задача агитатора – высвободить, усилить и целенаправить то напряжение, которое уже есть у людей. Для этого нужен возбужденный, беспокойный, агрессивный человек, который склонен действовать, прибегая к драматическим жестам и театральным эффектам. Его динамичное, энергичное поведение способно привлечь внимание людей, передать им его беспокойство, усилить их возбуждение.

Развитие корпоративного духа означает развитие чувства сопричастности движению и солидарности у участвующих в нем. Его основу составляют межличностные контакты. Развивая чувство близости, контакт заставляет людей почувствовать, что они разделяют какое-то общее переживание и образуют избранную группу. Создается обстановка взаимной симпатии и отзывчивости, возникает ощущение коллективной поддержки. Люди привязываются к движению. Корпоративный дух развивается главным образом тремя путями: развитием внутригруппового-внегруппового отношения, формированием неформальной товарищеской ассоциации, участием в неформальном церемониальном поведении.

Внутригрупповое-внегрупповое отношение имеет место тогда, когда своя группа представляется носителем высших ценностей и добродетелей, а другая группа – подвергающей эти ценности злонамеренным и беспринципным нападениям. Члены группы перед лицом внешней угрозы чувствуют свою правоту и ответственность за защиту общих ценностей. Поэтому наличие общего врага особенно важно для сплочения группы. Кроме того, враг играет роль «козла отпущения». Однажды созданный образ врага действует очень долго, помогая сплочению группы.

Неформальное товарищество развивается посредством неформальных контактов, во время которых люди не только максимально быстро и тесно сближаются друг с другом, но и бессознательно перенимают один у другого установки, ценности, жизненную философию, даже жесты друг друга. Самые простые формы товарищеской ассоциации общеизвестны. Это коллективное пение, пляски, пикники, неформальная дружеская беседа, шутки, чае- и винопития и т. п.

Назначение церемониального поведения состоит в создании психологии парада, позволяющей каждому участнику испытать чувство широкой поддержки, которое ведет к росту его самооценки, дает движению энтузиазм и энергию масс. Основные формы церемониального поведения: массовые митинги, собрания, парады, демонстрации, юбилейные церемонии. Обязательно наличие специальной атрибутики, которая состоит из набора эмоциональных символов. Это песни, марши, гимны, лозунги, здравицы, стихи, выразительные жесты, значки, флаги, униформа и т. п.

Но одного энтузиазма для сохранения преданности движению при столкновении с серьезными трудностями недостаточно. Развитие морали — это то, что должно придать ему постоянство и определенность. Мораль движения основывается и возвращается на трех типах убеждения: убеждении в правильности и праведности цели, придающем уверенность в себе; убеждении в конечном достижении поставленной цели, подкрепляемом ссылками на божественный промысел, объективные законы истории и т. п.; убеждении в том, что на движение возложена некая священная миссия. Существует три способа построения морали движения. Во-первых, это создание культа главного святого и ряда менее важных святых, выбранных среди лидеров движения, которые обожествляются и наделяются чудесной силой. Вслед за святыми движения идут герои и мученики. Во-вторых, создание вероучения и священного писания, включая их светские варианты. В-третьих, разработка мифов о принадлежности к избранной группе или народу, о бесчеловечности оппонентов, об истории движения, будущем царстве всеобщего счастья и т. п. Эти мифы создаются как отклики на желания и надежды участников движения.

Развитие групповой идеологии включает пять основных направлений. Первое направление — это формулировка назначения, цели и предпосылок движения. Второе направление — подготовка свода суждений, содержащих критику существующей системы и приговор этой системе. Третье — создание оборонительного учения, которое служит в качестве оправдания движения и его целей. Четвертое — разработка свода убеждений, касающихся политики, тактики и практической деятельности. Пятое направление — мифы движения. Идеология излагается на двух языках. Во-первых, на научном и наукообразном, но имеющем вид абстрактного и логически аргументированного. Во-вторых, на популярном — в виде эмоциональных символов, примеров, стереотипов, наглядных образов и простонародных аргумен-

тов, которые выражают страдания, желания и надежды людей и максимально понятны им.

Тактика движения развивается по трем направлениям. Это завоевание приверженцев, их удержание и определение способов достижения целей движения. Обязательным условием ее эффективности является соотнесение тактических действий с особенностями социальной ситуации, в которой развивается и функционирует движение [19, с. 195–206].

Иницирующим движению фактором чаще всего выступает незначительное событие. Конечно, оно повод, а не причина. Но, провоцируя открытое выражение протеста, такое событие становится переломным моментом в развитии движения. Оно поднимает уровень самосознания его участников, создает прецедент героического противодействия, раскрывает человеческий потенциал движения, выявляет его возможных союзников, наконец, служит проверкой решительности властей.

Структурно состав социального движения подобен луковице. Его ядро образуют участвующие в движении по убеждению. За ними следует слой сочувствующих. Далее те, кто просто ищет смысл в жизни. Наконец, карьеристы, примкнувшие к движению в надежде на выгоды, которые, как они предполагают, последуют за победой. При поражении верхний слой луковицы отпадает первым, а за ним и все последующие. Часто остается только ядро, убежденное в правоте и целях движения. Иногда ему удается возродить движение после его первоначального поражения.

Традиционная классификация движений на реформистские и революционные во второй половине XX в. стала дополняться их делением на «старые социальные движения» и «новые социальные движения».

Реформистские и революционные движения различаются прежде всего масштабами целей (изменить одну из сторон общественной жизни или общество в целом), стратегией действий (мирная – в рамках закона или насильственная – вопреки закону), социальной базой (средние или низшие социальные группы).

«Старые социальные движения» представлены прежде всего рабочими, профессиональными, крестьянскими и фермерскими движениями. Они формируются на базе отдельных классов и социальных групп, имеют достаточно жесткую организационную структуру и ориентированы на реализацию политических и экономических инте-

ресов. «Старые социальные движения» доминировали во второй половине XIX – первой половине XX в.

«Новые социальные движения» представлены экологическими и феминистскими движениями, движениями за мир и права человека, за решение культурных проблем и т. п. Им не свойственна жесткая организационная структура. Среди их участников преобладают представители среднего класса, в целом люди, отличающиеся более высоким уровнем образования. Активная деятельность «новых социальных движений» началась во второй половине XX и продолжилась в XXI в.

Интересное объяснение коллективного поведения предложил Н. Смелзер, выделив шесть элементов (условий) становления социальных движений:

благоприятные структурные факторы, стимулирующие создание движения;

структурную напряженность как следствие групповых противоречий и социальных конфликтов;

распространение обобщенного верования, включающего определенный образ действия;

активизирующие факторы, включая события (инциденты), служащие поводом начала активных действий;

мобилизацию к действиям, предполагающую наличие лидера, организованной группы и разного рода ресурсов;

социальный контроль, означающий действия властей, способствующие или препятствующие развитию социального движения.

Акцентируя внимание на том, что каждый из данных элементов вносит свой вклад в общее развитие движения и служит основой для действия следующего элемента, Смелзер назвал свой объяснительный подход теорией прирастающей ценности [102, с. 591–594].

Как известно, определенные социальные преобразования могут происходить по инициативе как властной элиты, так и широких слоев населения. Но активность последних становится действенной в том случае, если она приобретает форму социальных движений. Последние на протяжении всей истории оказывали довольно существенное влияние на ее ход. Даже в тех случаях, когда терпели поражения, они зачастую все-таки заставляли правящие круги вносить коррективы в свою политику, чтобы не столкнуться с коллективным протестом «снизу» еще раз и по тому же самому поводу. Более того, попытки реформирования общества, предпринимаемые «сверху», были малоэффективными, а то и вовсе безрезультативными без инициирования широкой поддержки масс.

5.4. ЭЛИТЫ, ПАРТИИ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Говоря об организационно-творческой форме существования социального субъекта, мы имеем в виду организации и отдельных личностей (творческие элиты, политические партии, интеллигенцию, специалисты-эксперты и т. п.), которые занимаются поиском решения различных социальных проблем, являются инициаторами новаций в различных сферах жизни, вырабатывают стратегию действий и направляют усилия стоящих за ними социальных групп на ее реализацию.

Так, разъясняя действие закона Ответа-и-Вызова, А. Дж. Тойнби отмечал, что адекватный «ответ» на «вызов» исторической ситуации, т. е. акты социального творчества, — это прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческих групп. «Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь» [111, с. 260]. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису — подражанию.

Творческому акту предшествует своего рода «уход» творческой личности или группы из повседневной жизни. Стадия относительной изоляции и творчества распадается на две фазы, одну из которых Тойнби назвал начальной, другую — конструктивной. Первая фаза — это время поэзии, романтики, эмоциональных взрывов, интеллектуальных находок, вторая фаза — время здравомыслия и систематики. Возвращение творческого меньшинства в обычную жизнь общества, от которой был совершен уход ради акта творения, ведет его к конфликту с большинством, которое оказывается перед выбором: принять творческое решение общей проблемы или довольствоваться беспомощным ожиданием последствий нерешенных проблем [111, с. 283–284].

Обычно одно и то же меньшинство и индивидуумы, отмечает Тойнби, не в состоянии дать творческий ответ на два и более последовательных вызова. Одна из причин этого — самоуспокоенность, другая — утрата душевного и умственного равновесия вследствие опьянения первым успехом. Отличительная особенность творческого меньшинства в развивающемся обществе — его постоянное обновление не только по составу, но также в идейных, духовных устремлениях. Рекрутирование творческого меньшинства из разных слоев объясняется двумя причинами: положительной и отрицательной. Первая за-

ключается в том, что в последовательной череде вызовов и ответов каждый вызов является для общества новым. Решение новой проблемы требует задействования скрытых, невостребованных до сих пор талантов. Вторая причина выражается в том, что меньшинство, однажды победоносно отразившее вызов, воздерживается от повторения своих борений и подвигов, всячески сопротивляется тому, что в какой-то степени означает отход от проверенного пути, имеет склонность становиться замкнутой группой, идеи и идеалы которой приобретают ригидность неизменных [111, с. 340–341].

Концепцию Тойнби принято считать разновидностью теории элит. В социологии возникновение этой теории связано прежде всего с именем В. Парето.

Согласно Парето, все известные общества разделены на массу управляемых индивидов и властвующую элиту. У Парето есть два определения элиты: широкое, охватывающее всю общественную элиту, и узкое, прилагаемое к правящей элите. По широкому определению в элиту входят все те индивиды, которые достигли максимальных успехов в своей сфере деятельности. Тот небольшой круг людей, который прямо или косвенно играет заметную роль в правительстве, Парето относит к правящей элите. Элиты формируются, борются за власть и влияние, достигают власти, пользуются ею и приходят в упадок, чтобы быть замененными другими. Общества различаются природой своих элит, в особенности правящих. Так, одни элиты управляют хитростью, убеждая большинство, будто их интересы, долг, честь требуют послушания меньшинству. Другая разновидность элит правит, прибегая к насилию.

Главная причина гибели элит состоит в том, что в ее среде невозможно длительное соответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Одно из действенных средств поддержания жизнеспособности правящей элиты – абсорбация (поглощение) наиболее одаренных индивидов из числа тех, кто по происхождению не принадлежит к привилегированным группам. Если этого не делается, происходит революция, в процессе которой состав элиты обновляется насильственно [7, с. 458]. История, согласно знаменитой формуле В. Парето, – это «кладбище аристократии».

Существует целый ряд разновидностей теории элит. Не менее богата и критическая волна в их адрес. Основные обвинения: абсолю-

тизация отношений социального неравенства, господства и подчинения, отказ от идеи народного суверенитета и демократических принципов государственного устройства.

Следующая разновидность социально активных организаций представлена партиями как политическими организациями различных классов и групп. В функции партий входит выражение интересов и формулирование требований стоящих за ними общностей, определение социально-политической стратегии и тактики действий, организация масс на коллективную защиту своих прав, руководство ими в классовой борьбе. С приходом к власти партии начинают реализовывать заявленную ими программу социально-экономических и политических преобразований.

В гражданском обществе партии играют роль посредников между его членами и государственной властью. Своевременная, благодаря их деятельности, легализация групповых интересов и их вовлечение в сферу политики позволяют перенести борьбу классов в установленные законом правовые процедуры, избежать бескомпромиссности, разрушительных последствий столкновения различных социальных сил, совместить интересы отдельных субъектов между собой и по отношению к обществу как целому.

Современными особенностями классических партийных систем являются, с одной стороны, превращение в институт мобилизации голосов избирателей за своего кандидата на выборах в органы власти; с другой – трансформация их в элитарные организации, управляемые олигархиями высших партийных чиновников и бюрократические по характеру деятельности при формальном соблюдении демократических процедур (обсуждение партийных программ и других документов, выборы руководителей, кандидатов на выборах и т. п.).

В этой ситуации возрастает позитивная роль социальных движений и независимых кандидатов, не связанных своим выдвижением с селективной работой партийной бюрократии, а потому способных непосредственно выражать интересы стоящих за ними заинтересованных групп. Это повышает значение непосредственной демократии. Многие исследователи динамики политических процессов отмечают определенное перемещение центра власти от больших организаций и их аппарата в небольшие группы активистов – первоначально не-

формальных организаторов социально-политической мобилизации населения. Этому способствуют современные информационно-коммуникативные технологии, возникшие с развитием интернета и приведшие к созданию развитой системы социальных сетей и интернет-сообществ.

Особого внимания в контексте проблемы социальных субъектов заслуживает вопрос о роли интеллигенции (интеллектуалов) — группы, занятой разными видами интеллектуальной (умственной) деятельности и обладающей специальными знаниями в сфере образования, науки, техники и культуры.

Интеллектуалы всегда играли заметную роль в управлении социальными процессами. Не надо думать, писал, в частности, М. Блок о феодализме, будто это общество даже в самые мрачные времена сознательно противилось всякой интеллектуальной пище. Для тех, кто повелевал людьми, считалось полезным иметь доступ к сокровищнице мыслей и воспоминаний. Выразителями мыслей государей были духовные лица. Люди эти по воспитанию принадлежали к обществу, по своей природе универалистскому и основанному на духовном начале. Поэтому, подсказывая сильным мира решения и выражая их, они не могли не напоминать властителям, поглощенным суетой мелких конфликтов, о более широких горизонтах [18, с. 142—143].

Становление интеллигенции как самостоятельной социальной силы, которая вырабатывает новые цели и знания, берет на себя роль носителя критического разума, исторического и нравственного самосознания, в новейшей истории восходит к итальянским гуманистам XIV—XV вв. [9].

Практика социальных преобразований свидетельствует о трех основных сценариях включения людей интеллектуального труда в процессы социально-экономической модернизации. Первый сценарий состоит в активизации усилий в традиционных для них видах деятельности, в особой степени — в борьбе за сохранение накопленных веками духовных и культурных ценностей в противовес распространению прагматических и утилитаристских установок. Второй сценарий заключается во включении людей интеллектуального труда в частное предпринимательство. Третий сценарий связан с приходом представителей данной социальной группы в сферу политической жизни и государственной деятельности.

5.5. БЮРОКРАТИЯ

Слой лиц, занимающих в государстве определенные должности и выполняющих соответствующие этим должностям функции (обязанности), образовался с возникновением самого государства. Именования этого слоя разные, например чиновники, государственные служащие, в императорском Китае – мандарины (от португальск. *mandarin* – министр, чиновник, от санскр. мантрин – советник).

Появление термина «бюрократия», которое относится к лицам, участвующим в государственном управлении, связано с именем французского экономиста Винсента де Гурнэ, который впервые использовал его в 1745 г. По определению бюрократия (от фр. *bureau* – бюро, канцелярия и греч. *κράτος* – господство, власть) – это наиболее распространенная форма осуществления властных функций в современном обществе. В Западной Европе бюрократическая форма организации стала доминирующей в период промышленной революции (XVIII–XIX вв.).

М. Вебер считал бюрократию наиболее рациональной формой организации и управления, так как ее деятельность осуществляется на основе обезличенных правил, противостоящих личному властному произволу. Он выделил в качестве основных следующие ее характеристики:

бюрократическая юрисдикция четко зафиксирована нормативным образом;

иерархическая организация бюрократической структуры основана на базе твердо установленных принципов должностной субординации;

формальная организационная деятельность осуществляется в форме письменных документов, подлежащих последующему хранению;

должностные лица должны быть хорошими специалистами в сфере администрирования, компетентными в области норм, правил и процедур бюрократической организации управления.

Бюрократия предполагает четкое определение функций и места каждого работника в иерархии власти на основе строго установленных правил. Правила во многом напоминают приказы, но они более формальны и обезличены. Главное их достоинство состоит в том, что они четко объясняют требования администрации к работникам, допуская при этом определенную свободу их действий ради достижения поставленной цели, позволяют осуществлять контроль за действиями подчиненных и давать объективную оценку результатов их деятель-

ности, не допускают наказаний, мотивированных личными чувствами руководителя.

Социально опасной бюрократия становится тогда, когда, во-первых, в структурах управления форма (процедура) начинает главенствовать над содержанием деятельности. Во-вторых, главной целью функционирования становится сохранение и укрепление самих бюрократических структур. Патология бюрократии (бюрократизм) проявляется прежде всего в росте численного состава и увеличении объемов бумаготворчества. Согласно «закону Паркинсона», любая контора, насчитывающая 1 тыс. служащих, может быть административно самодостаточной и работать главным образом на обеспечение собственного существования и развития. Количество ее сотрудников, как высчитал С. Н. Паркинсон, имеет тенденцию увеличиваться на 5,75 % в год [87].

Разведение понятий бюрократии и бюрократизма было продолжено Р. Мертоном, А. Гоулднером, М. Крозье, А. Тоффлером и другими исследователями.

Солидаризуясь с М. Вебером, Р. Мертон отмечал, что «главное достоинство бюрократии в ее технической эффективности, она вознаграждается за точное, быстрое и квалифицированное управление, последовательность и ответственность, а также оптимальный ответ на поступивший сигнал. Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха, аффективных осложнений и т. д.)» [85, с. 325]. Одновременно он писал, что «общество в целом явно подчеркивает несовершенство бюрократии, о чем говорит тот факт, что “мерзкий гибрид”, “бюрократ” стал эпитетом, бранным словом» [85, с. 326].

Дисфункции бюрократии, в частности, связаны с тем, что «строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс *замены цели*» [85, с. 328]. К тому же «жизнь должностного лица планируется для него желанием “сделать карьеру”... Подразумевается, что чиновник по большей части приспособит свои мысли, чувства и действия к перспективам своей карьеры, что и происходит на самом деле. Но именно эти механизмы, которые увеличивают вероятность конформизма, ведут также к преувеличению значения строгого выполнения инструкций, что вызывает робость, консерватизм и формализм». А «дух группы и неформальная социальная организация, которая обычно формируется в такой ситуации, часто ведет персонал к защите своих укоренившихся интересов более, чем к содействию

своим клиентам и избранным высшим должностным лицам». Сказывается и то, что «структура личности бюрократа имеет своим ядром именно норму обезличенности», а «стереотипное поведение не приспособлено к остроте индивидуальных проблем» [85, с. 330–332].

Из различия понятий «бюрократия» и «бюрократизм» исходил А. Гоулднер. Бюрократия – это эффективный организационно-управленческий институт. Бюрократизм – патология практики управления, которая порождает бюрократический саботаж, т. е. действия бюрократии, препятствующие нормальному функционированию организации и направленные на сохранение собственного привилегированного места в социальной системе.

В современном обществе Гоулднер выделил два типа бюрократии: авторитарную (репрессивно-централизованную) и представительную (экспертную). Авторитарная бюрократия основана на слепом выполнении установленных правил, строгом иерархическом подчинении и негативных санкциях, когда повиновение превращается в самоцель, а власть узаконивается самим фактом пребывания в должности. Представительная бюрократия опирается на знания и умения и предполагает убеждение в правильности требований и целесообразности их выполнения. Для нее характерны профессионализм, ответственность перед делом, а не вышестоящими уровнями иерархии, корпоративное сотрудничество. Общество эволюционирует от авторитарной к представительной бюрократии. Представительная бюрократия порождена технической рациональностью, а ее носителем является слой технократов. Возможные негативные последствия данного типа бюрократии связаны со свойственным им технократическим видением мира. Противостоять этим последствиям призвана социогуманитарная интеллигенция, обладающая культурным капиталом.

М. Крозье, желая трансформировать громоздкое, всеведущее государство в скромное государство, стремящееся поставить себя на службу обществу, а не командовать им, пришел, по его словам, к фундаментальному противоречию: нельзя изменить общество, не изменив роль государства, не изменив роль чиновников. Однако последние, как и все сформировавшиеся корпорации, по его словам, враждебны всякому изменению [70].

Анализируя в связи с этим французскую бюрократическую модель, Крозье выделяет «бюрократические порочные круги», образующиеся в ходе взаимопроникновения и взаимодействия трех управленческих феноменов: безличности, централизации и стратификации.

Безличность включает выработку правил, предопределяющих функции людей в различных ситуациях. Ее назначение состоит в полной ликвидации произвола и инициативы индивидов через ликвидацию «неопределенностей». В этой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил. Следовательно, он теряет реальную власть над подчиненными. В свою очередь последние лишены возможности влиять на руководство, так как его действия полностью определены предписаниями свыше.

Централизация власти по принятию решений выражает тенденцию к удалению руководства от иерархического уровня, на котором решения и правила воплощаются в жизнь. В результате ответственные за решения защищены от влияния со стороны тех, на кого эти решения воздействуют.

Стратификация, т. е. изоляция иерархических уровней друг от друга, вытекает из ликвидации возможности давления руководства на подчиненных и подчиненных на руководство [105, с. 78].

По мнению Э. Тоффлера, общество находится на пути от бюрократии к адхократии (от лат. *ad hoc* – специальный и греч. *kratos* – власть), которая возникла в последней трети XX в. и стала порождением широкого распространения «проектного» («оперативного») менеджмента. Адхократия стала ответом на ускорение социальных процессов и появление большого числа перманентно возникающих задач, с которыми традиционные бюрократические структуры в силу их склонности работать в обстановке постоянства уже не в состоянии справиться. Основу новых организаций составляют временные межпрофессиональные группы, которые создаются для решения конкретных проблем. В структурном отношении адхократия характеризуется отсутствием строгого разделения труда и бюрократических иерархий, которые отделяют тех, кто принимает решения, от тех, кто их выполняет, минимальной формализацией своей деятельности, гибкостью и адаптивностью по отношению к изменяющейся ситуации. Кратковременные команды, члены которых собираются вместе только для решения отдельной задачи, особенно типичны, отмечает Тоффлер, для современной науки [114, с. 69–83].

Наконец, обращаясь к проблематике власти или властвования, нужно четко представлять наличие пяти типов социальной власти (властных ресурсов). Во-первых, это власть вознаграждения, которая заключается в возможности поощрять действия, которые соответствуют социально ожидаемому поведению. Во-вторых, власть принуж-

дения, которая основывается на практике угроз и наказаний разной степени жестокости. В-третьих, власть эксперта, которая состоит в обладании знаниями или профессиональными навыками в одной из общественно значимых сфер деятельности. В-четвертых, власть авторитета, которая держится на уважении к тому или иному человеку: специалисту, общественному лидеру, руководителю. В-пятых, власть закона, которой распоряжаются должностные лица, наделенные соответствующими полномочиями.

Таким образом, главными субъектами (актерами, агентами) социальных процессов являются, во-первых, конкретные индивиды с характерными для них мотивами, интересами и способами действия, особенно значимыми для процессов социального развития в обстановке неопределенности и перемен; во-вторых, разного рода массовые общности и группы людей, прежде всего социальные движения; в-третьих, социально активные, творческие организации и группы, включая бюрократию, которые способны найти пути решения актуальных социальных проблем и воплотить их в действиях больших социальных групп.

Поведение масс в условиях социальной неопределенности носит неоднозначный характер. С одной стороны, оно отличается аномией и разнообразными способами преодоления фрустрации, с другой – требованиями воссоздания социального порядка и активизацией спонтанного группирования людей.

Первичная форма группового объединения – общественность. Ее образуют группы лиц, которые ищут способы решения актуальной для всех проблемы, расходятся во мнениях по их поводу и вступают в связи с этим в дискуссию.

Переход к организованным формам группового поведения связан с возникновением и развитием социальных движений. Существуют общие и специфические социальные движения. Основу общих социальных движений составляет не всегда вполне осознанная, а тем более практически определенная нацеленность на изменение человеческих ценностей и социальных порядков. Общие социальные движения – фундамент, на котором развиваются специфические социальные движения. Главным отличием последних является наличие четко определенной цели. Большое значение в процессе их формирования имеет выделение лидеров, выработка общего сознания (идеологии), наличие четких представлений о стратегии и тактике действий, новом социальном устройстве, отвечающем интересам участников дви-

жений. Специфические социальные движения имеют достаточно четкий членский состав, определенное разделение труда со статусными позициями отдельных индивидов, наработанные механизмы мобилизации в свои ряды новых членов. Существует пять основных механизмов развития специфических социальных движений: агитация, развитие корпоративного духа, развитие морали, формирование идеологии и развитие рабочей тактики.

Традиционная классификация движений на реформистские и революционные во второй половине XX в. стала дополняться их делением на «старые социальные движения» и «новые социальные движения». Реформистские и революционные движения различаются прежде всего масштабами целей (изменить одну из сторон общественной жизни или общество в целом), стратегией действий (мирная – в рамках закона или насильственная – вопреки закону), социальной базой (средние или низшие социальные группы). «Старые социальные движения» представлены рабочими, профессиональными, крестьянскими и фермерскими движениями. Они сформированы на базе отдельных социальных классов и групп, имеют достаточно жесткую организационную структуру и ориентированы на реализацию политических и экономических интересов. «Новые социальные движения» – это экологические и феминистские движения, движения за мир и права человека, за решение культурных проблем. Им не свойственна жесткая организационная структура. Среди их участников преобладают представители среднего класса, в целом люди, отличающиеся более высоким уровнем образования.

Социально активные организации и группы представлены разного рода элитами, включая творческие (креативные) группы, политические партии и интеллигенцию. Основное назначение творческих групп состоит в предложении новаций в разных сферах жизни общества, в первую очередь для решения наиболее актуальных социальных проблем. В функции партий входит формулирование требований стоящих за ними социальных классов и групп и мобилизация их на организованные совместные действия в защиту своих интересов. Основное назначение интеллигенции кроме специфической для нее интеллектуальной деятельности в сфере образования, науки, техники и культуры состоит в сохранении и распространении многовековых духовных и культурных ценностей. Особую роль в системе социального управления играет бюрократия как наиболее рациональная форма осуществления властных полномочий, что требует четкого разведения понятий бюрократии и бюрократизма (патологии бюрократии).

Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ

Есть две основные, часто взаимоперекрещивающиеся причины стремления людей к нововведениям в общественной жизни. Это, во-первых, неудовлетворенность своим социальным положением; во-вторых, иногда сопутствующие ей представления о новом социальном устройстве, которое повысит жизненные шансы неудовлетворенных групп. Стремятся к нововведениям обычно две группы населения. Во-первых, те социальные слои, которые надеются хотя бы на относительный рост, иногда даже возвращение прежнего уровня жизни. Во-вторых, обычно более малочисленные, зато креативные группы и личности, которые стремятся к существенному повышению своего социального статуса, способны к инициированию и реализации новых идей.

6.1. МОТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Истоки склонности человека к созданию нового, процесс и механизмы творчества традиционно являются предметом повышенного исследовательского интереса.

Так, для объяснения истоков творчества в философской антропологии выдвигалось положение, что человеком движут витальный жизненный порыв и дух, противоположный всей жизни и единственно делающий человека человеком (М. Шелер); что человек есть существо эксцентричное, т. е. утратившее свою самость, и потому вынужденное постоянно пребывать в ситуации поиска и самосовершенствования (Х. Плеснер); что он существо биологически недостаточное и именно в связи с этим активно-деятельное, культуро-созидающее (А. Гелен).

Автор теории инстинктов У. Мак-Дауголл выделил в числе других инстинкт «любопытности, исследования незнакомых мест и предметов». Отчасти развивая его идеи, Г.А. Мюррей постулировал существование психогенной «потребности созидания».

Особым интересом к проблемам творчества отличались классики психоанализа. З. Фрейд объяснял творческий акт как результат сублимации (вытеснения, перевода, переноса) либидозной энергии в другие сферы созидательной деятельности.

Другой видный представитель психоанализа А. Адлер связал источник творческого начала в человеческой деятельности с переживанием неполноценности и вытекающим из него стремлением компенсировать это чувство, испытать полноценность. Компенсация может перерасти в сверхкомпенсацию, которая означает одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-либо одной черты или способности. Процесс компенсации человеком своих недостатков явился, по Адлеру, той творческой силой, которая создала культуру как средство самосохранения человеческого рода. При этом он делает вывод, который сам называет парадоксальным: человек может достичь наибольших успехов не благодаря своим дарованиям, а благодаря постоянной упорной борьбе с возникающими на его пути трудностями.

Согласно К. Г. Юнгу, наиболее глубокий, основополагающий пласт человеческой психики составляет коллективное бессознательное, которое состоит из архетипов, т. е. архаических образов, включающих в себя образцы поведения, которые у всех людей одни и те же и образуют всеобщее основание душевной жизни. Проявляется коллективное бессознательное через индивидуальную психику. Его проявления обнаруживаются в галлюцинациях, видениях мистиков и художественном творчестве. Архетип может подвергаться сознательной обработке и приобретать вид осознанных формул в виде религиозных учений, мифов, сказок.

Э. Фромм видел истоки творчества в свойственной человеку тенденции к росту, развитию, реализации способностей, в том числе способности к творческому и критическому мышлению, возникшей у него в ходе истории.

Согласно логотерапии В. Франкла, основной движущей силой человека является борьба за смысл жизни. А одним из путей открытия смысла выступает то, что индивид дает миру в своих творениях.

В гуманистической психологии творческая направленность личности связывается с мотивом самоактуализации, самовыражения. Рассматривая потребность в самоактуализации как высший уровень иерархической модели мотивов, А. Маслоу понимал под ней стремление человека стать тем, чем он может быть. Причем относительный приоритет временно неудовлетворенных низших потребностей не обязательно прерывает и блокирует самоактуализацию. Стремление человека реализовать себя, проявить свои возможности считал побудительным мотивом творчества К. Роджерс. В дальнейшем истоки стремления человека к новациям и творчеству чаще всего связывали с реализацией мотива достижения.

Анализируя творческий процесс, К. Роджерс выделил следующие его составляющие: во-первых, внутренние условия созидательного труда; во-вторых, некоторые особенности протекания творческого акта у индивидов; в-третьих, внешние условия, способствующие созидательному труду.

Внутренние условия созидательного труда включают открытость опыту (экстенциональность), внутренний локус (источник) определения ценности творческого продукта и способность к необычным сочетаниям элементов, понятий и образов.

Открытость опыту (экстенциональность), согласно Роджерсу, противоположна психологической защите. Она означает: а) что вместо отнесения стимула к заранее заданным категориям («деревья зеленые», «образование в колледже хорошее», «современное искусство глупое») индивид осознает определенный момент бытия в настоящем таким, каков он есть; б) отсутствие ригидности (т. е. оцепенелости, неспособности к изменению); в) проницаемость границ понятий, убеждений, образов, гипотез; г) терпимость к неоднозначности там, где она есть; д) способность принимать массу противоречивой информации, не отвергая при этом всю ситуацию.

Внутренний локус (источник) оценивания выражается в том, что для творческого человека ценность его произведения зависит не от похвалы или критики других, а устанавливается им самим. Создал ли я что-то, что удовлетворяло бы меня? Является ли это выражением части меня — моих чувств, мыслей, моей боли и моего восторга? Вот единственные вопросы, которые, согласно Роджерсу, по-настоящему что-то значат для творческого человека. Это не означает, что он пренебрегает мнением других или не желает его понять. Это просто означает, что основа оценивания — в его собственном отношении к произведению.

Способность к необыкновенным сочетаниям элементов, понятий и образов предполагает спонтанную игру-исследование с идеями, оттенками, формами, отношениями — жонглирование элементами и составление из них невероятных гипотез, нахождение проблем в общеизвестном, превращение одной формы в другую, выражение нелепого, невероятные превращения в одинаковое. Именно из этой спонтанной игры-исследования вырастает интуиция, творчество нового и существенного в жизни.

К некоторым особенностям протекания творческого акта у индивидов Роджерс относит, во-первых, то, что, по его выражению, мы можем назвать словами «Эврика!», «Вот оно!», «Я открыл!», «Вот то, что я хочу выразить!» Во-вторых, волнующее чувство отъединенности. Я, пишет он, не думаю, что многие значительные творения создавались без ощущения: «Я одинок. Никто не делал именно это раньше. Я осмелился ступить на территорию, где никто не бывал. Возможно, я глуп, или не прав, или заблуждаюсь, или ненормален». В-третьих, желание общения. Сомнительно, пишет он, что человек может творить, не испытывая желания поделиться с кем-нибудь своим творением. Это единственный способ смягчить беспокоящее его чувство отъединенности и уверить себя самого в принадлежности к определенной группе. Он может доверять свои теории только своему личному дневнику. Он может прятать стихи в запертом ящике стола, а картины в чулане.

Внешние условия, способствующие созидательному труду, включают психологическую безопасность и психологическую свободу.

Психологическая безопасность может быть достигнута за счет:

а) признания безусловной ценности индивида самого по себе во всех сего проявлениях. Чувствуя себя в безопасности, понимая, что не нужно быть ригидным, индивид, пишет Роджерс, может обнаружить, что значит быть самим собой, может попытаться проявить себя нестандартно, по-новому;

б) создания обстановки, в которой отсутствует внешнее оценивание. Когда мы перестаем судить об индивиде с точки зрения нашей собственной системы ценностей, мы способствуем творчеству. Индивид чувствует свое освобождение в атмосфере, где нет оценивания с помощью внешней мерки. Приходит понимание, что источник оценивания находится внутри самого индивида. Отсутствие оценивания не означает, что мы никак не реагируем на то, что человек произвел. На самом деле, отмечает Роджерс, мы можем делать это

более свободно. «Мне не нравится ваша идея» — эта фраза является не оценкой, а моей частной реакцией. И она тонко, но вполне определенно отличается от суждения типа: «То, что вы делаете, — это плохо (хорошо)». Первое утверждение позволяет индивиду сохранить свой собственный источник оценки. Второе утверждение независимо от того, содержится ли в нем похвала или осуждение, склонно ставить человека в зависимость от внешних обстоятельств. Ему сообщают, что он не может просто спросить себя, является ли творение истинным выражением его сущности, он должен беспокоиться о том, что думают другие. Его уводят от творчества;

в) третий элемент психологической защищенности: понимать, сопереживая. Эту свою мысль Роджерс разъясняет следующим образом. Если я говорю, что я «принимаю» вас, но ничего о вас не знаю, то это поверхностное принятие, которое может измениться, если я по-настоящему вас узнаю. Но если я понимаю вас, сопереживая, смотрю на вас и на то, что вы делаете, с вашей точки зрения, вхожу в ваш внутренний мир и вижу его вашими глазами и при этом все-таки принимаю вас — тогда это на самом деле безопасность.

Психологическая свобода представляет собой полную свободу символического выражения. По словам К. Роджерса, она, во-первых, означает полную свободу выразить самое сокровенное в своих мыслях, образах, чувствах и состояниях; во-вторых, способствует открытости, причудливости и неожиданному сочетанию образов, понятий и значений. В то же время такое разрешение быть свободным также означает ответственность. Это тип свободной ответственности — быть самим собой. Индивид свободен равно испытывать страх перед новым предприятием или стремиться к нему, свободен расплачиваться за свои ошибки, равно как и принять последствия своих достижений [94, с. 409–422].

Выдвинуты другие объяснения механизма и сопутствующих условий творческого процесса, а также разработаны конкретные технологии, призванные стимулировать творческую деятельность.

Особо выделяются черты характера творческой личности: независимость, способность вырабатывать самостоятельную точку зрения, не связывая оценку той или иной информации с авторитетностью источника; инициативность (абсолютное большинство открытий делается, а художественных произведений создается по инициативе их авторов); уклонение от шаблона, оригинальность; способность к концентрации

психической энергии, колоссальная работоспособность, наконец, сильный волевой характер.

Инициаторам и проводникам творческих изменений всегда тяжело. Хотя бы в силу их численного меньшинства. Часто одиночества. Но у меньшинства есть свой потенциал влияния. Прежде всего он вытекает из уверенности в себе, последовательности, настойчивости, сплоченности. Каналы влияния меньшинства на большинство весьма разнообразны. Даже не добившись результатов, заметных для большинства, оно может породить в его рядах сомнения в правильности, целесообразности существующего порядка, состояния дел и т. п., заставить более глубоко задуматься над решением, казавшимся до сих пор единственно верным. Открытое выражение несогласия стимулирует независимость других. Оно помогает тем представителям большинства, которые уже начинают сомневаться, но еще находятся под влиянием самоцензуры, преодолеть свои сомнения и перейти на позиции меньшинства. Этот канал воздействия тем более важен, что за первыми «перебежчиками», беря с них пример, нередко появляются другие, вызывая в отдельных ситуациях «эффект снежной лавины».

Меньшинство может значительно укрепить свои позиции, если сумеет использовать в своих интересах феномен реактивного сопротивления части людей в ответ на любые попытки ограничить их свободу и усилить социальное давление, нивелировать их индивидуальность и отличие от других. Сопротивление давлению большинства оказывается более успешным, если оно возникает как мгновенный ответ на любые притеснения. Первые проявления сопротивления формируют внутренние установки, которые, влияя на поведение, сами усиливаются под его воздействием. Рассчитывая на признание, меньшинству следует помнить, что часто оно происходит в скрытой, латентной форме, т. е. сами новые идеи позитивно воспринимаются и получают одобрение быстрее, чем признается авторитет их авторов. Нередко само авторство сознательно замалчивается.

Кроме отдельных творческих личностей, выступающих с предложениями нововведений, существует еще пять типов субъектов, иницирующих изменения. Первый тип – инновационные роли (ученые, изобретатели, деятели искусства, эксперты и т. п.). Второй тип субъектов изменений – инновационные, согласно их официальному статусу, организации (парламенты, законодательные комиссии, исследовательские коллективы, конструкторские бюро, «мозговые тресты» и т. п.). Третий тип – это группы, коллективы, социальная среда, или

социальные круги, новаторского характера (артистическая богема, студенты, джазовые музыканты, мастера кино, религиозные секты и т. п.). Четвертый тип коллективных субъектов изменений — это социальные движения, которые уже по самому своему определению направлены на изменение социальных норм или ценностей (молодежные, феминистские, экологические, религиозные, политические движения и т. п.). Пятый тип субъектов инноваций — обычные люди, которые в своей повседневной жизни вырабатывают какие-либо новые способы действия в различных сферах жизни [131, с. 440–441].

6.2. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОВАЦИЙ

Существует ряд исследовательских подходов, объясняющих различные аспекты институционализации социальных новаций.

Так, отмечается, что ориентация значительных групп людей на социальные изменения связана не только с высокой долей недовольства существующим положением вещей, но и со значительной степенью присутствия в поведении мотива достижения успеха, доминирование которого является основой для продвижения общества вперед по важнейшим параметрам его развития.

Д. Г. Мак-Клеланд стал инициатором исследования связи между ориентацией людей на достижение и особенностями социального развития региона. С этой целью высчитывался индекс мотива достижения того или иного народа в различные периоды истории. Из литературных текстов выбирались сюжеты, связанные с темой достижения. Анализировалось содержание эпиграмм, лирической поэзии, эпитафий античных греков с 1000 по 900 г. до н. э.; испанских романов, стихов, легенд, появившихся в период с 1200 по 1730 г.; английских драм, описаний путешествий и баллад с 1400 по 1830 г. Роль экономических индексов выполняли археологические географические карты, на которых отмечались области экспорта греческого масла в античные времена; годовой тоннаж испанского флота, направлявшегося в страны Нового Света; годовой объем ввоза угля в Большой Лондон. В результате сопоставления национальных индексов мотива достижения с индексами экономического развития было установлено, что подъемы и падения первых предшествовали периодам роста или спада экономики [125, с. 283–285].

Изучение присутствия мотива достижения среди мотивов поведения людей показало, что его место в мотивационной иерархии, конкретное содержание связанной с ним деятельности обусловлены культурно-историческим контекстом и могут существенно различаться. Но суть мотива достижения остается одна. Это стремление достичь цели, направленность на решение задачи, ориентация на стандарт высокого мастерства.

Применительно к социальному положению человека мотив достижения воплощается прежде всего в стремлении поднять экономический, политический, профессиональный, образовательный, семейный и другой статус. Для того чтобы содержащийся в мотиве достижения созидательный потенциал реализовывался, очень важно наличие достаточно открытых каналов вертикальной социальной мобильности. Зависимость здесь взаимная: наличие перспектив для интенсивной вертикальной мобильности усиливает стремление людей к достижению успеха, а широкая ориентация на него расширяет каналы социального возвышения.

Два пути нормогенеза, т. е. утверждения в социальной практике новых норм общественной жизни и поведения людей, указал Р. Мертон. Объясняя процесс нормогенеза, Мертон выделил нонконформистское поведение (принципиальное отклонение) и аберрантное поведение (целесообразное отклонение). Различие между ними он проводил по трем параметрам. Во-первых, нонконформисты открыто объявляют о своем несогласии с официальными нормами поведения; аберранты, нарушая принятые нормы, стремятся избежать известности и публичного осуждения. Во-вторых, нонконформисты отрицают законность отвергаемых ими социальных норм; аберранты со своей стороны признают законность нарушаемых норм, но считают такое нарушение приемлемым для себя. В-третьих, нонконформисты предлагают взамен существующих норм другие; аберранты прежде всего стремятся избежать наказания.

В ситуации с аберрантным поведением становление нормогенеза начинается с отдельных в той или иной мере скрытых нарушений тех норм, которые признаются чересчур строгими, хотя в целом вполне законными. Отклонения, которые оказываются достаточно эффективными, могут получить широкое распространение. Удачные аберранты даже становятся образцом для подражания. Условия институционализации отклонений включают, по мнению Мертона, четыре момента. Первое — они должны иметь регулярный характер. Вто-

рое — приниматься большинством. Третье — существовать в виде хорошо отработанной «социальной механики». Четвертое — редко наказываться, а если и подвергаться санкциям, то обычно в символической форме.

Выделяется три варианта институционализации аберрантных отклонений. Первый — «нормативная эрозия». Лучше всего в нашей реальности «нормативная эрозия» иллюстрируется постепенным ростом в постсоветский период престижа частной инициативы в сфере экономики или либерализацией сексуальных нравов. Второй вариант — «сопротивление нормам». Происходит оно тогда, когда новые нормы вводятся указом «сверху» и отличаются от традиционных образцов поведения. Наглядным примером «сопротивления нормам», навязываемым «сверху», явилось отношение значительной части крестьян к коллективизации в бывших социалистических странах. Третий вариант — «замещение норм». Суть его состоит в том, что старые нормы остаются в силе, но широко распространившиеся отклонения как бы приобретают законность благодаря масштабам и длительной традиции их применения. Например, курение в тех местах, где официально оно запрещено. В конечном счете формы поведения, избираемые большинством населения, в той или иной степени санкционируются властями. То, что раньше считалось отклонениями, воспринимается как норма, а то, что прежде было институционализировано, нередко начинает восприниматься в качестве девиации, необычного поведения.

Интересное объяснение мотивов и последствий преобразующей социальной активности людей содержит концепция инновационной личности Э. Хаген. Инновационную личность он противопоставляет авторитарной, которая типична для традиционного общества. Отличительные черты авторитарной личности — ориентация на согласие с господствующими социальными образцами жизни, которые диктуются традицией, земными и божественными авторитетами. Формирование инновационной личности, отличающейся активностью, ориентированной на перемены, произошло тогда, когда в обществе господство предписанных статусов сменилось приоритетом достигнутых статусов.

Существует четыре типичных случая расстыковки имеющегося социального статуса и того, на который человек предъявляет претензии:

целая группа теряет свой статус; и, следовательно, это происходит с каждым ее членом. Например, в период становления буржуазного общества в социальной структуре приоритет ремесленников был за-

менен доминированием фабричных рабочих, а старой земельной аристократии — капиталистов. В итоге у целых социальных групп возникает разрыв между прежним и новым более низким статусом;

по мнению членов группы, ее достижения недооцениваются и к ней относятся не так, как она того заслуживает. Этой позиции может придерживаться определенный слой, этническая группа, корпорация, фирма и др. Налицо разрыв между предполагаемым статусом и тем, который человек в действительности имеет;

существует несоответствие, нестыковка между различными измерениями статуса, например уровнем образования и доходами;

группа еще не заняла более высокий статус, на который рассчитывает (например, этнические меньшинства, иммигранты и т. п.). Появляется разрыв между желаемым статусом и тем, который она занимает на самом деле. Разрыв между наличным и предполагаемым статусом ведет к попыткам его преодоления в одном случае за счет повышенной личной активности, в другом — посредством изменения социальных условий жизни.

Особую роль в процессе распространения нововведений играет восприимчивость к ним населения. Чтобы лучше понять, почему одни люди с большей готовностью принимают новации и достаточно быстро адаптируются к ним, а у других это получается значительно хуже и нередко дело доходит до полного отвержения нововведений, нужно иметь в виду следующее.

В более благоприятной ситуации оказываются представители тех сообществ, где характер жизненной практики предполагает определенную разновариантность путей достижения социально заданных целей, оставляет место проявлению личной инициативы. Для обозначения своеобразия форм поведения, которые тем не менее не выходят за рамки институционально предписываемых или допускаемых, Ф. Клакхон и Р. Мертон ввели в социологическую лексику термин «вариативное поведение» как отличное от девиантных отклонений. Очевидно, что в худшее положение люди попадают там, где их линия жизни обозначена вполне определенно и какая-либо вариативность поведения существенно ограничена.

Нужно учитывать и то, что первоначальные предпосылки для утверждения новых форм жизни чаще всего создает недовольство старыми. Люди готовы принять и поддержать новое, порой не всегда вникая в его содержание. Оно их привлекает в качестве альтернативы старому. Их реальное отношение к социальным новациям формиру-

ется тогда, когда они сталкиваются с ними на своем жизненном опыте. Последствия могут быть самыми различными: от горячей поддержки до горького разочарования, которое в одном случае оборачивается депрессией и отходом от любых проявлений социальной активности, а в другом – тягой к прошлому и даже бурной деятельностью по его восстановлению. Чтобы не растерять большую часть первоначальных, чаще потенциальных сторонников нововведений, приступая к ним, нужно учитывать следующие принципиальные моменты.

Во-первых, люди существенно различаются по способности включиться в перемены. Эта способность зависит как от индивидуальных особенностей человека, так и от его возраста, социальной и региональной принадлежности и др. Обычно консервативнее представители старших возрастных групп, жители провинциальных регионов и сельской местности, те, кто занимает более низкие этажи социальной пирамиды. Поэтому для разных групп населения необходимо подбирать свой темп включения в преобразования, различные, наиболее приемлемые варианты новых форм деятельности. Какие именно – подсказывает мнение самих людей. Учтя его, можно сделать новое доступным для большинства и крепко привязать их к нему. Примем во внимание совет А. Токвиля: предоставьте человеку «полную свободу трудиться согласно своему умению делать карьеру... и он сотворит чудо» [112, с. 146].

Во-вторых, положительные результаты нововведений должны почувствовать не единицы, а большинство, возможно, какая-то критическая масса населения. Особенно из числа наиболее активных групп. Крайне неравномерное распределение потерь и приобретений, резко обострив чувство несправедливости происходящего, вызовет негативное отношение к нововведениям.

В-третьих, новации могут касаться как мотивов, так и способов их достижения, а внедряются те и другие по-разному. Способствовать обновлению мотивационной сферы можно, культивируя определенное мировоззрение и пропагандируя особую ценность отдельных мотивов (в одном случае – обогащения, в другом – скромного, аскетического образа жизни, например), создавая благоприятные условия для достижения некоторых из них и препятствуя реализации других, делая ее порой вообще невозможной, определяя особенности социального положения индивидов и т. п. Чтобы ввести нововведения в деятельностную сферу, нужно создать соответствующую законодательную базу и самую разнообразную социальную инфраструктуру, терпеливо,

посредством показательных примеров и собственного опыта обучать людей новым способам действия, доказывать их преимущества, поддерживать новые формы на всех уровнях власти. При этом помнить, что неудовлетворенность предлагаемыми обществом индивидам мотивами — явление достаточно редкое, в то время как нереализованность этих же самых мотивов — весьма распространенное.

В-четвертых, каким бы отсталым и деформированным ни было общество, в нем всегда имеется набор социальных ролей, который позволяет людям, выполняющим их, быть вполне довольными своим положением. Они более чем заинтересованы в сохранении существующих порядков и новшеств, которые ставят эти порядки под сомнение, не приемлют. Они будут всячески блокировать их, а любые ошибки реформаторов использовать в своих целях. Особенно ту часто патологическую боязнь попыток последующих нововведений, которая возникает после провала предыдущих. Во избежание излишнего противостояния их важно сразу же заинтересовать в новациях и привлечь к ним, дать воспользоваться преимуществом их благоприятной стартовой позиции, иными словами, «откупиться» от них.

В-пятых, для реализации социальных новаций важно задействовать потенциал конформизма. Звучит неожиданно. Ведь о конформизме обычно говорят как о некритическом принятии и следовании господствующим мнениям и стереотипам. В противоречие с признаками хорошего научного вкуса вступает признание того, что конформизм (от лат. *conformis* — подобный, сходный, схожий), т. е. стремление быть похожим на большинство, действовать сообразно общепринятым нормам, является мощнейшим фактором социализации личности и установления социального порядка. Введение в действие механизма конформизма, как это на первый взгляд ни парадоксально, является первейшим условием массового распространения нововведений. Запуск этого механизма производится посредством повсеместного внедрения утверждений типа: «так поступает все большее число людей», «большинство уже сделало это», «кто не успел, тот опоздал» и т. п.

В-шестых, опыт истории дает большое число примеров того, как попытка радикального изменения старых порядков и обычаев завершается крахом самих начинаний и их инициаторов из-за игнорирования традиций. А. Грамши предупреждал тех, кто собирался вступить на путь революционных изменений общественной жизни, что массовое движение состоит не из одних теоретиков, а из массы «простых людей» и чтобы создать такое движение, надо считаться с традици-

онными идеями и чувствами. Тотальное отрицание прошлого, подчеркивал он, можно себе позволить, лишь оставаясь маленькой сектантской группкой [43, с. 83–84].

В чем сила и живучесть традиции? Прежде всего в том, что она удовлетворяет универсальную потребность человека укорениться в прошлом, чтобы «обеспечить себе ориентацию в мире и усилить чувство безопасности» [126, с. 218]. Это чувство дают человеку привычные, проверенные временем представления о мире и основах социального порядка, законности и легитимности власти, нормах морали. Таково же значение обычных форм поведения, возникших в длительном повседневном опыте жизни. Может быть, не самых эффективных на данный момент времени, но достаточно надежных и, главное, привычных. Ассоциирующиеся с традициями воспоминания о лучших временах помогают пережить периоды социальных потрясений и личных невзгод, дают надежду на лучшее будущее. Обращение к историческому прошлому семьи, группы, нации, государства усиливает чувство групповой идентификации и объединяет людей.

В-седьмых, следует умело использовать такое средство обновления общественной жизни, каким является смех, осмеяние устаревших явлений, структур, форм поведения, отсутствия гибкости, эластичности, приспособляемости. Известный исследователь смеха А. Бергсон видел в этом его социальное назначение. Причина комизма, по его словам, — это «косность машины там, где хотелось бы видеть подвижность, внимание, живую гибкость человека». Смех — вид общественного жеста, который «сообщает... гибкость всему тому, что может остаться от механической косности на поверхности социального тела. Смех... преследует (бессознательно и во многих частных случаях нарушая требования морали) полезную цель общественного совершенствования» [17, с. 189, 191].

Социально-обновленческую сущность смеха на примере карнавальной смеховой культуры Средневековья рассмотрел М. М. Бахтин. «Народно-площадное смеющееся лицо», по его выражению, «глядело в будущее и смеялось на похоронах прошлого и настоящего» [12, с. 94]. Отличительными чертами средневекового смеха были его всенародный характер (смеялись все и на «миру»); универсальность, т. е. направленность на все и на всех, включая самих смеющихся; не делалось исключения и для высшего, наоборот, оно было первым объектом смеха; этот смех был легализован и неразрывно связан со свободой. «Правда дурацкого колпака» была священна и неприкос-

новенна. Если Бергсон считал, что смех лишен эмоций, а равнодушные — его естественная среда, то Бахтин особо выделял его эмоциональные составляющие. Средневековый смех, по его характеристике, амбивалентен: он веселый, ликующий и одновременно насмешливый, высмеивающий. В то время как в средневековой серьезности резко доминировал элемент страха и устрашения, смех, напротив, предполагал преодоление страха. Эту победу над страхом именно в смехе особенно остро ощущал средневековый человек [12, с. 17, 101, 104].

Схожие идеи, исследуя функции смеха в Древней Руси, высказывает Д. С. Лихачев. Назначение смеха, по его мнению, состоит в том, чтобы обнажать, обнаруживать правду, освобождать реальность от покровов этикета, искусственного неравенства, всей сложной знаковой системы общества. Одновременно в поисках истины смех творит свой фантастический антимир, который несет в себе определенное мировоззрение, отношение к действительности. Лучший способ быть свободным в смехе — представить себя дураком. Дурость, по выражению Лихачева, — это обнажение ума от всех условностей, от всех форм и привычек. А древнерусский дурак — это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм [78, с. 15–16].

В-восьмых, не следует забывать о нововведенческом потенциале моды. мода — это предпочтение групповым или массовым сознанием в определенный период времени каких-либо особых форм жизнедеятельности. Признаки этих форм могут быть самыми различными: способы общения и поведения людей, образ их мысли, профессии, манера одеваться, своеобразие прически, формы жилищ и их интерьеров и т. д. мода является в основном стихийным феноменом, но ею — особенно в последнее время — пытаются управлять. Чтобы разобраться, как это можно делать, следует выяснить своеобразие моды в качестве социально-психологического явления.

Отличительная особенность моды — ее двойственный характер: новизна и преходящность. Как только мода становится повсеместно принятой, она устаревает и начинает умирать. Живучесть моды связана с тем, что она позволяет человеку удовлетворить его желание поднять свой статус. В одном случае он делает это, выделившись на фоне других, отделившись от них. В другом — приобщившись к тем, кто уже выделился, стал инициатором нового модного течения.

Психологическими механизмами действия моды в первом случае являются индивидуализация, выделение из общей массы, а во втором — идентификация с представителями более высокого статуса, подражание им. Соответственно общность людей, причастных к моде, составляет две группы. Это законодатели моды, стремящиеся сохранить отличие от других и внутреннюю солидарность. И подражатели моды — те, кто стремится «наверх», став хоть в чем-то похожим на высший класс. Но догонять моду — задача неблагодарная. Как только она усваивается за пределами породившего ее круга, последний создает новую моду.

Мода, по выражению Г. Зиммеля, — это идеальное поприще для людей зависимых, но претендующих на определенную неординарность. Однако ее влияние немецкий социолог ставил в прямую зависимость от того, что она позволяет реализовать целый ряд других весьма специфических потребностей человека. Во-первых, находясь на периферии личности, она служит маской для утонченных и неповторимых людей. Слепое следование общепринятым стандартам становится у них средством оставить при себе проявления своих чувств и вкусов. Во-вторых, слабые и застенчивые натуры, боящиеся самораскрытия, хватаются за нее как за вид коллективного поведения, в котором нет места стыду. В-третьих, касаясь лишь внешней стороны жизни, она предоставляет индивиду простой способ выразить солидарность со своим временем и обществом и тем самым воспользоваться свободой для внутренних, более важных целей. Женщины в целом более привержены моде, поскольку она предоставляет им средство добиться индивидуализации, которой препятствует их подчиненное положение в других сферах жизни, а также дает им возможность повысить свой статус самым простым и доступным для них способом — следуя моде.

Анализируя причины власти моды, Г. Зиммель связывал их с тем, что, во-первых, мода способна передавать необычайно сильное чувство настоящего и обострять ощущение перемен, и, во-вторых, во времена, когда великие, неизменные, безусловные истины теряют власть над миром, неизбежно возрастает значение преходящих элементов жизни. Мода — это в основном поприще среднего класса с его переменчивым и неутомимым ритмом жизни. Для капризов моды нет благодатной почвы как среди низших классов в силу замедленных темпов их развития, так и среди высших, которые часто осознанно

консервативны [73, с. 95–97]. Из возрастных групп значительно больше других податлива к воздействию моды молодежь.

Итак, есть две основные, часто взаимоперекрещивающиеся причины массового стремления людей к нововведениям в общественной жизни. Это, во-первых, неудовлетворенность наличным социальным положением; во-вторых, представления о новом социальном устройстве, которое, как предполагается, повысит их жизненные шансы.

Авторами и инициаторами социальных новаций являются творческие личности и группы. Истоки склонности человека к созданию нового, процесс и механизмы творчества – предмет традиционного исследовательского интереса. Свои весьма различающиеся объяснения есть у представителей философской антропологии, теории инстинктов, психоанализа, гуманистической психологии, других исследовательских традиций.

Не менее многообразны трактовки институционализации социальных новаций, отражающие различные аспекты этого многогранного процесса. Одни авторы вслед за Д. Г. Мак-Клеландом делают акцент на связь темпов общественного развития со степенью присутствия в поведении людей мотива достижения успеха в увязке со степенью открытости каналов вертикальной социальной мобильности.

Р. Мертон, объясняя процесс нормогенеза, т. е. утверждения новых социальных норм, выделяет неконформистское поведение (принципиальное отклонение) и аберрантное поведение (целесообразное отклонение).

Условия институционализации отклонений включают четыре момента. Во-первых, они должны иметь достаточно регулярный характер. Во-вторых, – приниматься большинством. В-третьих, – существовать в виде хорошо отработанной «социальной механики». В-четвертых, – редко наказываться, а если и подвергаться санкциям, то преимущественно в символической форме.

В концепции инновационной личности Э. Хагена объяснение мотивов преобразующей активности масс связывается с переходом в обществе от приоритета предписанных статусов к доминированию достигнутых статусов и расстыковкой имеющегося статуса и того, на который человек или группа людей заявляют свои претензии, часто весьма обоснованные.

Особое внимание обращается на разную степень восприимчивости к нововведениям различных сообществ и групп населения. В ча-

стности, отмечается, что в более благоприятной ситуации оказываются представители тех сообществ, где характер жизненной практики предполагает «вариативное поведение», оставляет место проявлению личной инициативы. А в худшее положение люди попадают там, где их линия жизни обозначена вполне определенно и какая-либо вариативность поведения существенно ограничена.

Отмечается и то, что положительные результаты нововведений должны почувствовать большинство или как минимум какая-то критическая масса населения. Особенно из числа наиболее активных групп. Неравномерное распределение потерь и приобретений, резко обострив чувство несправедливости происходящего, неизбежно вызовет негативное отношение к нововведениям.

Особо следует отметить существенную роль в реализации нововведений обновленческого потенциала осмеяния устаревших социальных явлений, структур и способов поведения, закономерностей функционирования моды, действия в качестве механизма распространения нововведений конформизма, гармоничного сочетания новаций и привычных, традиционных форм жизни.

Глава 7. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Карл Маркс, указывая на основополагающую роль социальных революций в определении путей развития общества, называл их локомотивами истории.

Из многочисленных современных определений социальных революций наиболее точным нам представляется то, которое дал Э. Гидденс, который определил революцию как захват государственной власти путем насилия, совершаемый лидерами массового движения, когда полученная ими власть используется в дальнейшем в целях инициирования радикальных социальных реформ [38, с. 568].

7.1. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Столкновение групп с противоположно направленными интересами принимает различные формы. В динамике развертывания конфликта большую роль играют не только его объективные характеристики, но и образы конфликтной ситуации, складывающиеся у ее участников, особенности их поведения. Характерной чертой многих конфликтов является то, что они как бы отрываются от породивших их причин и продолжают тогда, когда эти причины уже исчерпаны или отошли на второй план. Таким образом дает о себе знать накопленный в ходе противоборства конфликтующих сторон негативный потенциал конфликта.

Проблематика социального конфликта и классовой борьбы, ведущей к радикальному социальному переустройству, является центральной у К. Маркса. В его интерпретации конфликта, которую часто

называют диалектической теорией конфликта, Дж. Тернер выделяет следующие основные постулаты.

I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы.

II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.

A. Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы.

B. Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

B. Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.

2. Чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами.

Г. Чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятна идеологическая унификация.

2. Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятна идеологическая унификация.

III. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.

А. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.

IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства и сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.

V. Чем сильнее поляризация господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.

VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.

С именем классика функционального направления в трактовке конфликта Л. Козера связано, пожалуй, наиболее полное изложение основных закономерностей возникновения, содержания, протекания и — главное — преимущественно позитивных последствий социальных конфликтов. В несколько обобщенном виде основные положения его объяснения природы и результатов конфликтов могут быть представлены следующим образом.

1. Чем более неравномерно распределены в обществе дефицитные ресурсы (материальные блага, власть, социальные блага и др.), тем острее конфликт интересов различных социальных групп.

2. Чем меньше каналов, по которым недовольные могут легальным путем выражать свое недовольство существующим распределением дефицитных ресурсов, тем больше вероятность возникновения конфликта.

3. Чем меньше у неимущих возможностей подняться вверх по социальной лестнице, т. е. чем меньше развита в обществе социальная мобильность, тем более вероятно открытое проявление конфликта и больше его размах.

4. Чем больше лишения, которые испытывают группы, из абсолютных превращаются в относительные, тем больше вероятность, что эти группы станут инициаторами конфликта.

5. Чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем острее конфликт, хотя менее вероятно его открытое проявление.

6. Чем вторичнее отношения участников конфликта, тем чаще конфликты между ними, но слабее их эмоциональный накал.

7. Чем в большей мере групповые цели выходят за рамки эгоистических индивидуальных интересов, т. е. чем выше идеологическое

единство группы, тем более осознанно начало конфликтов и тем острее они проходят.

8. Чем более реалистичны интересы участников конфликта, тем вероятнее, что они пойдут на компромисс, чтобы реализовать эти интересы.

9. Чем более неравномерно распределена власть между группами, участвующими в конфликте, тем менее вероятно, что будут сделаны попытки найти компромисс.

10. Чем больше конфликт связан с нереалистическими (спорными) вопросами, тем больше эмоций он вызывает у участников и тем он острее.

11. Чем острее были предыдущие конфликты между данными группами, тем сильнее будут эмоции, вызванные последующими конфликтами.

12. Чем дольше длится нереалистический конфликт, тем больше возникает спорных вопросов.

13. Чем жестче система, в которой происходит конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных вопросов.

14. Чем меньше в обществе институциональных средств для погашения конфликта и снятия напряженности, тем острее конфликт.

15. Чем больше конфликт затрагивает основные ценности системы, центральные спорные вопросы, тем он острее.

16. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность, что он затронет основные ценности.

17. Чем острее конфликт, тем сильнее централизация в конфликтующих группах.

18. Чем острее конфликт, тем лучше содействует он идеологическому и организационному сплочению противоборствующих сторон и тем больше приводит к подавлению инакомыслящих.

19. Чем острее конфликт, тем четче разграничивается одна противоборствующая сторона от другой.

20. Чем подвижнее система, тем выше вероятность, что конфликт воспринимается властью имущими в качестве сигнала, на который надо обратить внимание.

21. Чем чаще происходит конфликтное столкновение, тем меньше вероятность, что в конфликтах отражены разногласия по поводу основных ценностей системы.

22. Чем лучше и быстрее лидеры конфликтующих групп сумеют понять, что полное достижение целей обходится дороже самих завоеваний, тем непродолжительнее и безболезненнее будет конфликт.

23. Понимание реальной цены «полной победы» приходит тем быстрее, чем равномернее распределена власть между противоборствующими сторонами. Острые, неразрешимые социальные конфликты ведут к революции [108, с. 161–214].

7.2. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Особо следует выделить предпосылки (причины) и механизм социальной революции, которые имеют свои субъективные (поведенческие) и объективные (структурные) основания.

Еще Аристотель в «Политике», объясняя источники возмущений широких масс и, как следствие, государственных переворотов, учил, что для того чтобы разобраться в них, «во-первых, нужно знать настроение людей, поднимающих мятеж; во-вторых, ради чего; в-третьих, с чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри». Углубляясь в их мотивационно-эмоциональную основу («причины и поводы движения души»), он выделял стремление к прибыли и почету, наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение, а также происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров [4, с. 529–530].

Структурные основания революции указывал К. Маркс, когда писал, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [82, с. 6–7].

Основной пружиной механизма приведения производственных отношений (прежде всего формы собственности на средства производства) в соответствие с новыми производительными силами является резкое обострение социальной напряженности и классовой борьбы. Людским ресурсом, который приводит в действие этот механизм в Новое и Новейшее время, является, согласно марксистскому учению, главным образом рабочий класс. Говоря о субъективных ос-

нованиях революции, К. Маркс выделял абсолютное и относительное обнищание масс.

В. И. Ленин, отмечая, что революция невозможна без революционной ситуации, указывал на три ее главных признака:

1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому;

2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов;

3) значительное повышение в силу указанных причин активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению [74, с. 300; 75, с. 219; 76, с. 69–70].

Субъективным условием, превращающим революционную ситуацию в революцию, является способность революционных классов к массовым действиям, достаточно сильным, чтобы сломить старое правительство. Эту способность Ленин связывал с наличием рабочей партии, которая вооружена революционной теорией, способна организовать и возглавить массы, довести революцию до победного конца.

П. Сорокин считал непосредственной предпосылкой любой революции увеличение числа подавленных базовых инстинктов большинства населения, невозможность даже минимального их удовлетворения. В числе этих инстинктов он называл голод и пищеварительный инстинкт, импульс собственности, инстинкт самосохранения и половой инстинкт, импульс свободы, группу инстинктов самовыражения унаследованных способностей и др. Такая интерпретация причин роста недовольства в дальнейшем получила название теории абсолютной депривации.

Кроме нее существует еще одно условие, необходимое для пробуждения революционной активности широких масс. Это, как и у Ленина, кризис «верхов», т. е. слабое сопротивление проявлениям широкого недовольства со стороны властей и властвующей элиты, потеря последней уверенности в себе, способности оказывать устрашающее воздействие на массы. «Атмосфера предреволюционных эпох, —

пишет П. Сорокин, — всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. Они подчас не способны выполнять элементарные функции власти, не говоря уже о силовом сопротивлении революции. Не способны они и на разделение и ослабление оппозиции, сокращение репрессий или организацию «выхода» репрессированных импульсов в нереволюционное русло. Практически все дореволюционные правительства несут в себе характерные черты анемии, бессилия, нерешительности, некомпетентности, растерянности, легкомысленной неосмотрительности, а с другой стороны — распушенности, коррупции, безнравственной изоэтрности и т. д.». Пример всех революций, продолжает Сорокин, подтверждает «нашу догадку относительно второй причины революций — вырождение элиты общества. История “терпит” хищнические, жестокие, циничные правительства, но до поры до времени, пока они сильны, покуда они хотят и знают, как управлять государством» [103, с. 288].

Другой подход к объяснению того, почему у людей возникает стремление изменить существующий порядок, в настоящее время представлен теорией относительной депривации. Ее первыми воплощениями являются теория возросших и обманутых ожиданий А. Токвиля и идеи об относительном обнищании К. Маркса.

Развивая эти идеи, Т. Гарр определяет относительную депривацию как восприятие деятелем (актером) расхождения между его ценностными экспектациями (ожиданиями) и ценностными возможностями. Ценностные экспектации — это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности — это блага и условия, которые они, по их мнению, могли бы получить и удерживать [35, с. 61]. Гарр выделяет три различных паттерна нарушения равновесия между ними:

убывающую депривацию, при которой групповые ценностные экспектации остаются относительно постоянными, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся;

устремленную депривацию, при которой возможности относительно статичны, в то время как экспектации возрастают или интенсифицируются;

прогрессивную депривацию, при которой наблюдается существенное и одновременное возрастание экспектаций и снижение возможностей [35, с. 83].

Степень удовлетворенности или неудовлетворенности человека своей жизнью в значительной мере зависит от процедуры социально-

го сравнения, т. е. сопоставления своего положения с положением других людей. Аристотель писал в связи с этим, что «стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их... для самих себя, но потому, что они видят, как другие — одни справедливо, другие несправедливо — в большей степени пользуются этими благами» [4, с. 530].

Точкой отсчета при сравнении являются не только успехи других, но и собственные. Люди, когда повышается их благосостояние, социальный статус или профессиональный уровень, существенно поднимают планку стандартов, по которым оценивают свои новые достижения, нередко забывая о том, где они были в начале восхождения, часто совсем недавно. Это сравнение, нацеленное вверх, также может привести к чувству относительной депривации. Иные последствия бывают у сравнения, направленного вниз. Осознание того, что другие находятся в более тяжелом положении, или воспроизведение в памяти своей стартовой позиции могут способствовать восстановлению хотя бы частичной удовлетворенности жизнью. Как минимум снижает уровень неудовлетворенности оценка своего положения в пределах нормы «живу, как большинство: не лучше, но и не хуже». Так оценивали в начале 1990-х гг. во времена резких социальных перемен свою жизненную ситуацию примерно три четверти представителей белорусского общества. Схожая картина наблюдалась и в других постсоветских странах. В значительной мере из-за сдерживающего влияния именно этого феномена не сбылись многочисленные предсказания насчет того, что существенное падение уровня жизни во время социальных перемен с неизбежностью приведет к открытому протесту широких масс населения, даже социальному взрыву.

В связи с этим следует указать на так называемый феномен уровня адаптации, позволяющий объяснить, почему растущие запросы людей приводят их к фрустрации. Этот феномен предполагает, что ощущение успеха и неудачи, удовлетворенности и неудовлетворенности связано с предшествующими достижениями человека. Если раньше его достижения были выше их нынешнего уровня, он испытывает неудовлетворенность и фрустрацию. Но если сейчас они превосходят прежние результаты, его охватывает ощущение успеха и удовлетворенности. Однако если человек будет продолжать продвигаться вперед, то скоро адаптируется к успеху. То, что раньше давало ощущение благополучия, начинает восприниматься как нейтральное событие, а то, что прежде воспринималось в качестве нейтрального,

переживается как депривация. Это помогает понять, как отмечают американские исследователи, почему, несмотря на рост реальных доходов, средний житель США не становится счастливее.

В более широкой перспективе действие данного психологического феномена позволяет объяснить достаточно странный на первый взгляд факт, что недовольство преобладает в человеческой жизни над довольством. А также то, что именно оно играет и при любом уровне благосостояния будет играть определяющую роль в динамике социальной жизни. Достаточно привести в качестве примера функционирование современных весьма благополучных западных сообществ, где чередование правительств находится в прямой связи как раз с колебаниями недовольства масс и периодической сменой объекта, на который оно изливается.

Дж. Дэвис также исходил из того, что сама по себе бедность не является достаточной причиной для революции. Революцию могут начать и относительно бедные, и относительно богатые — если для этого появятся психологические предпосылки. Дэвис предложил так называемую модель «кривой J», в которой отражена связь реального изменения экономических условий и динамики ожиданий людей. Если в период экономического роста начинается неожиданный спад и различие между ожиданиями и реальными условиями достигает критической величины, происходит социальный взрыв.

Возникновение или обострение недовольства может усиливаться тогда, когда в близкой человеку социальной среде становятся реальностью новые жизненные стандарты или он знакомится с ними под воздействием так называемого демонстрационного эффекта, связанного преимущественно с деятельностью СМИ.

Общим для понимания относительной депривации является представление о том, что возникновение социального недовольства и революционной активности связывается не с чувством лишенности, а с эмоциональным переживанием обойденности, которое порождается рассогласованием претензий людей и тем, что они имеют на самом деле.

Автор теории протеста Ч. Тилли исходит из того, что подход Дж. Дэвиса не объясняет, как и почему неудовлетворенные своим положением группы мобилизуются для революционных вступлений. Предметом его изучения являются протестные коллективные действия, направленные на свержение существующего социального строя. Он выделяет следующие стадии формирования таких действий:

1) организацию протестной группы или групп, спектр которой простирается от спонтанно формирующихся толп до революционных групп со строжайшей дисциплиной;

2) мобилизацию как, словами Тилли, процесс продвижения группы от пассивного собрания индивидов к активному участию в публичной жизни. Главную роль в мобилизации играют способы, при помощи которых группа овладевает материальными и моральными ресурсами, необходимыми для коллективных действий;

3) наличие общих интересов участников коллективного действия;

4) благоприятные обстоятельства для достижения целей революции.

Коллективные формы протеста начинают активно развиваться как средства мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у людей отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения или когда власти отвечают им прямыми репрессиями. Исторический опыт показывает, что большинство проявлений коллективных действий первоначально не имеет насильственного характера. И хотя в некоторых ситуациях власти вынуждены реагировать на насилие, гораздо чаще они выступают его инициаторами. Революционные движения представляют собой такой тип коллективного действия, который возникает, согласно терминологии Тилли, в ситуациях множественного суверенитета, которая включает:

появление соперников или коалиции соперников, выдвигающих исключительные требования контроля над государством, которое в данный момент контролируется членами определенной политической системы;

приверженность этим требованиям значительной части населения (особенно в случае активизации данной приверженности перед лицом запретов или вопреки указам правительства);

неспособность или нежелание агентов государства подавить альтернативную коалицию и/или приверженность ее требованиям и связанную с этим потерю контроля над отдельными сферами государственной жизни.

В итоге Ч. Тилли выводит формулу «идеализированной последовательности хода революционных событий», которая включает следующие фазы: 1) значительную мобилизацию претендентов, выдвигающих исключительные требования контроля над государством, которая сама по себе требует исключить членов существующей политической системы; 2) стремительное увеличение числа людей, разделяющих эти требования, и/или стремительное расширение коалиции, вклю-

чая отторгнутых или исключенных претендентов; 3) безуспешные попытки государства пресечь альтернативную коалицию и/или удовлетворить ее требования; это может происходить параллельно с попытками демобилизации армии, захвата, девальвации, рассеяния ресурсов, находящихся в распоряжении соперников; 4) установление эффективного контроля со стороны альтернативной коалиции над некоторой частью государства: территориальный раскол, получение оппозицией части мест в правительстве; 5) борьбу коалиции соперников за расширение сферы контроля; 6) реконструкцию политической системы в результате победы или поражения альтернативной коалиции или путем создания временного соглашения (*modus vivendi*) между альтернативной коалицией и некоторыми (или всеми) членами прежней политической системы; фрагментацию революционной коалиции; 7) восстановление рутинного государственного контроля над всем населением [109].

Ч. Джонсон, разрабатывая теорию революции в рамках структурного функционализма Т. Парсонса, рассматривал революционные события как нарушение равновесия социальной системы, которое связано с вызовами среды и необходимостью институционализации новых ценностей. Существуют экзогенные и эндогенные источники изменения ценностей. В качестве примера экзогенных источников изменений он приводит влияние революций в соседних странах, глобальную коммуникацию, миграцию беженцев и т. п. Среди эндогенных источников Джонсон называет замену религиозных властей секулярными правителями, принятие креативных инноваций и т. п. Перспектива возникновения революции в значительной мере связана с политикой правящей элиты, которая способна или неспособна на корректировки своих действий, в частности на приведение норм и ценностей в соответствие с необходимостью адаптации к внешней среде.

Для восстановления равновесия часто требуется политическое насилие. Джонсон разрабатывает социологическую концепцию насилия, которая не включает грубость и жестокость в качестве основных ее составляющих. Некоторая степень насилия, как считает он, характерна для всех социальных систем. Революция лишь одна из форм насилия. Черта, отличающая революционное насилие от преступлений, — оказываемая ему коллективная социальная поддержка, которая не является следствием силового принуждения.

Джонсон предлагает разделять насильственные изменения на уровнях «правительства», «режима» и «сообщества». Смена персон, находящихся в «правительстве», является целью восстания. На смену политического «режима» направлены идеологические восстания, когда восставшие имеют представления о том, как общество должно управляться и быть организовано по-новому. Уровню «сообщества» соответствуют тотальные революции, которые трансформируют социальную систему из одного типа в другой, например инициируют переход от феодализма к капитализму.

Многое в развитии революционных событий зависит от единства правящей элиты и того, сохраняется ли среди управляемых вера в ее компетентность и способность к управлению. Но особую роль играет срабатывание так называемых «акселераторов» революции, лишаящих элиты возможности воспользоваться военным подавлением или реформами и наделяющих революционеров уверенностью в том, что время решительных действий пришло.

Джонсон выделяет три класса акселераторов. Первый – военная слабость и беспорядок, когда революционный класс начинает обретать силу, подрывая тем самым эффективность регулярных вооруженных сил – их дисциплину, организацию, состав или лояльность. Второй – вера протестных групп в то, что они способны успешно преодолеть военное сопротивление элит. Такая уверенность может покоиться даже на допущении, что бог выступает на их стороне, или не иметь никаких оснований. Третий класс акселераторов – операции, запускаемые против военных сил элиты со стороны конспираторов [59].

Т. Скокпол анализирует проблему революции в рамках структуралистской перспективы. Две основные цели структуралистского подхода она видит в том, чтобы, во-первых, определить причины революционного процесса и, во-вторых, описать всю совокупность социальных групп во всей сложности их взаимных переплетений, существующих в предреволюционном обществе.

Причины социальных революций, по мнению Скокпол, следует искать в неравномерном распространении капиталистической экономики и образовании национальных государств, а также в неблагоприятном положении государства на международной арене в условиях конкуренции, в стремлении контролировать свою территорию и население, участвовать в военном соперничестве и др. Подчеркивается также влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в стране трансна-

ционального и всемирно-исторического контекста. Особый акцент делается на том, что государство не является инструментом доминирующего класса, а существует как самодостаточный субъект, часто подчиняющий себе доминирующий класс. Это связано с его стремлением конкурировать или воевать с другими государствами, что имеет своим следствием отток ресурсов из внутренней экономики и необходимость ускорения темпов производства. В том случае, когда власть не сумеет мобилизовать необходимые для реализации такой внешней политики материальные и социальные ресурсы, революция неизбежна [44].

Современные революции, разъясняет свою мысль Т. Скокпол, происходили лишь в странах, находившихся в неблагоприятном положении на международной арене. Особенно сильно влияли на зарождение и ход революций военная отсталость и политическая зависимость. В основе революционной ситуации всегда лежало неравномерное экономическое развитие и неблагоприятный характер взаимодействия в международной системе отношений, особенно поражения в войне. Такое развитие событий подрывало существующие политические институты, открывая путь для конфликтов и структурных преобразований.

«Исторические реалии социальных революций, — делает Скокпол другой вывод, — настоятельно требуют использования подхода, в большей степени учитывающего роль государства». И продолжает: «Политические кризисы, дававшие начало революциям, вовсе не являлись отражением общественной напряженности или классовых противоречий. Скорее они были выражением противоречий в структуре государств старого режима... Влияние революций на дальнейшее экономическое и социально-политическое развитие преобразованных ими стран было связано не только с изменениями в классовой структуре, но также и с изменениями в структуре и функциях государства» [101].

Анализ хода революций позволяет выявить наиболее вероятные стадии (они же закономерности) ее развития, каждая из которых отличается своеобразным характером поведения отдельных или взятых вместе социальных групп.

По версии П. Штомпки, это следующие стадии.

1. Всем революциям предшествуют определенные предпосылки: усиление недовольства и озлобленности, беспорядки и конфликты.

Наиболее болезненно симптомы кризиса ощущают восходящие социальные классы, а не те, кто нищ и подавлен.

2. Происходит смена позиции интеллектуалов, распространение критических взглядов, различных форм агитации, философских или политических памфлетов, доктрин, направленных против существующего строя.

3. Режим пытается отвести нарастающую угрозу частичными реформами, но эти попытки воспринимаются как запоздалые и вынужденные, как признак слабости, и потому они подрывают существующий порядок еще сильнее.

4. Становится все более очевидной неспособность властей к эффективному управлению, что выливается в «паралич государства». Это в конце концов дает возможность революционерам захватить власть.

5. Старый режим рушится, и наступает медовый месяц революции – период эйфории после победы.

6. Среди победителей появляются признаки внутреннего размежевания по кардинальному вопросу, что дальше: консерваторы стремятся к минимальным изменениям, радикалы хотят эти изменения решительно подтолкнуть, умеренные выступают за постепенные реформы.

7. Умеренные реформаторы доминируют, пытаются сохранить некоторую преемственность с прежним режимом. Это входит в противоречие с чаяниями, надеждами и мечтами масс, вызывает у них разочарование.

8. Радикалы и экстремисты получают возможность использовать широко распространившееся недовольство, мобилизуют массы и смещают умеренных реформаторов.

9. Начинается стадия террора, когда радикалы пытаются ввести порядок силой и стереть все приметы старого режима. Возникающие социальные беспорядки создают благодатную почву для захвата власти диктаторами или военными.

10. Постепенно восстанавливается некоторое равновесие, и наступает окончательная стадия – «излечение от революционной горячки», когда действия радикалов осуждаются и акцент смещается с политических изменений на экономический прогресс и формирование стабильных институтов [130, с. 373–374].

Обновленный социальный порядок – неизбежное следствие революции при всех неоднозначных поворотах в ее истории. Никакая

реставрация, справедливо замечает Я. Щепаньский, после подавления революции не может восстановить предреволюционный порядок без изменений. Течение революции оставляет слишком глубокие следы в системах ценностей, в образцах поведения, в обычаях и неформальной организации общности, в иерархии престижа и т. д., чтобы можно было полностью реставрировать старый социальный порядок. Это, в частности, убедительно показывает историческое исследование реставрации после падения Наполеона. Процесс конституирования нового социального порядка проходит тем безболезненнее, чем быстрее внедряются соответствующие изменившимся условиям формы устройства общественной жизни [127, с. 220].

Что касается основных требований к новому социальному порядку, то они всегда были одинаковыми: во-первых, способствовать институционализации новых форм жизни. Во-вторых, вносить в изменившуюся жизнь людей достаточное организующее начало. Здесь уместно вспомнить тезис П. А. Сорокина о двух стадиях, характеризующих любую революцию. Отличающее первую стадию требование безграничной свободы, писал он в работе «Социология революции», изданной в 1923 г., сменяется жаждой порядка; хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными словами — организаторов порядка. «Порядок!» и «Да здравствуют творцы порядка!» — таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (Гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, такой является сейчас Россия [103, с. 293].

Таким образом, наличие социальных групп, прежде всего классов, имеющих различные, тем более противоположно направленные интересы, неизбежно порождает социальную напряженность и конфликты, в конечном счете — классовую борьбу.

Проблематика социального конфликта и классовой борьбы является центральной у К. Маркса. В его интерпретации борьба классов носит непримиримый характер и неизбежно ведет к смене старого социально-экономического и политического строя. С именами создателей функционального направления в трактовке конфликта Г. Зиммеля и Л. Козера связан акцент на мирном разрешении конфликтов и их позитивных социальных последствиях.

Логическое завершение столкновения доминирующих социальных сил — революция. К. Маркс, указывая на основополагающую роль

социальных революций в определении путей развития общества, называл их локомотивами истории. Структурные основания революции он раскрывал, когда писал, что на известной ступени своего развития производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Основная пружина механизма разрешения этого противоречия – классовая борьба.

В. И. Ленин, отмечая, что революция невозможна без революционной ситуации, указывал на три ее главных признака: невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, или кризис «верхов»; обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; как следствие, значительное повышение активности масс. Субъективным условием, превращающим революционную ситуацию в революцию, Ленин считал наличие партии, которая вооружена революционной теорией и способна возглавить массы.

П. Сорокин непосредственную предпосылку любой революции видел в увеличении числа подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможности даже минимального их удовлетворения. Второе условие, необходимое для пробуждения революционной активности широких масс, – это, и на его взгляд, кризис «верхов».

Другой подход к объяснению стремления людей изменить существующий порядок представлен теорией относительной депривации. Т. Гурр определяет относительную депривацию как восприятие деятелем расхождения между его ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. Дж. Дэвис также исходит из того, что сама по себе бедность не является достаточной причиной для революции.

Предмет изучения Ч. Тилли – протестные коллективные действия и процесс их формирования. Ч. Джонсон рассматривает революционные события как нарушение равновесия социальной системы, которое связано с вызовами среды и необходимостью институционализации новых ценностей. Т. Скокпол причины революций видит в неравномерном распространении капиталистической экономики и в неблагоприятном положении отдельных государств на международной арене, их стремлении контролировать свою территорию и население, участвовать в военном соперничестве и др.

Принято выделять ряд закономерностей (стадий), которые свойственны любой революции. При некотором разнообразии подходов

их авторы сходятся на том, что закономерным следствием революций является обновленный социальный порядок. П. А. Сорокин отразил эту закономерность, говоря о двух стадиях, характеризующих любую революцию: стадии свободы и стадии порядка. Что касается основных требований к новому социальному порядку, то они всегда одинаковы: во-первых, способствовать институционализации новых форм жизни. Во-вторых, вносить в изменившуюся жизнь людей достаточное организующее начало.

Глава 8. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

В социальной науке существует два основных теоретико-методологических подхода к объяснению развития общества: эволюционный, включая формационный подход, и теория исторических циклов (цивилизационный подход).

8.1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Пожалуй, к первой социальной эволюционистской теории следует отнести теорию прогресса Ж.-А. Кондорсе. Суть своей главной идеи он выразил словами: «Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но он никогда не пойдет вспять» [65, с. 5–6].

В истории человечества Кондорсе выделяет десять эпох. Первая эпоха – образование племенных сообществ, вторая – переход к оседлому образу жизни, пастушеству и земледелию, третья – развитие оседлого земледелия и изобретение письменности, четвертая – расцвет науки и искусства в Древней Греции, пятая – развитие наук в Греции и Риме до их упадка и утверждения христианства, шестая – от упадка просвещения в Позднем Риме до его возрождения во времена крестовых походов, седьмая – начало возрождения наук в Европе, завершающееся изобретением книгопечатания, восьмая – духовный переворот, обусловленный изобретением книгопечатания, но подготовленный подспудно многими столетиями, девятая – от Р. Декарта до образования Французской республики, наконец, десятая – это эпоха будущего, когда благодаря развитию науки и просвещения в умах утвердится идея «естественного права», будут достигнуты ра-

венство, справедливость и гуманизм в отношениях между людьми, начнется действительное совершенствование человека и т. п.

Основой общественного прогресса Ж.-А. Кондорсе считал прогресс разума, творческие акты которого, как то переход к земледелию, изобретение письменности, книгопечатания и т. п., определяли возникновение новой исторической эпохи. Неслучайно свой основной труд, в котором он излагает идеи, касающиеся социального прогресса, Кондорсе назвал «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». «Природа, — пишет он в ней, — неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека» [65, с. 12].

О. Конт в своей социальной динамике пытается объяснить историю человеческого рода на основе знаменитого «закона трех стадий». «Согласно моей основной доктрине, — раскрывал он суть этого закона в книге “Дух позитивной философии”, — все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями — теологическая, метафизическая и научная... Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая — представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение — постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным» [67].

Интеллектуальная эволюция человечества влечет изменения организации общественной жизни.

Теологическая стадия отличается верой в действия сверхъестественных сил и проходит через три периода: фетишизм, анимизм (вера в духов или душ, имеющих у вещей, растений и животных), политеизм (многобожие), монотеизм (вера в единого бога). В исторической хронологии эта стадия охватывает древность и раннее Средневековье.

На метафизической стадии ссылки на сверхъестественные силы заменяются абстракциями, по своей природе способными, словами Конта, «лишь проявлять критическую или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов» [67]. В исторической практике эта стадия характе-

ризовалась разрушением старых верований и авторитетов во времена Реформации, Просвещения, социальных революций.

Позитивная стадия развития начинается тогда, когда наш ум «отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям» [67]. Наступает эпоха науки и промышленности.

Социальная динамика рассматривается Контом в тесной взаимосвязи с социальной статикой. «Социальная статика, — пишет по этому поводу Р. Арон, — поставила в повестку дня основной порядок любого общества, социальная же динамика воспроизводит метаморфозы, которые испытал этот фундаментальный порядок, прежде чем он вышел на конечную стадию позитивизма. Динамика подчинена статике. Ведь понимание того, что есть история, начинается с постижения порядка любого общества. Статика и динамика соотносятся с терминами порядка и прогресса» [7, с. 100]. Словами самого О. Конта, прогресс есть только развитие порядка [68, с. 122].

Согласно Г. Спенсеру, подобно эволюции природы в основе механизма социальной эволюции лежит принцип структурной и функциональной дифференциации. В развитии общества он проявляется тройным образом. Во-первых, однообразному, гомогенному населению присуща нестабильность, люди в основе своей неравны с точки зрения приобретенного наследства, индивидуального опыта, условий, в которых они живут, случайностей, лишений, с которыми сталкиваются. Таким образом, обязательно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности. Во-вторых, существует тенденция к усилению неравенства, углублению специализации ролей, росту неравенства власти и достатка. В-третьих, поскольку люди, занимающие одинаковое положение (относительно ролей, функций, престижа, достатка), как правило, стремятся объединиться, постольку общество начинает делиться на фракции, классы, группы по классовым, национальным или профессиональным различиям. Появляются границы, охраняющие эти объединения, поэтому сегрегация населения усиливается и возвращение к гомогенности становится невозможным [130, с. 100].

Указывая направленность социальной эволюции, Спенсер, как уже отмечалось выше, на основе дихотомического подхода противопоставил военное и промышленное общества. Их сравнение он провел по восьми параметрам. Содержательно, в интерпретации Н. Дж. Смелзера и П. Штомпки, оно выглядит следующим образом.

Доминирующая активность: в военном обществе — защита и завоевание территорий; в промышленном обществе — мирное производство и обмен товарами и услугами.

Интегративный (объединяющий) принцип: в военном обществе — напряженность, жесткие санкции; в промышленном обществе — свободная кооперация, договоренности.

Отношения между индивидами и государствами: в военном обществе — доминирование государства, ограничение свободы; в промышленном обществе — государство обслуживает потребности индивидов.

Отношения между государствами и другими организациями: в военном обществе — доминирование государства; в промышленном обществе — доминирование частных организаций.

Политическая структура: в военном обществе — централизация, автократия; в промышленном обществе — децентрализация, демократия.

Стратификация: в военном обществе — предписание статуса, низкая мобильность, закрытое общество; в промышленном обществе — достигнутый статус, высокая мобильность, открытое общество.

Экономическая активность: в военном обществе — автаркия, протекционизм, самодостаточность; в промышленном обществе — экономическая взаимозависимость, свободная торговля.

Доминирующие ценности: в военном обществе — смелость, дисциплина, подчинение, лояльность, патриотизм; в промышленном обществе — инициативность, изобретательность, независимость, плодотворность.

Ф. Теннис, не отождествлявший эволюцию с прогрессом, видел механизм социального развития в том, что рассудочная, рациональная воля, составляющая основу общественных отношений, стала преобладать над естественной, инстинктивной волей, лежащей в основе общинных связей. «Становление рациональности, — писал он, — есть становление общества, которое развивается в согласии с общиной, как изначальной, или, по крайней мере, более старой формой совместного жительства, частично в вопиющем противоречии с ней» [144, с. 465].

Э. Дюркгейм рассматривал социальную эволюцию как переход от «механической солидарности» к «органической солидарности». Основу данного перехода составляет углубляющееся общественное разделение труда. В свою очередь, по словам Дюркгейма, «причину, объясняющую прогресс разделения труда, следует искать в определенных изменениях социальной среды» [50, с. 262].

Раскрывая эти изменения, он поясняет, что прогресс разделения труда прямо пропорционален моральной или динамической плотности общества, которая состоит в том, что становится «больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга». Моральная плотность увеличивается на основе роста материальной плотности, «когда действительное расстояние между индивидами каким-то образом уменьшилось» [50, с. 263]. Происходит упоминаемое выше уменьшение расстояния вследствие территориальной концентрации населения, образования и развития городов, появления быстрых путей сообщения и связи [50, с. 264–266].

Согласно Т. Парсонсу, в основе социальной эволюции лежат четыре основных механизма:

дифференциация, т. е. разделение единой структуры или системы на две или более единицы, которые различаются своими характеристиками и функциональным назначением. Таким образом произошло разделение крестьянского хозяйства на домашнее хозяйство и современную организацию наемного труда;

возрастание адаптивности, т. е. увеличение эффективности каждой новой единицы по сравнению с прежней, благодаря чему ей становится доступен более широкий диапазон ресурсов и повышается эффективность функционирования. Так, современная фабрика выпускает больше разнообразной продукции и делает это более эффективно, чем ремесленное производство;

включение, т. е. интеграция в общество новых единиц (норм, ценностей, правил и т.п.), при условии сохранения их слаженной работы в новых условиях. Например, возрождение на постсоветском пространстве многообразия форм собственности;

ценностная генерализация, т. е. формирование общих нормативных стандартов путем включения разнообразных новых единиц и гарантии их поддержки и легитимности. Например, развитие индивидуализма в сочетании с сохранением коллективистских основ общественной жизни.

В эволюционистской традиции особо следует выделить формационный подход. Его системообразующими элементами являются понятия «общественно-экономическая формация», «способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «экономический базис», «политико-правовая и идеологическая надстройка». Развитие и смена общественно-экономических формаций объясняются действием закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил. Развитие общества оценивается как идущее по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация считается более прогрессивной, чем предыдущая. Ведущая роль в определении траектории общественного развития отводится объективным социальным законам, в рамках которых действуют большие социальные группы, прежде всего классы, посредством действий которых, в первую очередь классовой борьбы, на практике реализуются исторические закономерности. В качестве силы, побуждающей к социальному действию, рассматриваются интересы людей. Они берутся как производные от социального положения индивидов, прежде всего отношения к собственности и уровня жизни, и выражают их стремление к сохранению или изменению этого положения, а в итоге — социального строя целиком.

Критика формационного подхода сосредоточена главным образом в трех тематических полях. Она касается, во-первых, чрезмерного акцента на доминировании в общественном развитии объективных законов в противовес роли человеческого фактора. Во-вторых, преувеличения значения экономической доминанты функционирования и развития общества. В-третьих, недостаточного отражения всего многообразия реальной социокультурной динамики исторического развития. Как известно, сам К. Маркс для корректировки пятичленной теории общественно-экономических формаций вынужден был ввести понятие «азиатский способ производства».

В социальной эволюционистской традиции существует два основных подхода к периодизации развития общества. Согласно марксистскому подходу, развитие общества проходит через пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинный строй, рабовладельческое общество, феодальное общество, капиталистическое общество и коммунистическое (социалистическое) общество.

От К. А. Сен-Симона, О. Конта и Э. Дюркгейма берет начало деление общества на традиционное (доиндустриальное, докапиталистическое) и индустриальное (капиталистическое, современное). Впоследствии Д. Белл дополнил эту периодизацию понятием «постиндустриальное общество».

В табл. 1 представлены сравнительные характеристики традиционно-аграрного и капиталистического типов общества у М. Вебера и традиционного и современного общества, согласно Т. Парсонсу.

Таблица 1

Сравнительные характеристики традиционно-аграрного и капиталистического типов общества у М. Вебера
(в реконструкции Р. Коллинза)

Признаки	Традиционно-аграрное общество	Капиталистическое общество
Характер собственности	Привязана к наследственному социальному статусу (земельная аристократия)	Частная собственность на все средства производства и их концентрация под контролем предпринимателей (земля, строения, оборудование, сырье находятся под контролем одного агента и свободно обмениваются как частные средства рынка)
Механизация работы	Практически не существует	Механизация труда как доминирующая технология, позволяющая точно рассчитывать и учитывать капитал. Эффективность, производительность, рациональная организация как ведущие принципы производства
Природа рабочей силы	В основном подневольная (личное рабство или крепостничество, т. е. закрепление на земле)	Труд свободен в перемещении между отраслями и регионами соответственно появляющейся потребности в нем. Непосредственные производители продают свой труд за заработную плату как товар на открытом рынке

Признаки	Традиционно-аграрное общество	Капиталистическое общество
Рынок	Очень ограниченный (налоговыми барьерами, опасностью грабежей, слабо развитым денежным обращением, недостаточностью средств транспортировки). В результате возникают либо местные рынки, либо ограниченные дальние рынки предметов роскоши	Торговля на открытом рынке не ограничена традиционными рамками (классовые монополии, ограничения собственности, протекционизм и т. д.). Рынок как организующий принцип распределения и потребления
Преобладающие законы	Частные, различным образом применяемые к разным социальным группам, патримониальное внесение решений и поддержка	Универсальные, повсюду четко сформулированные законы, позволяющие заключать соглашения и подтверждать права
Доминирующие мотивации	Концентрируются вокруг удовлетворения нужд на привычном уровне. Восприятие традиционного стиля жизни и уровня прибыли, как это сформулировал Вебер: «Возможность больше зарабатывать была менее привлекательна, чем меньше трудиться»	Неограниченное приобретение (постоянно растущая прибыль) как конечная мотивация экономического поведения

Создателем классической теории «индустриального общества» чаще всего называют У. Ростоу, имея в виду его теорию перехода к «самоподдерживающемуся росту» (теорию «стадий экономического роста»). Согласно этой теории общество в своей истории проходит пять стадий, которые различаются преимущественно уровнем технико-экономического развития и соответствующим ему характером социальных отношений.

Первая стадия экономического роста – традиционное общество (*the traditional society*). В нем господствует сельскохозяйственное производство, где занято более 75 % трудоспособного населения. Социальная структура имеет отчетливо выраженный иерархический характер, политическая власть сосредоточена в руках земельных собственников. Вторая стадия – период создания предпосылок для взлета (*the preconditions for take-off*) – является переходной к следующей стадии и характеризуется приоритетным развитием трех непромышленных сфер экономики: сельского хозяйства, транспорта и внешней торговли. Третья стадия, или «взлет» (*the take-off*), – это период промыш-

ленной революции, во время которой происходит резкое увеличение доли производственных инвестиций, быстрое внедрение новой техники и ускоренное развитие одного или нескольких базовых секторов промышленности. Эта стадия охватывает сравнительно небольшой промежуток времени: 20–30 лет. В Англии она приходится на конец XVIII в., во Франции и Северной Америке – середину XIX в., в России – на 1890–1914 гг., в Китае и Индии – на начало второй половины XX в. Четвертая стадия – «движение к зрелости» (*the drive to maturity*) – представляет собой этап длительного технического прогресса и доминирования промышленности, который сопровождается существенным повышением доли высококвалифицированного труда и активными процессами урбанизации. Пятая стадия – «эпоха высокого массового потребления» (*the age of high mass consumption*). Ей соответствует сдвиг от производства к потреблению, когда промышленность начинает концентрироваться на производстве товаров массового потребления и резко возрастает значимость сферы услуг.

Таблица 2

«Паттерн-переменные» традиционного и современного общества
(согласно Т. Парсонсу)

«Паттерн-переменные»	Традиционное общество	Современное общество
Уровень отчетливости социальной структуры	Диффузность, т. е. неотчетливый, незакрепленный, сам собою разумеющийся характер ролей, групп, социальных отношений	Спецификация, т. е. сформировавшаяся специализация ролей и отношений, четкое разделение труда, обеспечивающее взаимодействие в группах
Основание статуса	Предписание, т. е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям, основанное на наследовании по рождению или родству	Достижение, т. е. отнесение к ролям, статусам, группам, отношениям, основанное на личных усилиях и заслугах
Критерий рекрутирования	Партикуляризм, т. е. выбор и отношение к партнерам по социальным отношениям, равно как и доступ к ролям и группам, основанный на уникальных личных чертах потенциальных кандидатов, не относящихся непосредственно к выполняемой работе, или по характеру групп и взаимоотношений	Универсализм, т. е. выбор и отношение к партнерам по социальным отношениям, равно как и доступ к ролям и группам, базирующийся на общих, категориальных чертах, непосредственно относящихся к задачам и характеру групп или отношений

«Паттерн-переменные»	Традиционное общество	Современное общество
Критерий оценки	Коллективизм, т. е. оценка и восприятие людей, связанные с их членством в группах, коллективах, сообществах, племенах. Наиболее важно то, к каким группам принадлежат люди, а не то, кто они есть сами по себе	Индивидуализм, т. е. оценка и восприятие людей, сосредоточенные на их индивидуальных действиях. Наиболее важно то, что люди делают
Роль эмоций	Эмоциональность, т. е. вторжение эмоций в социальную жизнь	Нейтральность, т. е. подавление эмоциональных проявлений, деловая, рациональная атмосфера в социальной жизни

Общие черты эволюционной традиции кратко можно выразить следующим образом. Человеческая история имеет единую форму и направленность развития, которая отождествляется с прогрессом. Различия отдельных сообществ связаны с неодинаковой скоростью их развития. Эволюционные изменения являются строго линейными, носят predetermined характер. Они направлены от простых состояний к более сложным, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации. В основе эволюции общества лежит универсальный и единообразный причинный механизм, выражающий его потребность в самотрансформации и действующий независимо от сознания и воли людей.

Переоценка идей социального эволюционизма, включая концепцию общественно-экономических формаций, стала отправным пунктом дальнейшего развития теории социальных изменений. Оппоненты классического эволюционизма прежде всего поставили под сомнение существование единой формы и направленности исторического процесса. Представлению о строго линейном, однообразном характере социального развития было противопоставлено положение о многообразии мира, своеобразии исторического пути различных сообществ людей. Получила распространение точка зрения, что причины социальных изменений нельзя свести к действию какого-то одного, пусть и очень важного фактора. Обычно эти изменения – итог своеобразного взаимодействия группы факторов. Наконец, постепенно усиливалось убеждение, что многие социальные изменения являются результатом вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей. Ответом

эволюционизму стала разработка альтернативных объяснений общественного развития. Но прежде всего под вопрос была поставлена сама правомерность поиска каких-либо закономерностей этого процесса.

Так, К. Поппер исходил из того, что вера в историческую необходимость, которую он называл историцизмом, является явным предрассудком и что невозможно предсказывать ход человеческой истории научными или какими-либо другими рациональными методами. В доказательство своей позиции он приводил пять основных принципов опровержения историцизма:

значительное воздействие на человеческую историю оказывает развитие человеческого знания;

рациональные, или научные, способы не позволяют нам предсказать развитие научного знания;

таким образом, ход человеческой истории предсказать невозможно;

это означает, что теоретическая история невозможна; иначе говоря, невозможна историческая социальная наука, похожая на теоретическую физику. Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием;

таким образом, свою главную задачу историцизм формулирует неправильно и поэтому он несостоятелен [91].

Историцизму К. Поппер противопоставил поэтапную социальную инженерию (*the piecemeal social engineering*), т. е. постепенное, поэтапное применение научных методов к проблемам социальных реформ.

Р. Будон, руководствуясь тезисом, что «законы изменения — абсолютные, универсальные или причинно-следственные — представляют собой практически пустую конструкцию» [25, с. 218], приходит к выводу, что «единственное, что имеет место быть, — это историческое становление во всей его сложности» [25, с. 274].

8.2. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Переоценка идей социального эволюционизма, включая концепцию общественно-экономических формаций, стала отправным пунктом создания других теоретических объяснений развития общества. Оппоненты классического эволюционизма прежде всего поставили

под сомнение существование единой формы и направленности исторического процесса. Представлению о строго линейном, однообразном характере социального развития было противопоставлено положение о многообразии мира, своеобразии исторического пути различных сообществ людей. Под сомнение была поставлена идея прогресса. Получила распространение точка зрения, что причины социальных изменений нельзя свести к действию какого-то одного, пусть и очень важного фактора. Обычно эти изменения – итог своеобразного взаимодействия группы факторов, а доминирование какого-то одного из них, скорее, носит временный характер. Наконец, постепенно усиливалось убеждение, что многие социальные изменения – результат вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей.

Наиболее успешной из альтернатив социальному эволюционизму стала теория исторических циклов, или круговоротов, включая цивилизационную теоретико-методологическую традицию объяснения исторического развития.

Впервые идея исторического круговорота, или циклического развития, согласно которой каждая нация в своей истории проходит через три этапа: от зарождения через расцвет к упадку, была выдвинута в XVIII в. Дж. Вико в труде «Основания новой науки об общей природе наций». Каждая нация проходит, словами Вико, «через три века: век богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением... и что все решительно им приказывается... оракулами; век героев, когда последние повсюду царствовали в аристократических республиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; и, наконец, век людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе» [34, с. 31].

Особо Вико выделяет социально-культурные признаки, которые присущи всем нациям и поэтому позволяют говорить о них как таковых. По этому поводу он пишет: «Наблюдая все нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующих человеческих обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников... у всех наций именно с этих трех вещей должна была начаться культура... Поэтому мы и приняли эти три вечных и всеобщих обычая за три основания нашей нации» [34, с. 37]. Что касается происхождения наций, то, буду-

чи человеком религиозным и отдавая должное божественному провидению, Дж. Вико тем не менее, заявляет, что мир наций был, безусловно, сделан людьми и потому способ его возникновения нужно найти в модификациях нашего собственного человеческого сознания.

Оценивая дальнейшее развитие цивилизационной традиции, следует исходить из того, что она включает в себя целый ряд оригинальных объяснительных конструкций, часто существенно различающихся между собой. С известной долей условности объединить их можно в две группы, первая из которых — теория локальных цивилизаций.

Родоначальником теории локальных цивилизаций можно считать Н. Я. Данилевского. Он исходил из того, что история человечества не имеет единой линии развития, или, следуя его выражению, «деление истории на древнюю, среднюю и новую, хотя бы и с прибавлением древнейшей и новейшей, или вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания ее» [48, с. 106]. «Естественная система истории, — продолжает он, — должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений» [48, с. 109].

К культурно-историческим типам, или самобытным цивилизациям, располагая их в хронологическом порядке, он относил: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. «Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, — писал он, — были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены» [48, с. 110]. Особое место он отводил славянскому культурно-историческому типу, с которым связывал перспективы социального прогресса.

Характеризуя культурно-исторические типы, он говорил о них как о самостоятельных, своеобразных планах религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом исторического, развития. Каждый культурно-исторический тип проходит стадии, типичные для любого живого организма: рождение, возмужание, дряхление, смерть. Данилевский соотносит их с четырьмя периодами в развитии каждого культурно-исторического типа: этнографическим, государственным, цивилизационным,

периодом конца культуры. Во время первого периода создается запас сил для будущей активной деятельности народа, складывается национальный характер. Второй период состоит в строительстве сильного государства как условия независимого самобытного развития. Третий, самый короткий период, заключается в культурном творчестве в рамках цивилизации и постепенных растратах накопленного запаса. Наконец, четвертый означает возникновение неразрешимых противоречий и гибель культурно-исторического типа.

Другим представителем теории локальных цивилизаций является О. Шпенглер. Линеарной (линейной) картине всемирной истории Шпенглер противопоставлял «настоящий спектакль множества мощных культур», «чеканящих каждая на своем материале — человечестве — *собственную* форму и имеющих каждая *собственную* идею, *собственные* страсти, *собственную* жизнь, воления, чувствования, *собственную* смерть» [128, с. 151]. Шпенглер выделил восемь «высших культур»: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую, мексиканскую и западную (возникла примерно в 1000 г. н. э.).

Основу культуры составляет «идея души». Историю культур нельзя объяснить каузально, т. е. с точки зрения причинности. У каждой души культуры есть своя «идея судьбы». «Культура рождается в тот миг, — пишет Шпенглер, — когда из прадушевного состояния вечно-младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа... Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук и таким образом снова возвратилась в прадушевную стихию» [128, с. 264]. Говоря об отдельных культурах, Шпенглер отмечает, что, например, душе античной культуры присущ «покой в сиюминутности, замыкающейся перед всем далеким и грядущим»; фаустовской — «энергия направления, взор которой устремлен лишь в отдаленнейшие горизонты»; китайской — «самоуглубленное скитание, приводящее-таки однажды к цели»; египетской — «полная решимости поступь по однажды выбранному пути» [128, с. 336].

Культуры представляют собой организмы. Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, своя юность, своя возмужалость и старость. «Я отличаю, — писал Шпенглер, — *идею* культуры, совокупность ее внутренних возможностей от ее чувственного *проявления* в картине истории как дос-

тигнутого уже осуществления... История культуры есть поступательное осуществление ее возможностей. Завершение равносильно концу» [128, с. 262]. «Завершение и исход культуры» он называет цивилизацией. Это «неизбежная судьба культуры» [128, с. 163]. Ее отличительным признаком становится замена местной перспективы космополитизмом, кровных уз — городскими связями, естественной религиозной чувственности — научным и абстрактным подходом, народных ценностей — массовыми, истинных ценностей — деньгами, материнства — сексом, консенсуса — политикой грубой силы. В конечном счете всемирная история становится общей биографией культур. «В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории» [128, с. 262].

Наиболее завершенный вариант теории локальных цивилизаций представлен идеями А. Дж. Тойнби, который считал цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими и историческими рамками. В 20-томном труде «Постижение истории» он выделил двадцать одну цивилизацию. Его список из 21 цивилизации во многом совпадает со списками Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, хотя и является более широким. Он называет следующие цивилизации: египетскую, андскую (инки), древнекитайскую, минойскую, шумерскую, майяскую (уровень каменного века, в VII в. распадается на юкатанскую и мексиканскую цивилизации), сирийскую, индскую, хеттскую, эллинскую (греко-римская культура), западную, дальневосточную (в Корее и Японии), православную христианскую (в Византии и на Балканах), православную христианскую в России, дальневосточную — основную (в Китае), иранскую, арабскую, индуистскую, мексиканскую (тольтеки и ацтеки), юкатанскую (поздняя цивилизация майя), вавилонскую. Тойнби выделяет также неродившиеся цивилизации (дальнезападную христианскую, дальневосточную христианскую, скандинавскую, неродившуюся сирийскую «эпохи гиксосов» — середины II тысячелетия до н. э.), а также особый класс задержанных цивилизаций, которые родились, но были остановлены в своем развитии (эскимосы, кочевники Великой степи, османы, спартанцы, полинезийцы).

Успешно развивающиеся цивилизации проходят стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Механизм развития цивилизаций Тойнби основывал на действии закона Вызова-и-Ответа. «Общество, — пишет он, — в своем жизненном процессе сталкивается

с рядом проблем, и каждая из них есть вызов» [111, с. 108]. «Вызов, — продолжает он, — побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [111, с. 119–120].

Вызовы данному обществу Тойнби связывал с действием внешних по отношению к нему факторов: природной среды (климатических и географических условий) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Выработка адекватного ответа на вызовы — дело всей человеческой общности, но особо ответственная роль выпадает на долю творческих личностей и групп. «Творческие личности, — пишет Тойнби, — при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь» [111, с. 260]. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису (подражанию). Вариативный характер возможных ответов на разного рода внешние и внутренние вызовы — одна из базовых причин социокультурного своеобразия различных регионов, формирования локальных культур и цивилизаций.

Вторая разновидность цивилизационной исследовательской традиции рассматривает цивилизацию как единый процесс развития человеческого сообщества, в основе которого лежит преимущественно изменение комплекса социально-культурных факторов. Такой подход характерен прежде всего для циклической теории динамики культурных суперсистем П. Сорокина.

Сорокин выделяет три типа культурных суперсистем, которые, циклически сменяя одна другую, в разные периоды доминируют в общечеловеческой истории. Два противоположных типа культурных суперсистем: идеациональная и чувственная; промежуточная между ними — идеалистическая. Своеобразие культурных суперсистем основывается на различии представлений о природе реальности.

Идеациональная суперсистема имеет сверхчувственную природу, божественное начало. «Унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности, — пишет Сорокин, — может быть названа идеациональной» [103, с. 430]. Высшей идеациональной истиной является «истина веры». «Она непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях» [103, с. 463]. Идеацио-

нальная истина постигается с помощью мистического опыта, божественной интуиции и вдохновения. Черты идеациональной культуры отчетливо проявляются в культуре брахманской Индии, Древнего Китая (VIII–VI вв. до н. э.), Древней Греции (IX–VI вв. до н. э.) и в западноевропейском Средневековье V–XII вв.

Чувственная (сенситивная) суперсистема культуры основывается на принципе, что объективная действительность реальна и может адекватно восприниматься нашими органами чувств. «Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств, реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-либо такое, чего мы не можем прочувствовать, а это – эквивалент нереального, несуществующего. Как таковым им можно пренебречь» – так определяет суть этой социокультурной суперсистемы П. Сорокин [103, с. 430].

Данная культурная суперсистема существовала во времена палеолита, в древней Ассирии, в античной Греции и Риме. Начиная с XV в. этот тип культуры стал доминирующим в Западной Европе. «В период своего восхождения и расцвета, – отмечает Сорокин, – она создала наиболее великолепные культурные образцы во всех секторах западной культуры. В течение этих веков она вписала наиболее яркие страницы человеческой истории. Однако ни одна из конечных форм, ни чувственная, ни идеациональная, не вечна. Рано или поздно ей суждено исчерпать свой созидательный потенциал. Когда наступает этот момент, она начинает постепенно разрушаться и вовсе исчезает. Так случалось несколько раз в истории основных культур прошлого; то же происходит и сейчас с нашей чувственной формой, вступившей нынче в период своего заката» [103, с. 435].

П. Штомпка дает следующую обобщенную характеристику каждой из данных культурных суперсистем, представляя их как идеальные типы.

Умозрительная культура характеризуется следующими признаками: 1) реальность по своей природе духовна, нематериальна, скрыта за чувственными проявлениями (например, Бог, нирвана, дао, Брахма). Она вечна и неизменна; 2) потребности и цели людей в основном духовны (спасение души, служение Господу, исполнение священного долга, моральные обязанности); 3) для удовлетворения этих целей предпринимаются усилия по освобождению личности от чувственных соблазнов, повседневных земных забот. Отсюда вытекают по меньшей мере два вывода: истина постигается лишь посредством внут-

ренного опыта (откровение, медитация, экстаз, божественное вдохновение), и потому она абсолютна и вечна; идея добра коренится в нематериальном, внутреннем, духовном, в сверхчувственных ценностях (вечная жизнь, Град Господень, слияние с Брахмой).

Посылки второго типа («чувственной культуры») прямо противоположны: 1) реальность по своей природе материальна, доступна чувствам, она перемещается и постоянно изменяется; 2) потребности и цели людей чисто плотские, или чувственные (голод и жажда, секс, убежище, комфорт); 3) для удовлетворения этих целей необходимо использовать внешнее окружение. Отсюда также вытекают два вывода: истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер. Добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств [103, с. 198].

Промежуточной между сверхчувственной и сверхрациональной суперсистемами является идеалистическая культура. Она, пишет Сорокин, «частично сверхчувственна и частично чувственна; она охватывает сверхчувственный и сверхрациональный аспекты, плюс рациональный и, наконец, сенсорный, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Культурная система, воплощающая эту посылку, может быть названа идеалистической» [103, с. 431]. Ее расцвет приходится на золотой век античной культуры (V–IV вв. до н. э.) и раннее европейское Возрождение (XII–XIV вв.).

Давая оценку данному варианту цивилизационной традиции, следует отметить, что постулируемые ею единообразие, а в значительной мере и предзаданность, однонаправленность общественного развития делают ее отчасти схожей с формационным или – шире – эволюционным подходом.

Своеобразным современным вариантом цивилизационного подхода объяснения истории стал мир-системный подход, который рассматривает развитие не отдельных обществ и цивилизаций, а их групп, точнее, в формулировке авторов, систем. Пожалуй, наиболее известным представителем мир-системного подхода является И. Валлерстайн.

Валлерстайн исходит из того, что определяющей характеристикой социальной системы является «существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны. Ясно, что

такой экономической обмен может существовать без общей политической структуры и даже, что еще более очевидно, без общей разделяемой всеми культуры» [28, с. 23].

Социальные (исторические) системы Валлерстайн подразделяет на два типа: мини-системы и миры-системы (миры-экономики и миры-империи). Мини-система, по его определению, – это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собирательских обществах. Миросистема – это общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда, продолжает он свои рассуждения, логически следует, что могут существовать две разновидности такой миросистемы – с общей политической системой и без нее. Их он описывает соответственно как мир-империю и как мир-экономику [28, с. 24].

Миры-экономики исторически были нестабильными структурами, которые приходили либо к дезинтеграции, либо к завоеванию одной группой и тем самым к трансформации в мир-империю. Примерами таких миров-империй, возникших из миров-экономик, он считает великие цивилизации в период до Нового времени: Китай, Египет, Рим. В свою очередь, так называемые империи XIX в. (Великобритания или Франция) были вовсе не мирами-империями, а национальными государствами с колониальными придатками, действующими в рамках единой мироэкономики.

Миры-империи по своей экономической форме в основе были перераспределительными. Они, по выражению Валлерстайна, «питали группы купцов, вовлеченных в экономический обмен (прежде всего в торговлю на большие расстояния), но такие группы, пусть и значительные, составляли лишь небольшую часть всей экономики и не играли определяющей роли в ее судьбе». Такая торговля на большие расстояния имела тенденцию быть «администрируемой торговлей», использующей «вольные торговые города», а не рыночной торговлей. «Лишь с возникновением современного мира-экономики в Европе XVI в. произошло полное развитие и преобладание рыночной торговли. Это была система, которую называют капитализмом. Капитализм и мироэкономика (то есть единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии), – подводит он итог, – являются двумя сторонами монеты» [28, с. 24–25].

Современный мир представляет собой мир-систему, которая состоит из ядра, полупериферии и периферии. Ядро в настоящее время представлено наиболее высокоразвитыми странами Запада, состав полупериферии текуч, поскольку одни страны переходят в состав ядра, другие уходят в периферию. Периферия – это географический сектор, который отличается низкокачественной и менее оплачиваемой продукцией и является главным образом источником сырьевых и энергетических ресурсов. В силу неэквивалентного характера обмена периферия теряет в той мере, в какой ядро приобретает. Изменения, происходящие на периферии, вызваны не их собственной историей, а развитием мира-системы в целом.

Итак, существует два основных подхода к объяснению развития общества: социальный эволюционизм, включая формационную теорию, и концепция исторических циклов.

Первой эволюционистской теорией была теория прогресса Ж.-А. Кондорсе, согласно которой прогресс может быть более или менее быстрым, но он носит необратимый характер. О. Конт объяснял историю человеческого общества на основе «закона трех стадий». Согласно этому закону трем стадиям развития разума соответствуют три исторических периода: теологической – древность и раннее Средневековье, метафизической – Реформация, Просвещение и эпоха социальных революций, позитивной (научной) – эпоха науки и промышленности. Согласно Г. Спенсеру, подобно эволюции природы в основе механизма социальной эволюции лежит принцип структурной и функциональной дифференциации. Указывая на направленность социальной эволюции, он противопоставил военное и промышленное общества. Ф. Теннис, не отождествлявший эволюцию с прогрессом, видел механизм социального развития в том, что рассудочная, рациональная воля, составляющая основу общественных отношений, стала преобладать над естественной, инстинктивной волей, лежащей в основе общинных связей. Э. Дюркгейм рассматривал социальную эволюцию как переход от механической солидарности к органической. Основу данного перехода составляет углубляющееся общественное разделение труда. Согласно Т. Парсонсу, в основе социальной эволюции лежат четыре основных механизма: дифференциация, т. е. разделение единой структуры или системы на две или более единицы; возрастание адаптивности, т. е. увеличение эффективности каждой новой единицы; включение, т. е. интеграция в общество новых

единиц; ценностная генерализация, т. е. формирование общих нормативных стандартов.

В рамках эволюционизма сложились два основных подхода к периодизации развития общества. Согласно марксистскому подходу развитие общества проходит через пять общественно-экономических формаций, в основе смены которых лежит закон соответствия уровня развития производительных сил характеру производственных отношений. От К. А. Сен-Симона, О. Конта и Э. Дюркгейма берет начало деление общества на традиционное (доиндустриальное, докапиталистическое) и индустриальное (капиталистическое, современное), которое Д. Белл дополнил постиндустриальным.

Идея исторического круговорота, или циклического развития, согласно которой каждая нация в своей истории проходит от зарождения через расцвет к упадку, впервые была выдвинута Дж. Вико. Родоначальником теории локальных цивилизаций является Н. Я. Данилевский, который исходил из того, что история человечества не имеет единой линии развития, а предстает в виде различных культурно-исторических типов (самобытных цивилизаций). О. Шпенглер линейной картине всемирной истории противопоставил истории восьми «высших культур», основу которых составляет «идея души». Каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека: детство, юность, возмужалость и старость. История культур — это поступательное осуществление их возможностей. Наиболее заверченный вариант теории локальных цивилизаций представлен идеями А. Дж. Тойнби, который считал цивилизацией устойчивую общность людей, объединенных духовными традициями, сходным образом жизни, географическими и историческими рамками. Механизм развития цивилизаций Тойнби основывал на действии закона Вызова-и-Ответа, согласно которому общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, каждая из которых есть вызов. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более совершенное состояние. П. Сорокин в теории динамики культурных суперсистем выделяет три типа таких суперсистем: идеациональную (сверхчувственную), чувственную (сензитивную) и промежуточную между ними — идеалистическую. Циклически сменяя одна другую, они доминируют в разные периоды человеческой истории.

Современным вариантом цивилизационного подхода объяснения истории стал мир-системный подход, который рассматривает развитие не отдельных обществ и цивилизаций, а их групп, точнее, в фор-

мулировке авторов, систем. Наиболее известный представитель данного подхода И. Валлерстайн выделяет мини-системы и миры-системы. Мини-система — это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собирательских обществах. Мир-системы — это общности с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Существует две их разновидности: с общей политической системой (миры-империи) и без нее (миры-экономики). Современный мир представляет собой мир-систему, которая состоит из ядра, полупериферии и периферии. Ядро представлено наиболее высокоразвитыми странами Запада, состав полупериферии имеет изменчивый характер, периферия является главным образом источником сырьевых и энергетических ресурсов.

Глава 9. ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современное общество оценивается социальными мыслителями неоднозначно, порой противоречиво. Наиболее значимые характеристики современного мира отражены в концепциях постиндустриального общества (Д. Белл), организующих принципов современности (К. Кумар), рационализации жизненного мира и системы (Ю. Хабермас), общества риска (У. Бекк и Э. Гидденс), информационного и сетевого общества, общества символического обмена (Ж. Бодрийяр), макдональдизации (Дж. Ритцер), общества постмодерна (Ф. Джеймсон, З. Бауман и др.).

9.1. КЛАССИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Развивая идею исторического деления общества на два основных типа: традиционное (доиндустриальное) и индустриальное, инициатор создания концепции постиндустриального общества А. Турен в 1969 г. и Д. Белл в 1973 г. дополнили его третьим типом – постиндустриальным. В доиндустриальном обществе доминирует сельскохозяйственное производство, а главными социальными институтами являются церковь и армия. В индустриальном обществе преобладает промышленное производство, а основные социальные институты представлены производственными структурами. В постиндустриальном обществе доминирующую роль начинает играть производство знаний, а ведущим социальным институтом становятся университеты.

Для постиндустриального общества характерны пять основополагающих тенденций.

1. Переход от доминирования производства товаров к главной роли сектора услуг, включающего науку, образование, финансы, торговлю, медицину, транспорт, отдых, управление и т. п.

2. Доминирование в социальной структуре работников, занятых в сфере услуг, так называемого «обслуживающего класса», с особой ролью профессиональных групп, работающих в науке и образовании.

3. Центральная роль в развитии общества теоретического знания и самоподдерживающегося технологического роста.

4. Формирование наукоемких технологий, применяемых прежде всего для обработки информации и ресурсосбережения.

5. Доминирующая роль в системе жизненных ценностей ориентации на получение знаний с помощью различных форм систематического образования [14].

Согласно К. Кумару, в основе современности лежит пять общих черт, или организующих принципов.

Первый принцип – индивидуализм. Имеется в виду окончательное утверждение в обществе центральной роли индивида вместо роли племени, группы, нации. Человек освобождается от обязательных групповых связей, выбирает по своему усмотрению социальный коллектив, самостоятельно определяет свои действия и несет личную ответственность за собственные поступки, успехи и неудачи.

Второй принцип – дифференциация. Он наиболее значим в сфере труда, где появляется огромное количество специализированных, «узких» занятий и профессий, требующих высокого уровня мастерства, компетенции и опыта, а также в сфере потребления с ее разнообразием возможностей и «жизненных шансов».

Третий принцип – рациональность (т. е. расчет и деперсонализация управления), составляющая лейтмотив теории бюрократии М. Вебера. Важнейшей чертой современности является также признаваемая всеми роль науки как средства познания.

Четвертый принцип – экономизм, т. е. доминирование над всей социальной жизнью экономической активности, экономических целей и экономических критериев. Современное общество в первую очередь озабочено товаром, его производством, распределением и потреблением и деньгами как единой мерой и средством обмена.

Пятый принцип – экспансия, т. е. расширение зоны охвата, в первую очередь в пространстве. Имеется в виду тенденция охватывать все более широкие географические районы и в конечном счете весь земной шар. Современность распространяется и вглубь, касаясь самых частных, интимных сфер повседневной жизни (например, религиозных убеждений, сексуального поведения, вкусов потребителя, сферы досуга и т. д.) [140].

Механизм развития общества Ю. Хабермас видит во взаимоотношении жизненного мира и системы. Жизненный мир он рассматривает как нетематизированный горизонт значений, который составляет основание жизненного опыта индивида. Система представлена такими структурами, как семья, судоустройство, государство, экономика и др. На уровне системы происходят формирование личности, социальная интеграция и воспроизводство культуры. Возникнув в жизненном мире, эти структуры в ходе развития все более отдаляются от него, становятся самодостаточными и увеличивают свою управленческую власть над жизненным миром. Этот процесс Хабермас называет «колонизацией жизненного мира».

В соответствии с основным исследовательским интересом в «колонизации жизненного мира» Хабермаса более всего интересует ее воздействие на коммуникативные действия. А они все в большей степени становятся связанными с усилением влияния формальной рациональности системы в ущерб «истинно» рациональной коммуникации жизненного мира. Эта коммуникация представляет собой взаимопонимание, свободное от чьего-либо господства и осуществляемое посредством дискурса, т. е. аргументации, в которой тематизируются спорные вопросы при наличии общей посылки всех участвующих в нем сторон, что принципиальное согласие допустимо. Результатом такого «истинно» рационально-коммуникативного действия, подчиненного закону более сильного аргумента, является появление более рациональных социальных структур и власти, не вызывающей страха и не служащей эксплуатации, новых организационных форм, учитывающих интересы всех и имеющих консенсусную легитимность.

Ответом на «колонизацию жизненного мира» стала деятельность новых социальных движений (за личностную самореализацию и культурную идентичность, защиту окружающего мира и т. п.), центром борьбы которых являются стиль жизни и культурные ценности.

В связи с этим Ю. Хабермас активно продвигает идею о «политически функционирующей общественности» – *Offentlichkeit*. «Общественность», согласно Хабермасу, отражает те феномены общественной жизни, которые сформировались еще в Древней Греции и впоследствии, видоизменяясь, дошли до нашего времени. Их суть – в открытости, совместности жизнедеятельности людей. Главный принцип их возникновения и функционирования – спонтанность. В греческих полисах общая жизнь свободных граждан разыгрывалась на рыночной площади: общественность конституировалась в обсуждении, беседе,

которые принимали совещательную форму и форму суда, а также совместных действий. Общественность гражданского общества, развивает он свою мысль, вклинивается в поле напряженных отношений между государством и конкретными индивидами. Если раньше легитимизация политического господства велась посредством ссылок на божественный авторитет или онтологическое обоснование естественного права, то начиная с Нового времени ее основу составил разумный дискурс. Эмансипированные граждане принялись сами устанавливать для себя законы с намерением следовать им и тем самым формировать свой жизненный уклад.

Идея самоорганизации общества, программируемой через законы, которые проистекают из процесса спонтанного, ненаправленного извне формирования общественного мнения и воли, конкурирует, по мысли Хабермаса, с самопрограммирующей замкнутой циркуляцией административной власти, где сфера управления программирует саму себя, руководя поведением избирателей, предопределяя деятельность правительств и законодательных органов. Отнесенное к самой себе, инициированное ее автономными образованиями воспроизводство общественности означает тот пункт, к которому обращены надежды немецкого философа и социолога на суверенную самоорганизацию общества [122, с. 47–50].

По мнению создателя теории «общества риска» У. Бека, классическая фаза современности ассоциировалась с индустриальным обществом, тогда как возникающая новая современность и ее технологии связываются с обществом риска. В то время как в индустриальном обществе «логика» производства богатства доминирует над «логикой» производства риска, в обществе риска это соотношение изменяется на противоположное. «В центре стоят модернизационные риски и их последствия, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных и людей. Их нельзя... локализовать... в них присутствует тенденция к глобализации» [13, с. 14]. Социальную архитектуру новой реальности Бек сформулировал в пяти тезисах.

Первый тезис. Доминируют риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил. Это недоступная для непосредственного восприятия органами чувств радиоактивность, вредные вещества, содержащиеся в воздухе, воде, продуктах питания, и связанные с ними кратковременные и долговременные последствия у растений, животных и человека. Они высвобождают системно обусловленные, часто необратимые разрушительные силы, которые

проявляются в научном или антинаучном знании о них, могут этим знанием изменяться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться.

Второй тезис. С нарастанием рисков возникают социально опасные ситуации. В определенном смысле они являются следствием неравенства классов и социальных слоев, однако рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества. Имеются в виду опасности, угрожающие не только здоровью, но и легитимизации состояний и доходов.

Третий тезис. Распространение и умножение рисков ни в коей мере не порывает с логикой развития капитализма, а скорее поднимает эту логику на новую ступень. Риски модернизации – это *big business*, большой бизнес. Цивилизационные риски – это бездонная бочка потребностей, которая постоянно, без конца самообновляется. Индустриальное общество извлекает благодаря выпущенным на свободу рискам экономическую выгоду и одновременно создает опасный политический потенциал общества риска.

Четвертый тезис. Богатствами можно владеть, риски нас настигают; нас наделяет ими само развитие цивилизации. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно политический потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках.

Пятый тезис. Социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой, а именно политикой устранения самих причин процесса индустриализации. Общественность и политика начинают вторгаться в заповедную сферу производственного менеджмента – в планирование, техническое оснащение производства и т. д. В обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции [13, с. 25–27].

Новую современность Бек называет рефлексивной современностью. Суть ее состоит в процессе индивидуализации. Будучи предоставлены самим себе, люди оказались вынуждены быть более рефлексивными. Центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения. В эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления им. Идеа-

лом классической современности было равенство, тогда как в эпоху развитой современности это безопасность.

Э. Гидденс определяет наше время термином «высокая современность» и представляет ее черты четырьмя блоками: первый касается понятия веры, второй – риска, третий – непрозрачности, четвертый – глобализации.

Особое значение веры определяется повсеместным распространением «абстрактных систем», действия которых не совсем ясны, но от надежности которых зависит повседневная жизнь и которыми мы вынуждены постоянно пользоваться. К этим системам относятся транспорт, телекоммуникации, финансовые рынки, атомные электростанции, военные силы, транснациональные корпорации и др.

В ситуации повсеместного доминирования «абстрактных систем» факторы риска существенно усиливаются, а именно:

риск универсализируется, т. е. глобальные бедствия угрожают всем независимо от класса, этнической принадлежности, отношения к власти и т. д. (например, ядерная война, экологическая катастрофа);

риск глобализируется, т. е. приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей (например, финансовые рынки, реагирующие на изменения политической ситуации в мировом масштабе; военные конфликты; повышение цен на нефть; соперничество корпораций и т. д.);

риск институционализируется, т. е. возникают организации, принимающие его в качестве принципа собственного действия (например, рынки инвестиций, фондовые биржи, страхование, азартные игры, спорт);

риск продуцируется в результате непреднамеренного побочного эффекта, или эффекта бумеранга, человеческих действий (например, экологическая опасность как следствие индустриализации; преступность и правонарушения как продукт порочной социализации; новые «болезни цивилизации», которые связаны с профессиями или стилем жизни, типичными для современного общества).

Восприятие риска в обществе «высокой современности» становится гораздо более острым, чем в прежние времена. Субъективное ощущение риска усиливают следующие факторы: обострение чувствительности к угрозам из-за ослабления магической и религиозной защиты; более четкое осознание опасности вследствие более высокого уровня образования; понимание ограниченных возможностей экспертизы и неизбежности сбоев в функционировании «абстрактных систем».

Следствием всего этого становится «непрозрачность» (неопределенность) социальной жизни. Ее истоки коренятся в ошибках конструирования, которые появляются в основном в комплексных «абстрактных системах»; в ошибках оператора, которые естественны, поскольку люди вовлечены в процесс управления и действия «абстрактных систем»; неизбежности неумышленных и нераспознанных (скрытых) эффектов; способности социальных знаний, объясняя общество, влиять на ход социального процесса непредсказуемым образом; крайней дифференциации власти, ценностей и интересов среди членов общества и различных социальных групп, что размывает простые, понятные определения социальных ситуаций.

Наконец, глобализация означает общепланетарный характер экономических, политических, социальных и культурных отношений.

Ответом на обстановку риска и «непрозрачности» стало, согласно Гидденсу, распространение четырех наиболее типичных форм поведения:

концентрации на повседневных, сиюминутных проблемах, которые не дают человеку сосредоточиться на тревожных мыслях;

оптимистического взгляда на вещи, веры в то, что благодаря судьбе, развитию науки и техники удастся избежать опасности;

циничного пессимизма в отношении будущего и вытекающей из него гедонистической тенденции наслаждения жизнью здесь и сейчас; участия в социальных движениях [138].

9.2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

В процессе описания, изучения и объяснения тех изменений в жизни общества, которые стали проявляться с наступлением последней трети прошлого века, но особенно отчетливо дали знать о себе на рубеже XX и XXI вв., возникло понятие «информационное общество». В основе произошедших изменений лежало растущее доминирование информации и знаний в функционировании и развитии различных сфер общественной жизни.

Первопричиной возникновения информационного общества являются три взаимосвязанных процесса. Во-первых, лавинообразный рост объема производимой информации, особенно научной. Во-вторых, создание на базе широкого внедрения компьютеров и интернета современной информационно-коммуникативной инфраструктуры,

открывающей принципиально новые возможности для оперативного и общедоступного получения информации и развития современных форм коммуникации. В-третьих, активное использование информации (особенно теоретических знаний) и электронных информационно-коммуникативных технологий в производственной, технической, управленческой и других видах деятельности, при организации общественной жизни.

Впервые термин «информационное общество» использовал профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши в 1969 г. Для акцентирования ключевой роли информации и знаний в современном мире П. Дракер начал использовать термин «общество знания», а М. Порат – общество, основанное на «информационной экономике», или «экономике знания». Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий, их возрастающее использование в различных сферах экономики и общественной жизни дали основания также говорить о компьютерной, телекоммуникационной или микроэлектронной революции (Д. Е. Сайчел и Т. Форестер).

Характерная черта информационного общества – его сетевая структура. Сетевой характер социальной коммуникации имеет длительную историю. Но с появлением интернета впервые была создана глобальная виртуальная информационно-коммуникативная сеть. Виртуальная сетевая коммуникация имеет ряд принципиальных отличий. Во-первых, сетевые коммуникации вышли далеко за рамки прямого физического контакта. Во-вторых, при их образовании потеряли значение пространственные, социальные, отчасти временные и другие ограничения. В-третьих, многократно возросли размеры социальных групп, вовлеченных в совместное общение и взаимодействие. В-четвертых, индивид приобрел практически неограниченную свободу в установлении своих виртуальных социальных контактов. В-пятых, развитие сетей создало принципиально новые возможности для разноплановой (идеологической, организационной, морально-психологической и др.) мобилизации участников разного рода социальных движений и инициатив.

Развитие глобальной виртуальной коммуникации имеет свои позитивные и негативные последствия. К ее позитивному потенциалу следует, в частности, отнести формирование широких разноплановых взаимосвязей и сотрудничества в рамках профессиональных и других сообществ; повышение межличностного и межгруппового доверия; рост доступности новейшей образовательной, научной и де-

ловой информации; возрастание самостоятельности в установлении разного рода контактов и поиске информации; свободный доступ к разнообразным источникам информации, что позволяет знакомиться с различными, в том числе дискуссионными, точками зрения, обсуждать их на интернет-форумах и в онлайн-режиме, а в итоге — учиться вырабатывать собственную позицию, развивать творческое и критическое мышление. Важнейшее достоинство коммуникации посредством интернета состоит в ее преимущественно неиерархическом («горизонтальном») характере, возможности общения на равных.

Одновременно нельзя не учитывать проблемные вопросы, возникшие в сфере виртуальной коммуникации: сохранение так называемого цифрового неравенства, т. е. разных возможностей доступа к интернету и навыков работы в нем; значительную анонимность новых форм коммуникации, подразумевающую замену реальной идентичности личностей, которые представляют себя в интернете, их виртуальными (нередко надуманными) образами и др.

Но несмотря на эти во многом радикальные перемены, вызванные вступлением в информационное общество, согласно, например, М. Кастельса, «информационная/глобальная экономика» — капиталистическая, фактически более капиталистическая, чем любая другая экономика в истории. Законом по-прежнему является производство ради прибыли и для частного присвоения прибыли на основании прав собственности. А продуктивность, производительность, материальный прогресс остаются фундаментальным принципом современного общества.

В информационную эпоху, продолжает свои рассуждения Кастельс, логика глобальных сетей такая повсеместная и всепроникающая, что вырваться из-под их господства можно, только выйдя из этих сетей и реконструируя смыслы на основании совершенно другой системы ценностей и убеждений. Вызовы со стороны альтернативных форм общественной организации уже стали реальностью общества информационной эпохи. Эти организации возникли вне институтов гражданского общества и имеют форму, как их называет М. Кастельс, социальных и культурных автономных идентичностей.

Важнейшая их особенность состоит в том, что они вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены институты гражданского общества. В качестве примеров он называет такое направленное на коренное изменение отношений между людьми и природой движение, как ин-

вайронментализм и концепцию устойчивого развития, включающую в новую модель экономического роста межпоколенческую солидарность. Выдвижению этих и других альтернатив способствует то, что человек глобального информационно общества, как характеризует его М. Кастельс, представляет собой гибкую личность, способную в большей степени быть нескончаемо вовлеченной в процесс самореконструкции, нежели определять себя через адаптацию к принятым когда-то социальным ролям [60].

Схожим образом Дж. Нэбит и П. Абурдэн связывали с информационным обществом наступление новой эры индивидуальности, где высоко ценятся именно уникальные способности личности, а распространение современных средств информатики, вычислительной техники и телекоммуникаций обеспечивает резкое расширение возможностей индивидуального общения и неконтролируемого восприятия информации.

О том, что происходит движение к обществу, для которого будут характерны множественность жизненных стилей и которое будет состоять из личностей, обладающих ярко выраженной индивидуальностью, говорил Э. Тоффлер. Это движение он связывал с наступлением «третьей волны» в развитии технического прогресса и порождаемыми ею процессами демассовизации, дестандартизации, десинхронизации, демаксимизации, децентрализации, деспециализации.

Во многом схожим образом оценивают новые перспективы, например, оппоненты экономизма (т. е. доминирования экономических ценностей, интересов и активности) и утилитаристской парадигмы в целом, суть которой состоит в утверждении, что главным регулятором человеческой деятельности выступает интерес, или полезность, сводимый часто к экономической калькуляции. Основной довод, опровергающий утилитаризм, они видят в признании множественности принципов, лежащих в основе человеческой активности, способности человека самоконструировать смысл своего бытия.

Становление сетевой структуры организации общественной жизни стало основанием для разработки Дж. Урри так называемой мобильной социологии. Предметом мобильной социологии являются перемещения (мобильности) людей, символических и материальных ресурсов.

Урри выделяет пять взаимозависимых «мобильностей», которые организуют социальную жизнь на расстоянии и формируют (реформируют) ее контуры. Эти мобильности таковы:

– телесные перемещения людей ради работы, досуга, семейной жизни, удовольствий, миграции или бегства, по-разному организованные по отношению к контрастным пространственно-временным модальностям (от ежедневных поездок на работу до единственного в жизни изгнания с родины);

– физические перемещения объектов между производителями, потребителями и продавцами, равно как и посылок, подарков и сувениров;

– воображаемые перемещения при помощи образов мест и людей, осуществляемые через различные печатные или визуальные носители информации;

– виртуальные путешествия, часто в реальном времени, преодолевающие географические и социальные расстояния;

– коммуникационные путешествия посредством обмена СМС, текстами, письмами и телеграммами, через факс, телефон или мобильный телефон [117, с. 135–136].

Мобильности в большей степени носят горизонтальный, а не вертикальный характер и вызваны желанием людей найти работу, жилье, развлечения, религию, семью за пределами своих национальных государств. Они многократно расширяются и ускоряются в условиях глобализации, пересекая географические и культурные пространства. Мобильности осуществляются в рамках сетей, для обозначения которых Урри использует термин «русло» (англ. *Scape*). В месте пересечения русел образуют взаимосвязанные узлы.

В итоге, во-первых, новую структуру организации общественной жизни образуют социальные сети. Во-вторых, разная степень близости к основным руслам и узлам становится новым основанием социального неравенства. В-третьих, системы мобильности все сильнее полагаются на экспертные формы знания. «То, как компьютерам удалось просочиться в автомобили, – приводит он пример в подтверждение этого тезиса, – хорошо иллюстрирует прогрессирующую «экспертизацию» систем, делающую машины все менее понятными» [117, с. 144–145].

Новая парадигма мобильностей, заключает Урри, «призвана трансформировать социальные науки, предложить альтернативную теоретическую и методологическую перспективу. Она позволяет осмыслять “социальный мир” как широкий набор экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, которые все заключают, вызывают или ограничивают различные виды движения людей, идей, информации или объектов» [117, с. 129].

9.3. ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ

Согласно Ж. Бодрийяру, современный мир вступил в стадию потребительского общества. Мощнейшим механизмом возникновения и функционирования этого общества является широкое распространение покупки в кредит, которая долгое время воспринималась буржуазным сознанием как некая нравственная опасность, тогда как расплата на месте относилась к числу добродетелей. Экспансия кредита привела к рождению новой морали – морали опережающего потребления по отношению к накоплению, когда вещь сначала приобретают, а затем уже выкупают своим трудом. Бодрийяр оценивает это как возвращение к системе закрепощенного труда, когда временный потребитель принимает обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше и смог заплатить за уже купленное [20, с. 130, 133].

Своеобразие современного потребительского общества, продолжает Бодрийяр свои рассуждения, состоит в том, что предметы потребления начинают восприниматься не в соответствии с их прямой полезностью, а через призму кода сигнификации (смысла). Это означает, что их потребительская стоимость заменяется символической стоимостью, и товары приобретаются людьми в первую очередь потому, что они являются знаками престижа, власти и благополучия. Символический обмен становится основополагающим признаком современного потребительского общества.

Символический обмен приводит к утверждению «гиперреальности». Под гиперреальностью Бодрийяр понимает феномен, замещающий реальность. Гиперреальность представлена симулякрами, под которыми он понимает знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и выступающие как «копии копий», которые не соответствуют оригиналу. В качестве примера гиперреальности он приводит Диснейленд, который для многих более привлекателен, чем реальный мир. Одно из важнейших последствий доминирования символического обмена состоит в том, что люди перестают дифференцироваться по своему социальному происхождению или положению. Основой их группирования становится сходство потребляемых символов. Это дает основания говорить о том, что социальное, в его классическом понимании, отмирает.

Разрабатывая теорию макдональдизации общества, Дж. Ритцер исходил из того, что современную парадигму формальной рациональности представляет собой ресторан быстрого питания. В своих рассуждениях он исходит из того, что существует четыре измерения формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор скорее на количестве, чем на качестве, и осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций.

В условиях ресторана быстрого питания они проявляются следующим образом. Эффективность означает поиск наилучших средств для достижения цели; в ресторане быстрого питания хорошим примером повышения эффективности работы служит окошко обслуживания для клиентов за рулем. Предсказуемость означает существование мира без неожиданностей; Бит Мак в Лос-Анджелесе неотличим от нью-йоркского; аналогично Биг Мак, который мы съедим завтра или в следующем году, будет точь-в-точь таким же, как тот, что мы едим сегодня. Рациональные системы, как правило, делают упор на количестве, обычно на больших количествах, а не на качестве. Биг Мак — хороший пример этого упора на количество, а не качество. Вместо человеческих качеств шеф-повара рестораны быстрого питания опираются на такие унифицированные технологии, как следование некавалифицированных поваров подробным указаниям и поточные методы приготовления и подачи пищи. Наконец, такая формально-рациональная система приносит различные моменты иррациональности, из которых наиболее значительные — это демистификация и дегуманизация процесса приема пищи.

Кредитные карточки макдональдизировали получение и расход кредита. Взамен быстрого питания современный банк раздает быстрые деньги. Предсказуемость лучше всего иллюстрирует тот факт, что кредитная карточка способствует большей предсказуемости потребления: можно что-либо приобрести, не имея при себе наличных денег [92, с. 497—498].

По Ф. Джеймсону, капитализм, продолжая быть преобладающей чертой сегодняшнего мира, породил новую культурную логику — пост-модернизм. Вызвано это тем, что экономическая необходимость производства новой волны товаров, которые представляются большими новинками (от одежды до самолетов), с возрастающей нормой оборота в настоящее время закрепляет за эстетическими новшествами и экспериментами все более значимую структурную функцию.

Ключ к пониманию современного капитализма он видит в его многонациональном характере и в том, что он существенно расширил сферу коммодификации, т. е. процесса, в ходе которого все большее число различных видов деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами.

Характеризуя постсовременное общество, он говорит о том, что, во-первых, это общество постмодерна отличается поверхностностью и недостатком глубины. Постмодернистские произведения культуры довольствуются неглубокими образами и не делают глубоких изысканий фундаментальных значений. Во-вторых, постмодернизм характеризуется ослаблением эмоций или аффектов. В-третьих, утрачена историчность. Выражается это в том, что мы не можем знать прошлого, а все, что нам доступно, это тексты о прошлом, а мы можем лишь производить вдобавок к ним другие тексты на эту же тему. Отсюда широкое распространение попури, т.е. смеси идей, порой противоречивой и бессвязной. В-четвертых, с обществом постмодерна связаны новые технологии, особенно электронные, типа телевизора и компьютера.

Что касается поведения людей, то к нему больше всего подходит выражение: «Плывут по течению». В этой ситуации, как он считает, людям нужны карты познания, которые помогут им ориентироваться. Ими не могут быть карты прежней эпохи. Новые когнитивные карты могут происходить из различных источников: от социальных теоретиков, писателей и т. п., а также обычных людей со своими линиями поведения в их повседневной жизни.

В концепции постмодернизма развитие общества представляется как движение от традиционного к модерному и далее к постмодерному. В традиционном обществе регуляция поведения осуществлялась по принципу «делай так, как делали до тебя». В модернистском обществе поведение человека регулируется с позиции рациональности и эффективности. Предполагается, что индивид по преимуществу функционален, его действия обуславливаются экономической целесообразностью, существующими законами, государством, разнообразными социальными организациями, имеет место секуляризация, т. е. религия перестает быть регулятивным фактором, ее функции становятся скорее естественными.

В центре внимания постмодернистской концепции находятся процессы, происходящие в культуре. Современный культурный мир — это место, где сосуществуют различные культуры, которые не поддаются

аксиологическому или темпоральному упорядочению. Постмодернистское общество отличают плюральность, отсутствие авторитетов и властных универсалий, уравнивание иерархий, интерпретативная поливалентность, непрерывная изменчивость, замена реальности символическим миром. В обстановке моральной амбивалентности особую значимость приобретает потребность «быть для другого».

Постмодернистский взгляд на мир как расколотый на большое количество суверенных единиц, не организованных ни в горизонтальном, ни в вертикальном порядке, ведет к идее субъективизации всех социальных процессов, движению в сторону признания большей свободы любого социального субъекта, в первую очередь личности.

Для, пожалуй, наиболее известного теоретика постмодерна З. Баумана постмодерн — это прежде всего определенное состояние ментальности. Постмодернистская ментальность дает индивидам возможность выйти за пределы влияния социальных структур и лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал. Интеллектуалы с постмодернистским мышлением делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом, они не ориентированы на выбор «лучших идей», их цель — обеспечить коммуникацию между автономными сообществами [10; 11].

Своя оценка современной реальности вызвана исследованиями Р. Инглхарта и его коллег. Исходя из иерархической модели мотивов А. Маслоу, но несколько ее упрощая, они объединили все человеческие мотивы в две большие группы: материалистические и постматериалистические. К первым они отнесли мотивы, связанные с пищей, одеждой, владением домом, автомобилем и т. п. Ко вторым — мотивы любви и самоактуализации. Исследования, проводимые Инглхартом начиная с 60-х гг. прошлого века, позволили ему сделать вывод о повороте молодежи к постматериалистическим ценностям. Данные, полученные в 90-е гг., дали основания говорить о том, что в глобальном масштабе наметилась тенденция к доминированию постматериалистических мотивов. Правда, критики обвиняют Р. Инглхарта в упрощении ситуации и излишнем оптимизме. Сам он признает, что около половины и даже более опрошенных не могут быть отнесены ни к «материалистам», ни к «постматериалистам», так как ориентированы на обе группы мотивов [52].

Изображений постсовременности, делает общий вывод Дж. Ритцер, вероятно, существует столько же, сколько и социальных теоретиков постсовременности. Он суммирует некоторые из ключевых

описаний постсовременности, предложенных Ф. Джеймсоном, следующим образом.

Во-первых, постсовременность — это бездонный, поверхностный мир; мир имитации (например, круиз по джунглям в Диснейленде вряд ли можно назвать настоящим приключением). Во-вторых, это мир, который испытывает недостаток в аффектах и эмоциях. В-третьих, потеряно чувство своего места в истории; трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим. В-четвертых, вместо бурно развивающихся производственных технологий современности (например, конвейеры по сборке автомобилей) в постмодернистском обществе господствуют имплозивные, отупляющие производственные технологии (телевидение, например) [92, с. 105–106].

В целом очевидно, что современное общество оценивается социальными мыслителями неоднозначно, порой противоречиво. В одних случаях вполне оптимистично, в других — скорее пессимистично.

Д. Белл, охарактеризовав современное общество как постиндустриальное, выделил пять свойственных ему тенденций: переход от доминирования производства товаров к главной роли сектора услуг; доминирование в социальной структуре работников, занятых в сфере услуг; центральную роль теоретического знания и самоподдерживающегося технологического роста; формирование наукоемких технологий, применяемых прежде всего для обработки информации и ресурсосбережения; доминирующую роль в системе жизненных ценностей ориентации на получение знаний с помощью различных форм систематического образования.

Согласно К. Кумару, в основе современности лежит пять общих черт, или организующих принципов: индивидуализм; дифференциация, особенно в сфере труда; рациональность, включая особую роль науки; экономизм, т. е. доминирование экономической активности, экономических целей и экономических критериев; экспансия, прежде всего пространственная.

Видя механизм развития современного общества во взаимоотношении жизненного мира и системы, Ю. Хабермас сконцентрировал внимание на усилении влияния формальной рациональности системы в ущерб «истинно» рациональной коммуникации, под которой понимал взаимопонимание, осуществляемое посредством аргументации. Результатом рациональной коммуникации, подчиненной закону более сильного аргумента, является появление власти, не вызывающей страха и не служащей эксплуатации, и новых организационных

форм, учитывающих интересы всех и имеющих консенсную легитимность.

По мнению У. Бека, классическая фаза современности ассоциировалась с индустриальным обществом, тогда как возникающая новая современность и ее технологии связываются с обществом риска. Центральным вопросом в классической современности было богатство и способы его более справедливого распределения. В эпоху развитой современности центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления им.

Э. Гидденс, определяя наше время термином «высокая современность», представлял ее черты четырьмя блоками: первый касается понятия веры, второй – риска, третий – непрозрачности, четвертый – глобализации.

Особое значение риска и веры обусловлено повсеместным распространением «абстрактных систем», действия которых не совсем ясны, но которыми мы вынуждены постоянно пользоваться и от надежности которых зависит повседневная жизнь. В этой ситуации типичными стали четыре формы массового поведения: концентрация на повседневных, сиюминутных проблемах; оптимистический взгляд на вещи, связанный с развитием науки и техники; пессимизм и гедонистическая тенденция наслаждения жизнью здесь и сейчас; участие в социальных движениях.

В оценках современного мира особое внимание обращается на переход к стадии информационного общества, которое отличается доминированием информации и знаний в функционировании и развитии различных сфер общественной жизни, широким распространением электронных информационно-коммуникативных технологий и возникновением глобальной виртуальной информационно-коммуникативной сети, притом что, согласно М. Кастельсу, «информационная/глобальная экономика» является более капиталистической, чем любая другая экономика в истории. Развитие сетевых общественных связей стало основанием для разработки Дж. Урри мобильной социологии.

Согласно Ж. Бодрийяру, современный мир вступил в стадию потребительского общества, механизмом возникновения и функционирования которого является широкое распространение покупки в кредит, что привело к рождению морали опережающего потребления. Основополагающий признак современного общества – символический обмен, когда предметы потребления начинают восприниматься

не в соответствии с их прямой полезностью, а через призму кода сигнификации (смысла).

Дж. Ритцер, разрабатывая теорию макдональдизации общества, исходил из того, что современную парадигму формальной рациональности представляет собой ресторан быстрого питания с его четырьмя измерениями рациональности: эффективностью, предсказуемостью, упором скорее на количестве, чем на качестве, и осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций.

Ф. Джеймсон ключ к пониманию современного капитализма видит в его многонациональном характере и в том, что он существенно расширил сферу коммодификации, т. е. процесса, в ходе которого все большее число различных видов деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами.

В центре внимания постмодернизма находятся процессы, происходящие в культуре. Современный культурный мир — это место, где сосуществуют различные культуры, которые не поддаются аксиологическому или темпоральному упорядочению. Постмодернистское общество отличают плюральность, отсутствие авторитетов и властных универсалий, уравнивание иерархий, интерпретативная поливалентность, непрерывная изменчивость, замена реальности символическим миром. Для З. Баумана, например, постмодерн — это прежде всего определенное состояние ментальности, которое дает индивидам возможность выйти за пределы влияния социальных структур и лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал.

Наконец, исследования Р. Инглхарта позволили сделать вывод, что в глобальном масштабе наметилась тенденция к доминированию в поведении людей постматериалистических мотивов.

Глава 10. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Проблема взаимодействия социального порядка (организации общественной жизни) и человеческой деятельности обусловила возникновение третьего онтологического вопроса социальной теории, касающегося выявления механизма и оценки характера происходящих социальных изменений.

В современной социальной мысли доминирующими в объяснении механизма развития общества являются два подхода. Во-первых, акцент на особую социально-преобразующую роль человека, социальных групп и движений, их смысло-порождающую деятельность. Во-вторых, подчеркивание множественности, своеобразия путей развития различных человеческих сообществ.

10.1. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Формирование первого из данных подходов связано прежде всего с группой социологов (А. Турен, Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.), которые отошли от так называемой дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и начали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие.

Результат классической социологии, как считает, например, А. Турен, состоит в том, «что она оставляет очень мало места для идеи социального действия». Говоря в своей одноименной книге о «возвращении человека действующего», Турен исходит из того, что «общественная жизнь вовсе не управляется естественными или историческими зако-

нами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурным ориентациям» [116, с. 22]. Культура, которая является «смыслом, совокупностью средств и моделей», образует зону центрального общественного конфликта, который «разделяет сообщество на тех, кто является агентом и хозяином этих культурных моделей, и тех, кто принимает в них зависимое участие и стремится освободить их от влияния общественной власти» [116, с. 14–15].

Идею социального действия Турен связывает с образом общественного движения как коллективного действующего лица, включенного в конфликт за общественное управление главными культурными ресурсами. «Общественное движение, — по его словам, — это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства» [116, с. 58]. «Общественное движение, коллективное поведение, включенные в конфликт в целях управления историчностью, — развивает он свою мысль, — существуют лишь в том случае, если действующее лицо обладает способностью подняться выше простых требований и даже политических переговоров, чтобы осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Оно должно быть способно поставить последнюю под вопрос, вместо того чтобы только соответствовать ей. Социальная жизнь может быть, прежде всего, охарактеризована как деятельность самопроизводства и самотрансформации, которые она осуществляет посредством своих инвестиций, если дать этому понятию более широкий, а не чисто экономический смысл» [116, с. 17].

С позиции креативной контингентности (творческой ситуативности) рассматривает социальные изменения Х. Йоас. Согласно этой позиции люди принимают социально значимые решения и совершают социально ответственные действия в соответствии с условиями конкретной ситуации, каждый раз осмысливая и оценивая их. «В результате упразднения метасоциальных гарантий при создании социального порядка мы приходим, — пишет он, — к пониманию креативности самого человеческого действия» [57, с. 288]. Рассматривая креативность как «измерение всего человеческого действия», социальные последствия ее проявления Йоас оценивает неоднозначно. Креативность как таковая, пишет он, «не является чем-то хорошим (или пло-

хим); существует много причин для похвалы в адрес рутины, а картины перманентной эстетической или политической креативности порой являются картинами ужаса и превышения человеческих возможностей. Является ли определенное креативное действие хорошим или плохим, может быть решено только в рамках дискурса» [57, с. 288].

Фактически параллельно Ш. Н. Эйзенштадт разработал теорию «множественности форм модерна» (multiple modernities), где сформулировал тезис, согласно которому модерн первоначально появился на Западе, но далее распространяется во всем мире, сначала путем экономического империализма и колониализма, а потом — в результате глобализации. Расширяющаяся модернизация в отдельных областях подвергается определенным модификациям, которые он объясняет результатами взаимопроникновения и комбинирования универсальных трендов модернизации, традиций, разных ценностных систем, культурных предпосылок и исторического опыта. Дивергентные формы модерна, возникшие за пределами Запада на базе иных глубинных цивилизационных структур, Эйзенштадт находит в России, Китае, Индии [133].

В молодых социумах, отмечает Эйзенштадт, фиксируется изменение ключевых социально-экономических индексов, свидетельствующих о процессе модернизации: среди них показатели урбанизации, грамотности, развития средств массовой информации, диверсификации занятости. В том же русле меняются и структурные индексы, говорящие об ослаблении традиционных общественных связей, углублении социальной дифференциации, становлении некоторых современных форм политической организации — таких, например, как партии и группы интересов. Вместе с тем, несмотря на перечисленные сдвиги, во многих развивающихся странах так и не сложились, особенно в политической области, устойчивые и современные институциональные системы, способные справляться с постоянно изменяющимся и расширяющимся спектром общественных проблем и запросов.

Ключевая проблема молодых наций, делает вывод Ш. Эйзенштадт, всегда заключалась не в узком диапазоне модернизационных усилий, а в медленном становлении новых институтов и нехватке регулирующих и нормативных механизмов, которые внедрялись бы в стратегические области общественной структуры и позволяли бы справляться с различными вызовами, возникающими в этих областях. Используя терминологию Э. Дюркгейма, он делает вывод о том, что во всех этих случаях имела место неспособность утвердить новые уровни соли-

дарности, т. е. совершить переход от солидарности механической к солидарности органической или от слаборазвитой органической солидарности к более укорененным ее формам [134].

Другой современный представитель сравнительных исследований цивилизаций Й. Арнасон объясняет развитие общества на основе двух важных противоречивых измерений – случайность/детерминированность и культурное разнообразие/универсальность человеческой истории. История, по его мнению, не может быть полностью детерминирована, она складывается из множества случайностей, поэтому невозможно выделить один универсальный, общий для всех образец модерна. Случайность означает, что рациональной логикой невозможно объяснить, почему в той или другой стране сложились факторы, приведшие к формированию определенного типа модерна, хотя в каждом его варианте просматриваются некоторые инвариантные черты, характеризующие взаимодействие власти и общества, а также культуру [110, с. 187].

Говоря о «культуральном и плюралистическом повороте» в изучении модерна, Арнасон изучает особенности его китайского, японского, других восточноазиатских типов [6], а также советского проекта модерна. В данном контексте он проводит «обсуждение феномена коммунизма», посвятив ему статью «Коммунизм и модерн» [5].

Культуральный поворот в социологической теории не ограничился изучением модерна. В начале XXI в. он привел к возникновению культуральной социологии (культурсоциологии), в значительной степени связанной с именем Дж. Александера. Александер позиционирует себя в качестве сторонника «сильной программы» в социологии культуры. Ее суть состоит в том, что культура рассматривается не как производная от каких-либо внешних детерминант («слабая программа»), а в качестве «независимой переменной», которая порождает смыслы человеческой деятельности и оказывает тем самым решающее воздействие на ход социальных процессов. Задача культуральной социологии состоит в раскрытии этих часто неосознаваемых смыслов деятельности. «Мы утверждаем, – пишет он, – что сильная программа пытается укоренить причинность в непосредственных акторах и способах действия (*agencies*) и детально устанавливает, как именно культура влияет на то, что реально происходит» [2, с. 64].

О том, что в будущем развитие различных регионов и стран станет более многообразно, чем сейчас, говорит и К. Калхун [98].

Оценивая новые тенденции в оценке механизма и перспектив общественного развития, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории. Этот парадигматический сдвиг состоит в переходе от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (*social becoming*), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [132, с. 69]. При такой интерпретации механизма социальных изменений вполне естественными являются следующие вопросы: на чем основываются и чем определяются те или иные сценарии развития, что лежит в основе принимаемых решений и сделанного выбора, когда они эффективны и в чем состоит сам критерий эффективности, кто является автором исторического выбора, наконец, какое направление дальнейшего развития наиболее оптимально и т. п.

Несколько неожиданно, но вполне объяснимо, что подобное парадигматическое понимание механизма социальных изменений впервые возникло не в русле социальной философии и социологии, а в исторической науке. Очевидно, что попытки теоретической интерпретации конкретного исторического материала в данном случае оказались более продуктивными, чем акцент на построении обычно несколько умозрительных, пусть и весьма оригинальных, объяснительных конструкций.

Так, у известного английского историка и философа истории Р. Дж. Коллингвуда мы находим объяснение истории общества как итога усилий человека, действующего в соответствии с запросами своей жизненной практики. Отмечая данную особенность механизма социального развития, Р. Дж. Коллингвуд писал, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой оказался. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся его действия успешными или нет, зависит от правильности понимания им той ситуации, в которую он поставлен. Свобода в истории заключается в том, что цепи принуждения накла-

дываются на деятельность человеческого разума не кем-то посторонним, а им самим [64, с. 301–303].

Но что означает «правильное понимание ситуации» и в чем состоят «цепи принуждения»? Первое уже упоминавшееся объяснение этого феномена мы находим у другого известного английского историка А. Дж. Тойнби в связи с его законом Вызова-и-Ответа.

Само возникновение цивилизации, как и ее дальнейшее развитие, определяется, по мысли Тойнби, способностью людей дать адекватный ответ на вызов исторической ситуации. Ответы на хронологически более ранние вызовы являются источниками новых вызовов. Выработка адекватной реакции на вызов исторической ситуации принадлежит «творческому меньшинству», которое выдвигает новые идеи и самоотверженно проводит их в жизнь, увлекая за собой остальных. Если нужный ответ не найден или не реализован большинством, в социальном организме возникают аномалии, которые, накапливаясь, приводят его к «надлому», а затем и к упадку.

Трактовка механизма социальных изменений, схожая с подходом А. Дж. Тойнби, согласно которой история той или иной социальной общности, как и общества в целом, представляет собой вереницу ответов на встающие перед ними вызовы или, в другой терминологии, серию решений перманентно возникающих проблем, в истории социальной мысли встречалась достаточно часто.

Близкий подход к объяснению механизма социального развития заложен в марксистской преобразовательной модели общественного процесса. Суть марксистского подхода состоит в следующем. Люди в процессе своей деятельности воспроизводят общественные структуры и одновременно преобразуют их. Системообразующей проблемой, через решение которой осуществляется социальный прогресс, является преодоление несоответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил.

Идея развития общества через решение разного рода, прежде всего системообразующих для него, проблем была реализована при разработке концепции постиндустриального общества Д. Беллом. Отмечая, что «любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества» [14, с. 661], Белл подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа.

«В индустриальном обществе, — пишет он, — главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализиро-

вать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие или фирма, а основной социальной проблемой – проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а “классовые конфликты” были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не “решенными”, то, во всяком случае, лишенными остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория» [14, с. 157–159].

«Концепция постиндустриального общества, – продолжает Д. Белл, – наводит на мысль, что существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам; однако они могут быть решены разными методами и в разных целях» [14, с. 162]. В отличие от марксизма с его особым акцентом на роли в качестве механизма социальных изменений классовой борьбы Белл приоритетное внимание обращает на сознательный характер вырабатываемых решений и «мягкий» вариант их реализации. Постиндустриальное общество, по его словам, «является такой социальной организацией, где принятие решений с необходимостью становится более осознанным» [14, с. 57].

В современной научной и социальной лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ним по своей смысловой нагрузке пары понятий: «риски и возможности» или «угрозы и шансы» становятся ключевыми. Так, в последние годы знаковой стала формула «Глобализация: вызовы и ответы». Вызовы чаще рассматриваются как внутренние или внешние проблемы, препятствия, дефициты; реже – как открывающиеся новые возможности. Создаются типологии вызовов и ответов. К первым в наши дни прежде всего относят экологические риски (экстремальные погодные явления, масштабные стихийные бедствия, риски антропогенных экологических катастроф и т. п.), геополитические риски (крупные теракты, межгосударственные конфликты и неэффективное государственное управление), технологические риски (хищение личных и служебных данных, масштабные кибератаки и др.), экономические риски (финансовый кризис, эко-

номическая рецессия, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и т. д.) и социальные риски (масштабная вынужденная миграция, старение населения, увеличение разницы в доходах между бедными и богатыми, вопросы идентичности и культуры, межрелигиозные и межэтнические конфликты и т. п.). Ответы на вызовы (риски) классифицируются по степени эффективности. Выделяют «простой успешный ответ» – нейтрализует действие вызова; «перспективный успешный ответ» – одновременно открывает новые возможности; «безуспешный ответ» – усиливает действие вызова и его негативные последствия.

При всем разнообразии проблем (вызовов), с которыми сталкиваются человеческие сообщества, особое значение имеют те из них, которые, во-первых, воплощают общесистемные процессы, замыкают на себя наиболее общие проблемы функционирования и развития общества в целом или конкретного социального сообщества. Во-вторых, выражают их способность адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям существования.

Применительно к обществу такого рода проблемы, несомненно, возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: социального порядка (организации) и человеческой деятельности. Приведение их в соответствие является тем системообразующим внутрисоциальным вызовом (назовем его «энерго-институциональной задачей», понимая под энергетикой социальную активность людей, а под институционализацией – процесс упорядочения, организации общественной жизни), ответы на который обуславливают ведущее направление развития общества.

Разъяснение сути этой задачи начнем с подтверждения положения о том, что существование любого социального сообщества возможно только на основе организации, упорядочения совместной жизнедеятельности людей, взаимоотношений между ними. Необходимость в такой организации не могла не обусловить возникновения обеспечивающего ее процесса саморегуляции различных социальных объединений. Этот саморегулятивный процесс охватывает способ, формы человеческой жизнедеятельности и порядок устройства социума, образующие его институты, взаимоотношения, связывающие людей. Содержание саморегулирующего воздействия двуедино и состоит, во-первых, в создании условий, мотивирующих активность, деятельность людей; во-вторых, в придании этой активности харак-

тера, целесообразного для данной социальной общности, реализующего потребности ее сохранения и развития.

Повторяем, энерго-институциональная задача является тем внутрисоциальным вызовом, содержание и степень эффективности ответов на который определяют основную линию развития общества. Особо следует иметь в виду, что позитивное решение энерго-институциональной задачи не гарантируется никаким социальным законом, а представляет собой результат вполне сознательной деятельности людей. Законом является сама необходимость данного действия. Там, где оно оказывается малоэффективным, активность человека теряет целесообразный для социума характер, становится деструктивной, социокультурная общность приходит в упадок, гибнет. Такова судьба, о чем было сказано выше, многих древних цивилизаций и культур. Не исключено, что она ждет и наше общество.

Еще один принципиальный постулат данного исследовательского подхода состоит в том, что процесс решения «энерго-институциональной задачи», являясь продуктом человеческой деятельности, по своему содержанию, способам вариативен. В этом причина того, что он может носить своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ведущих ветвей социокультурной традиции. Каждую из них отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения. Индуистско-буддистской традиции присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской свойственно «приспособление к миру», а иудаистско-христианской — ориентация на «овладение миром».

На основе различного отношения к миру и, как следствие, специфики поведения людей немецкий социолог классифицировал высоко развитые формы религиозной жизни. Так, для конфуцианства характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство, ислам принимают его на условиях улучшения, исправления. По-разному решается в них и проблема спасения. Основополагающими являются два варианта: спасение через собственные действия (буддизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методами спасения являются или ритуальные культовые действия и церемонии, или социальные действия (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), или самоусовершенствование. При втором — спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), через

веру (иудаизм, лютеранство), через милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: через активное этическое действие и через мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая, в свою очередь, означает или бегство человека от мира, или внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). Во втором варианте аскеза — средство достижения мистического просветления, покоя в божественном начале.

Следовательно, объяснить разнообразие путей человеческой истории можно таким образом. Перед каждым сообществом стояла задача организации совместной жизнедеятельности людей. Потенциальная вариативность в ее решении предопределила появление разных его методов, а значит и отличий, в мировоззрении и культуре, способе жизни людей и порядке организации социума, в конечном счете — многообразии культур и цивилизаций.

Следующий принципиальный вопрос касается возможностей, пределов и способов использования при решении возникших проблем и выборе дальнейшего пути социального развития конструктивных возможностей, заложенных в разуме и активности людей. Спектр мнений на этот счет, который является более чем разнообразным и противоречивым, может быть представлен рядом антитез.

Первая из антитез состоит в том, что изначально при объяснении механизма развития общества в истории социальной мысли противостояли одна другой две точки зрения: социальные институты «проектируются» людьми или социальные институты «просто вырастают», являясь непреднамеренным результатом человеческих действий. Первая из них представлена теоретиками общественного договора, начиная с Т. Гоббса. Вторая — их критиками, первым из которых был Д. Юм.

Второй из антитез является противопоставление социального натурализма и волюнтаризма. Суть социального натурализма состоит в констатации предзаданной логики, неизбежности определенной траектории общественного развития. В этой ситуации роль человека состоит, во-первых, в правильном понимании заданной извне социальной траектории, во-вторых, — в содействии ее реализации. Со своей стороны, волюнтаризм, преувеличивая значение сознательной деятельности людей, предполагает реализацию идеальных проектов и идеологических моделей без должного учета условий и пределов преобразования социальной среды, готовности к новациям людей.

Третья антитеза относится к соотношению в общественном развитии двух его составляющих: стихийности, или спонтанности, в смысле самопроизвольности, неинспирированности человеческим вмешательством и сознательного воздействия человека на ход социальных процессов. Преувеличение роли одной из этих составляющих, что имеет место в некоторых объяснительных конструкциях, на наш взгляд, является некорректным.

Спонтанность и сознательность, понимаемая как разумные действия людей по решению наиболее острых социальных проблем, — атрибутивные свойства всей человеческой истории. Саморегуляция общественного организма — это продукт деятельности людей. Но именно по этой причине регулирующее воздействие в принципе не в состоянии охватить, организовать, предусмотреть, спланировать весь социальный, жизненный процесс. Функционирование и развитие общества, в особенности повседневная жизнь людей, проходят, хотя и под преобладающим влиянием конкретного регулирующего воздействия, всей социокультурной традиции, но во многом и естественным, т. е. независимым от этого воздействия, путем.

В наши дни весьма популярной является точка зрения сторонников либерально-консервативного направления общественной мысли о неоправданности притязаний человеческого разума на тотальное осмысление социальных процессов, несостоятельности попыток глобального переустройства общества по заранее составленному рациональному плану, таящейся в них опасности движения к тоталитарному режиму. Однако такая позиция не равнозначна отказу от обращения к возможностям разума при выборе форм организации социальной жизни. Примечательно в связи с этим следующее высказывание виднейшего теоретика этого направления Ф. А. Хайека. «Спор между сторонниками планирования и их оппонентами, — писал он, — не сводится... ни к тому, должны ли мы разумно выбирать тип организации общества, ни к вопросу о необходимости применения прогнозирования и систематического мышления в планировании наших общих дел. Речь идет только о том, как осуществлять все это наилучшим образом: должен ли субъект, наделенный огромной властью, заботиться о создании условий, мобилизующих знания и инициативу индивидов, которые сами осуществляют планирование своей деятельности, или же рациональное использование наших ресурсов невозможно без централизованной организации и управления всеми процессами деятельности в соответствии с некоторой сознательно сконструированной программой» [123, с. 132].

Как представляется, любые идеальные социальные проекты в условиях реальной жизни претерпевают изменения, и часто весьма существенные. Корректировка их первоначального варианта происходит из-за ряда причин. Например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. Различно авторство конкретных вариантов решения той или иной социальной или культурной проблемы. Оно может принадлежать как официальным органам управления, так и стремящейся к власти оппозиции, неофициальным структурам. Нередко его содержание заимствуется официальными структурами у неофициальных. В противовес одному варианту выдвигаются иные, как правило альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы их авторов и стоящих за ними социальных групп. Существенное корректирующее воздействие оказывает изменчивость окружающего мира, реальный ход социальных событий.

В итоге содержание реализованного социального проекта правомерно рассматривать как результат взаимодействия целого ряда разнообразных факторов: потенциала интеллектуальных ресурсов данного общества, деятельности властных структур и оппозиции, борьбы и согласования интересов различных социальных групп, принятия членами данной общности некоторого минимума общепринятых ценностей, норм деятельности и т. п. Но, и это главное, эффективность социально-преобразующих действий зависит прежде всего от того, нацелены ли они на разрешение возникающих в процессе функционирования и развития общества проблем, лежащих в их основе противоречий.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что социальные институты возникают в процессе решения различных социальных проблем и представляют собой результирующий итог как сознательных представлений и действий различных субъектов, так и борьбы (согласования) интересов классов и других групп населения.

10.2. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В ситуации нынешних общепланетарных экономических, социальных и экологических вызовов естественными являются вопросы: во-первых, что представляют собой современные «энерго-институциональные задачи» (основополагающие внутрисоциальные вызовы); во-вторых, какими способами эти задачи могут быть решены.

Вполне очевидно, что ядро этих задач в текущей общемировой ситуации составляет гармонизация широкого спектра межклассовых, межнациональных, межкультурных и межрелигиозных отношений. С учетом более отдаленной перспективы оно сконцентрировано на взаимосвязанных между собой проблемах конечных пределов потребления и императива глобального выживания.

Неслучайно в связи с усиливающейся ориентацией на перспективу общечеловеческого развития все более заметным становится поворот от «идеологии прогресса» к «идеологии пределов, глобального равновесия». Делаются попытки разработать новую модель общественного развития, в рамках которой параметры экономического роста ставятся в зависимость от обобщенных целей прогресса, выживания человека. Наиболее известным вариантом такой модели стала концепция устойчивого развития, под которым понимается развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени, но не ставящее под угрозу способность будущих поколений удовлетворять собственные нужды.

В социальной теории отражением новых, по сути онтологических, т. е. способных оказать кардинальное влияние на механизм социального развития, возможностей человека стал третий фиксируемый П. Штомпкой парадигматический сдвиг – переход от образа «гомоэкономикус» (расчетливого, рационального, целеустремленного деятеля), представленного в «теории рационального выбора», и от «гомосоциологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом», к «гомокогнитанс» (знающему и понимающему участнику, информированному и ограниченному коллективными символическими системами знаний и веры) [132, с. 69].

Иными словами, особенности современного общества (общепланетарность, глобальное выживание, экология, высокие риски, повышенная конфликтность и др.) требуют принципиального преобразования способа жизнедеятельности людей и соотносящегося с ним конгломерата социальных институтов, иными словами, решения энерго-институциональной задачи применительно к условиям новой социальной и глобальной реальности.

В чем состоит суть этой задачи на данном этапе общественного развития? До сих пор основную линию развития общества определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей. В соответствии с ним проходила институционализация новых форм жизни и порядка социальной организации. Отныне, и в этом

главное отличие саморегулятивного механизма, в котором нуждается современное общество, именно способ жизнедеятельности, ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком.

Чтобы уяснить суть этого преобразования, нужно прежде всего установить ту систему ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты хорошо знакомы истории социальной мысли. Вот самые известные из них.

Эгоизм (в его разных видах) как поведение, в основе своей ориентированное на собственную пользу, ставящее интересы одного индивида выше интересов других. И его противоположность — альтруизм как бескорыстная забота о благополучии других людей или общем благе в целом.

Индивидуализм, акцентированный на индивидуальной свободе и собственных интересах личности. И его противоположность — коллективизм как главенство некоторой группы и ее интересов над человеческой личностью и ее индивидуальными запросами.

Дилемма «иметь или быть», которую сформулировал Э. Фромм, считая, что приоритет модуса обладания лишает «принцип жизни» его абсолютного значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею.

Выработка следующей системы ценностных координат связана с именем И. Канта. Остановимся на ней более подробно.

Как известно, одна из формулировок категорического императива Канта гласит: поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда только как средство.

Данное высказывание можно проинтерпретировать и таким образом, что широкое распространение противоположной жизненной практики имеет особые социокультурные последствия. В связи с этим можно говорить о социокультурной традиции, ценностным основанием которой является точка зрения, даже культ средства. Для ее обозначения лучше всего годится термин «тропократический», берущий начало от древнегреческих слов *τρόπος* — средство, способ, образ действий и *χρατος* — сила, мощь, могущество, власть.

Происхождение этой социокультурной традиции обусловлено тем, что естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни, реализации мотивов людей привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась

в средство, скрыло ее самоценность, самоценность различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира [96, с. 66–70]. Альтернативой культу средства является утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира. На смену культу средства должен прийти провозглашенный А. Швейцером культ жизни. Таким образом, четвертая система ценностных координат носит следующий альтернативный характер: жизнь-средство – жизнь самоценна.

Свободное ограничение людьми их нынешних желаний должно быть сделано не в пользу альтруизма, коллективизма или отказа от обладания чем-либо. Оно сродни здравому смыслу, только вышедшему за пределы сиюминутности, поскольку равнозначно признанию самоценности мира и самых разнообразных проявлений человеческой жизни. Опыт человеческой истории показал, что бесперспективно добиваться отказа человека от первенства его интересов, его «Я». Но хотя, бесспорно, эгоизм и индивидуализм не лучшие человеческие качества, противопоставлять им следует не их антиподы – альтруизм и коллективизм, а признание и за другими людьми прав, равных моим правам, отказ от отношения к другому, равно к миру в целом, как исключительно к средству достижения моих желаний.

Итак, в ходе объяснения механизма развития общества постепенно усиливалось убеждение, что многие социальные изменения являются результатом вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей. Выражается это, во-первых, в акценте на особую социально-преобразующую роль человека, социальных групп и движений, их смысло-порождающую деятельность. Во-вторых, в подчеркивании множественности, своеобразия путей развития различных человеческих сообществ.

П. Штомпка говорит в связи с этим об особом парадигматическом сдвиге, который состоит в переходе от образа эволюции или социального развития к социальному становлению, когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, реализующиеся с помощью человеческого выбора и решений.

Такое парадигматическое понимание механизма социальных изменений первоначально возникло в исторической науке. Попытки теоретической интерпретации конкретного исторического материала оказались в данном случае более продуктивными, чем акцент на построении обычно несколько умозрительных, пусть и весьма оригинальных, объяснительных конструкций в социальной науке.

Особый интерес представляет сформулированный А. Дж. Тойнби Закон Вызова-и-Ответа, суть которого состоит в способности людей давать адекватные ответы на вызовы, которые задает им конкретная историческая ситуация. Схожий подход к объяснению механизма социального развития заложен в марксистской преобразовательной модели общественного процесса. На принципиальное отличие системообразующих структурных проблем, которые должны решать общества разного типа, указывал Д. Белл. В современной социально-экономической и геополитической лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ним по своей смысловой нагрузке пары понятий «угрозы и шансы» или «риски и возможности» становятся ключевыми.

При всем разнообразии проблем (вызовов), с которыми сталкивается общество, особое значение имеют те из них, которые касаются основных тенденций его функционирования и развития. Они возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: социального порядка (организации) и человеческой деятельности. Приведение их в соответствие — тот системообразующий внутрисоциальный вызов («энерго-институциональной задачей»), который обуславливает ведущее направление дальнейшего развития общества. Принципиален тот факт, что ответы на такого рода вызовы, являясь продуктом человеческой деятельности, по своему содержанию, способам действия могут быть вариативными. В этом причина того, что они носят своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ведущих ветвей мировой социокультурной традиции, каждую из которых отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения. Индуистско-буддистской — с присущим ей «бегством от мира», конфуцианско-даосистской, со свойственным ей «приспособлением к миру», и иудаистско-христианской, ориентирующийся на «овладение миром».

Сами социальные институты возникают в процессе решения различных социальных проблем и представляют собой результирующий итог как сознательного конструирования и выбора, представлений и действий различных субъектов, так и борьбы (согласования) интересов классов и других групп населения.

Основные вызовы современного общества (глобальное выживание, экология, высокие риски, повышенная конфликтность и др.) требуют дальнейшего преобразования способа жизнедеятельности людей и соотносящегося с ним конгломерата социальных институ-

тов. Если до сих пор основную линию развития общества определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей, то отныне именно способ жизнедеятельности и ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком.

Для уяснения сути этого преобразования нужно прежде всего установить ту систему ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты хорошо знакомы истории социальной мысли. Вот самые известные из них: эгоизм – альтруизм, индивидуализм – коллективизм, дилемма «иметь или быть», жизнь-средство и жизнь-самоценность. Именно идущая от И. Канта традиция отказа от восприятия мира и человека как средства и признания их в качестве цели и главной ценности, как представляется, должна стать доминирующим ценностным ориентиром жизни людей и развития современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Издание не случайно носит название «Основы теоретической социологии». Вызвано это тем, что теория социологической науки предельно широка по своему содержанию и разнообразию теоретико-методологических подходов. В данном случае мы изложили суть основных категорий понятийного аппарата социологии и их интерпретацию ведущими представителями классической и современной социологической науки. Более глубокое знание ее теоретических основ требует прямого обращения к авторским текстам. От читателей требуются самостоятельное знакомство с первоисточниками, размышления по поводу прочитанного, сопоставление различных точек зрения и понимание эвристической ценности каждой из них.

А исходить нужно из первоначальной установки, что не создано единственно верной теоретической конструкции, которая, во-первых, охватывала бы все многогранные аспекты общественной жизни и деятельности человека; во-вторых, давала исчерпывающие ответы на вопросы о функционировании и развитии общества, поведении и социальных действиях людей. Но знание самых разнообразных, даже противоречащих одна другой точек зрения необходимо для лучшего понимания происходящих процессов и приближения к научной истине.

Говоря о социологической теории, нужно помнить и то, что ее полноценное развитие невозможно без привлечения знаний из смежных научных дисциплин, прежде всего философии, истории и социальной психологии. Отцы-основатели социологии были хорошо знакомы с этими науками и владели большим спектром эмпирических фактов. Отсюда и соответствующие отсылки в нашей книге.

Наконец, следует помнить, что социальная теория не может развиваться исключительно в теоретико-методологическом лоне, без

обращения к реальным событиям и процессам общественной жизни, их изучения и оценки, выработки новых социальных предложений. В связи с этим весьма своевременна постановка идеи социологии публичной сферы, которая должна выйти за рамки академической социологической жизни и более активно использовать теоретические знания для исследования и решения актуальных проблем общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

---

1. *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван : Изд-во АН Армян. ССР, 1983. 232 с.
2. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Практис, 2013. 640 с.
3. *Алексеев В. М.* Китайская литература // Избр. тр. М. : Наука, 1978. 588 с.
4. *Аристотель.* Политика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
5. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социол. журн. 2011. № 1. С. 10–36.
6. *Арнасон Й.* Переосмысление восточноазиатского модерна // Социол. журн. 2016. № 1. С. 191–200.
7. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс-Универс, 1993. – 608 с.
8. *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М. : Прогресс, 1972. С. 235–247.
9. *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М. : Наука, 1978. 200 с.
10. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
11. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
12. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
13. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
14. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999. 788 с.
15. *Бергер П.* Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М. : Прогресс-Универс, 1994. 320 с.
16. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 336 с.
17. *Бергсон А.* Смех // Психология эмоций. Тексты. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 186–191.
18. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М. : Наука, 1986. 236 с.
19. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль [тексты]. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 168–215.
20. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М. : Рудомино, 1995. – 224 с.

21. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986. Т. I : Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.
22. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1988. Т. 2 : Игры обмена. 634 с.
23. *Бромлей Ю.Б.* Человек в этнической (национальной) системе // *Вопр. философии.* 1988. № 7. С. 42–51.
24. *Бромлей Ю. Б.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987. 336 с.
25. *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М. : Аспект Пресс, 1998. 284 с.
26. *Бурдые П.* Начала. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.
27. *Бурдые П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
28. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университет. кн., 2001. 416 с.
29. *Василюк Ф. Е.* Психология переживаний. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1984. 200 с.
30. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
31. *Вебер М.* История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Петроград : Наука и шк., 1923. 240 с.
32. *Вейнсберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М. : Наука, 1986. 208 с.
33. *Венсан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М. : Прогресс, 1988. 224 с.
34. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций // *Философия истории.* Антология. М. : Аспект Пресс, 1995. С. 31–37.
35. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005. 461 с.
36. *Геллнер Э.* Нации и национализм // *Вопр. философии.* 1989. № 7. С. 120–131.
37. *Гидденс Э.* Элементы теории структуризации // *Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас.* Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 40–80.
38. *Гидденс Э.* Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
39. *Гидденс Э.* Социология / при участии К. Бердсолл. М. : Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
40. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М. : Академ. Проект, 2005. 528 с.
41. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Соч. : в 2 т.* М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–590.
42. *Гофф Ж. Л.* Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
43. *Грамши А.* Избранные произведения : в 3 т. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. Т. 3. 564 с.
44. *Грязнова О. С.* Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол : автореф.

дис. ... канд. социол. наук. М. : 2009. URL: http://www.isras.ru/files/File/Avtoreferat/Avtoreferat_GryaznovaOS.pdf (дата обращения: 15.01.2017).

45. *Гумилев Л. Н.* Письмо в редакцию «Вопросов философии» // *Вопр. философии*. 1989. № 5. С. 157–160.

46. *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос» // *Доклады географического общества СССР*. Л., 1967. Вып. 3. С. 3–17.

47. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988. 496 с.

48. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008. 813 с.

49. *Джеймсон Ф.* Постмодернизм и общество потребления // *Современная западная социология: хрестоматия : учеб. пособие / авт.-сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко*. Минск : Тесей, 2008. С. 434–446.

50. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М. : Канон, 1996. 432 с.

51. *Изард К.* Эмоции человека. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 440 с.

52. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М. : Новое изд-во, 2011. 464 с.

53. *История древнего мира : в 3 кн.* М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1989. Кн. 3 : Упадок древних обществ. 407 с.

54. *История первобытного общества : в 3 т.* М. : Наука, 1983. Т. 1 : Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. 432 с.

55. *История первобытного общества : 3 т.* М. : Наука, 1986. Т. 2 : Эпоха первобытной родовой общины. 573 с.

56. *История первобытного общества : в 3 т.* М. : Наука, 1988. Т. 3 : Эпоха классовобразования. 568 с.

57. *Йоас Х.* Креативность действия. СПб. : Алетейя : Истор. кн., 2005. 320 с.

58. *Калхун К.* Национализм. М. : Территория будущего, 2006. 288 с.

59. *Карсев Д. Ю.* Теория революции Чалмерса Джонсона. Кафедра истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. URL: <http://m.cyberleninka.ru/article/v/teoriya-revoljutsii-chalmersa-dzhonsona> (дата обращения: 17.01.2017).

60. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ-ВЭШ, 2000. 458 с.

61. *Ключков И. С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1983. 207 с.

62. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. М. : Прогресс, 1983. 302 с.

63. *Кнабе Г. С.* Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М. : Искусство, 1986. 206 с.

64. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории: автобиография. М. : Наука, 1980. 491 с.

65. *Кондорсе Ж.-А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. : Гос. социально-экон. изд-во, 1936. 265 с.

66. *Кон И. С.* Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // *Социальная психология личности*. М. : Наука, 1979. С. 85–113.

67. *Конт О.* Дух позитивной философии. URL: http://royallib.com/book/kont_ogyust/duh_pozitivnoy_filosofii.html (дата обращения: 15.01.2017).
68. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. М. : Либроком, 2011. 296 с.
69. *Конфуций:* Жизнь. Учение. Мысли, изречения, афоризмы / сост. В. В. Юрчук. 3-е изд. Минск : Современное слово, 2003. 379 с.
70. *Крозье М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свобод. мысль. 1993. № 11. С. 35–43.
71. *Кули Ч.* Социальная самость // Американская социологическая мысль : [тексты]. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1994. С. 316–329.
72. *Кули Ч.* Первичные группы // Американская социологическая мысль : [тексты]. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1994. С. 330–335.
73. *Левин Д.* Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля // Социол. журн. 1994. № 2. С. 61–101.
74. *Ленин В. И.* Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. : в 55 т. : 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. С. 296–305.
75. *Ленин В. И.* Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 26. С. 209–265.
76. *Ленин В. И.* Великий почин // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 1–29.
77. *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. С. 1–104.
78. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в древней Руси. Л. : Наука, 1984. 295 с.
79. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 135–406.
80. *Лосев А. Ф.* Античная мифология и в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. 620 с.
81. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М. : Мысль, 1982. 623 с.
82. *Маркс К.* К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 18. С. 5–9.
83. *Маркс К.* Письмо Иосифу Вейдемейеру 5 марта 1852 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962. Т. 28. С. 422–428.
84. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2002. 526 с.
85. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
86. *Мид Дж.* Азия // Американская социологическая мысль : [тексты]. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 227–237.
87. *Паркинсон С. Н.* Законы Паркинсона. М. : Эксмо, 2007. 464 с.
88. *Пиаже Ж.* Теория Пиаже // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века [тексты]. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 232–292.
89. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
90. *Платон.* Государство // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

91. *Поппер К.* Нищета историцизма. М. : Прогресс-ВИА, 1993. URL: http://royallib.com/book/popper_karl/nishcheta_istoritsizma.html (дата обращения: 12.01.2017).
92. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
93. *Робер М.-А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М. : Прогресс, 1988. 256 с.
94. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс, 1994. 480 с.
95. *Роулз Дж.* Теория справедливости. Фрагмент из книги // Этическая мысль. М. : Политиздат, 1990. С. 229–242.
96. *Рубанов А. В.* И. Кант и тропократическая культура. Философия И. Канта и современность // Материалы Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 нояб. 2004 г. Минск : Технопринт, 2005. С. 66–70.
97. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического Права // Антология мировой философии : в 4 т. М. : Мысль, 1970. Т. 2. С. 566–573.
98. *Рылько Е.* Каким будет капитализм XXI века? URL: http://www.sociologos.ru/novosti/Direktor_londonskoj_SHkoly_Ekonomiki_-_sociolog_Krejjg_Kalhun_vystupil_s_lekciej (дата обращения: 12.01.2017).
99. *Рюде Дж.* Народные низы в истории. 1730–1848. М. : Прогресс, 1984. 320 с.
100. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик: основы психоаналитического процесса. М. : Смысл, 2007. 254 с.
101. *Скокпол Т.* Государства и социальные революции // М. В. Масловский. Социология политики: классические и современные теории. М. : Новый учеб., 2004. С. 103–108. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/skocpol.html> (дата обращения: 15.01.2017).
102. *Смелзер Н.* Социология. М. : Феникс, 1994. 688 с.
103. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
104. *Социология Конта в изложении Ригولاжа.* СПб. : Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1898. 406 с.
105. *Спиридонова В. И.* Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М. : Ин-т философии РАН, 1997. 202 с.
106. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
107. *Тард Г.* Законы подражания. М. : Кн. по требованию, 2012. 378 с.
108. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М. : Прогресс, 1985. 472 с.
109. *Тили Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М. : Территория будущего, 2009. 360 с.
110. *Титаренко Л. Г.* Концепция множественности форм модернов в исторической социологии Й. П. Арнасона // Социол. исслед. 2016. № 1. С. 186–190.
111. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
112. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.
113. *Тоффлер Э.* Футурошок. СПб. : Лань, 1997. 464 с.
114. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557.

115. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социол. исслед. 2015. № 6. С. 3–13.
116. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Науч. мир, 1998. 204 с.
117. *Урри Дж.* Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
118. *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима III–I вв. до н. э. М. : Наука, 1977. 257 с.
119. *Февр Л.* Бои за историю. М. : Наука, 1991. 635 с.
120. *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1984. 236 с.
121. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1990. 272 с.
122. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : Ин-т философии РАН, 1992. 256 с.
123. *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 113–152.
124. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М. : Наука, 1988. 544 с.
125. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность : в 2 т. М. : Педагогика-пресс, 1986. Т. 1. 408 с.
126. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М. : Прогресс, 1990. 456 с.
127. *Щепанский Я.* Элементарные понятия социологии. М. : Прогресс, 1969. 240 с.
128. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М. : Мысль, 1993. Т. 1 : Гештальт и действительность. 667 с.
129. *Штаерман К. Е.* От гражданина к подданному // Культура древнего Рима : в 2 т. М. : Наука, 1985. Т. I. С. 22–105.
130. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.
131. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. – 664 с.
132. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 64–72.
133. *Шубрт И.* Историческая социология Ш. Эйзенштадта – завершённый труд, открытый для вдохновения // Социол. исслед. 2014. № 6. С. 13–20.
134. *Эйзенштадт Ш.* Срывы модернизации. Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/e4.html> (дата обращения: 10.01.2017).
135. *Элиас Н.* Понятие фигурации // Журн. социологии и соц. антропологии. 2000. Т. III, № 3. С. 62–65.
136. *Эрикссон Э. Г.* Детство и общество. СПб. : Фонд «Университет. кн.», 1996. 592 с.
137. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Verlag : Tübingen JCB Mohr (Paul Siebeck) Erscheinungsdatum, 1951. 687 s.
138. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990. 188 p.
139. *Darrendorf R.* Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Ferdinand Enke, Stuttgart, 1957. 270 s.

140. *Kumar K.* The Rise of Modern Society: Aspects of the Social and Political Development of the West. Oxford, Basil Blackwell, 1988. 338 p.
141. *Spencer H.* Social statics. L., 1851. 476 pp.
142. *Spencer H.* First principles. N. Y., 1896. 612 p.
143. *Spencer H.* The principles of ethics. N. Y., 1904. Vol. I. 572 p.
144. *Tönnies F.* Soziologische Studien und Kritiken. Jena, 1923.
145. *Tönnies F.* Die Entstehung meiner Begriffe Gemeinschaft und Gesellschaft // Köln. Ztschr. Soziol. 1955. Jg. 7. № 3.

Учебное издание

Рубанов Анатолий Владимирович

ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Учебно-методическое пособие

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Дизайн обложки *О. В. Гасюк*

Технический редактор *Л. В. Жабаровская*

Компьютерная верстка *А. А. Микулевича*

Корректор *Е. И. Бондаренко*

Электронный ресурс 0,8 Мб

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.